

В. САМОШКИН

ХРОНИКА АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

АЛЕКСАНДР АНТОНОВ

страницы биографии

В. САМОШКИН

ХРОНИКА АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Памяти автора, В. В. Самошкина ...

Антоновщина – последняя крестьянская война в России.

«В гражданской войне не бывает победителей»

М. Шолохов

ПРЕДИСЛОВИЕ

О так называемой антоновщине – мощнейшем антикоммунистическом восстании крестьян Тамбовской губернии в 1920 – 1921 годах написано уже немало. Причем не только у нас в стране, но и за рубежом. Кстати, самая большая по объему (450 страниц) монография на эту тему вышла в 1976 году в США в издательстве знаменитого Стэнфордского университета из-под пера профессора О. Х. Рэдки и называется «Неизвестная гражданская война в Советской России».

Конечно, для русских, проживающих в России, особенно в Центральном Черноземье, антоновщина не является «неизвестной гражданской войной», и поэтому количество отечественных публикаций об Антоновском восстании превышает число заграничных в сотни раз. Думается, здесь достаточно будет сказать, что в изданном в Тамбове в 1994 году библиографическом указателе А. А. Соболевой «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии (1920 – 1921 гг.)» упомянуто 795 публикаций на тему антоновщины (научные монографии и статьи, романы, повести и рассказы, сборники документов, а также великое множество журнальных и газетных статей). И это явно не полный перечень всей литературы о восстании тамбовских крестьян в 1920 – 1921 годах. К сегодняшнему же дню, по твердому убеждению автора этих строк, число публикаций, полностью или частично посвященных антоновщине, уже где-то близко подходит к тысяче.

Все эти публикации довольно четко разделяются на три основные группы.

Первая из них, охватывающая по времени 1921 – 1941 годы, состоит из научных, поленаучных и публицистических работ, а также воспоминаний, написанных, как правило, по «горячим следам» непосредственными участниками подавления Антоновского восстания.

Главной и, пожалуй, единственной ценностью этих работ, на наш взгляд, является относительно полное освещение действий частей Красной армии, принимавших участие в боях с антоновцами. А вот сама же антоновщина всеми авторами однозначно трактуется как заранее подготовленный партией эсеров, а позднее и руководимый ею же антисоветский кулацко-эсеровский мятеж, принявший форму политического бандитизма с полууголовным оттенком. Решающей же мерой, приведшей к усмирению мятежной Тамбовщины, признавалась замена системы продразверстки системой продналога в марте 1921 года, а вовсе не крупномасштабные и решительные (порой до бесчеловечной жестокости) действия красноар-

мейских частей в июне – июле того же 1921 года.

После почти 15-летнего перерыва (1941 – 1956 гг.), во время которого об антоновщине практически никто ничего не писал, берет свое начало так называемая вторая волна, или группа публикаций об Антоновском восстании, хронологически охватывающая собой период со второй половины 1950-х и до конца 1980-х годов.

Фактически же она отличается от первой лишь резко возросшим количеством публикаций сборников документов, касающихся подавления восстания тамбовских крестьян в 1920 – 1921 годах, выпуском воспоминаний тогда еще здравствовавших и биографий не доживших до хрущевской «оттепели» «победителей» антоновщины. Как ныне известно, подавляющее большинство из последних умерли, что называется, не своей смертью, а были физически уничтожены во времена сталинщины как «враги народа».

Тех из читателей, кого интересует более полный и подробный анализ наиболее серьезных и содержательных публикаций об антоновщине, вышедших в период с начала 1920-х по конец 1980-х годов, адресуем к статье В. Д. Дементьева и В. В. Самошкина «Восстание крестьян на Тамбовщине в 1920 – 1921 годах (Обзор литературы)», опубликованной в сугубо научном журнале «История СССР» (1990, № 6, С. 99 – 110).

Наконец, с конца 1980-х годов наступает третий период в изучении истории антоновщины. И, естественно, появляется на свет третья группа публикаций. Сразу отметим, что она далеко неоднородна, хотя, бесспорно, главенствующие позиции в ней занимают на сегодняшний день те научные исследования и статьи, в которых антоновцев уже называют не бандитами, а повстанцами, а саму антоновщину не именуют эсеров-кулацким мятежом или политическим бандитизмом.

Отбросив ложную скромность, отметим, что начало кардинальному пересмотру отношения к Антоновскому восстанию положил автор этих строк, опубликовав в декабре 1988-го – марте 1989 года в районной газете «Знамя труда» (поселок Ржакса Тамбовской области) строго документальный очерк «Антоновщина», занявший 20 целых газетных страниц (полос).

Чуть позднее этот очерк был перепечатан несколькими районными газетами Тамбовской и Воронежской областей (нынешняя восточная часть последней до 1928 года входила в состав Борисоглебского уезда Тамбовской губернии). А в 1990 году этот же документальный очерк, но уже под названием «Антонов огонь», появился на страницах выходящего в Воронеже регионального журнала «Подъем» (№№ 9 – 11).

Из работ своих «последователей», вернее исследователей, разделяющих в основном мою точку зрения на антоновщину, следует выделить четыре весьма добротные статьи: Д. Фельдмана «Крестьянская война» (журнал «Родина», 1989, № 10, С. 52 – 57), С. Павлюченкова «Почему вспыхнула «антоновщина»?» («Неделя», 1989, № 44, С. 10 – 11), С. А. Есикова и Л. Г. Протасова ««Антоновщина»: новые подходы» (журнал «Вопросы истории», 1992, № 6 – 7, С. 47 – 57) и С. А. Есикова и В. В. Канищева ««Антоновский НЭП» (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920 – 1921 гг.)» (журнал «Отечественная история», 1993, № 4, С. 60 – 72).

В 1990-е же годы из печати вышли публикации прежде недоступных историкам очень важных, а порою и просто потрясающих документов об истории подавления Антоновского восстания. По части «потрясений» бесспорное лидерство принадлежит москвичу П. А. Аптекарю. Чтобы убедиться в этом достаточно ознакомиться хотя бы с некоторыми опубликованными им документами (см., напр.: «Независимая газета» от 22 августа 1992 г., «Военно-исторический журнал», №№ 1 и 2 за 1993 г., «Российская газета» от 29 июня 1994 г.).

Но, конечно же, самым большим собранием опубликованных документальных материалов об Антоновском восстании является вышедший в 1994 году в Тамбове сборник «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы». Сборник содержит 377 самых различных документов, попавших в него из фондов семи центральных и местных (пяти государственных и двух ведомственных) архивов. Кстати сказать, два последних называются так: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации и Архив Управления ФСБ РФ по Тамбовской области.

Подавляющее большинство документов сборника, как утверждают его составители, опубликовано впервые. И это действительно так. Но тут есть один нюанс.

Дело в том, что когда автор этих строк предложил журналу «Подъем» свою рукопись документального очерка «Антонов огонь», то эта рукопись содержала все необходимые ссылки на те архивные источники, которые были использованы при написании очерка. Однако редакция «Подъема», сославшись на то, что их журнал «литературно-художественный и общественно-политический», а вовсе не научный, наотрез отказалась печатать вышеупомянутые ссылки.

В связи с этим должен заявить, что многие из тех документов, которые уважаемые составители сборника считают опубликованными впервые, уже задолго до выхода в свет сборника фигурировали (полностью или фрагментарно) в моем очерке «Антонов огонь». А так как не всегда тексты одних и тех же документов в сборнике «Антоновщина» и очерке «Антонов огонь» идентичны, так как зачастую взяты из разных фондов или даже разных архивов, то автор этих строк оставляет за собой право ссылаться на те архивные источники, из которых черпал информацию он сам. Ведь в конце-то концов ответственность за правдивость исторических фактов, приводимых в данной книге, несет ее автор (окончивший, кстати, в свое время Московский государственный историко-архивный институт).

Разумеется, в случае, если какой-либо документ (или его фрагмент) мною ранее 1994 года не публиковался, но он имеется в сборнике, то и ссылка делается на соответствующее место сборника.

То же самое относится и к очерку о самом А. С. Антонове, жизненный путь которого еще никто из историков не пытался проследить. По своей сути биографический очерк о предводителе тамбовских повстанцев является как бы дополнением к «Истории Антоновского восстания»; был опубликован в неполном объеме в 1991 году на страницах газеты «Литературная Россия» (№№ 31, 50 и 52) и в еще более сокращенном варианте, но со ссылками на архивные источники, в научном журнале «Вопросы истории» в 1994 году (№ 2, С. 66 – 76).

И последнее. Приятное.

Автор выражает сердечную и искреннюю благодарность всем тем добрым и бескорыстным людям, которые оказали моральную поддержку или материальную помощь в создании и издании этой книги. И все же особая благодарность *Сергею Викторовичу Коневу*, без которого эта книга уж точно бы не увидела свет.

Глава 1. КАНУН И НАЧАЛО

Общеизвестно, что Антоновский мятеж подготавливался эсерами. Как правыми, так и левыми. Хотя их роль в этом нещадно преувеличена нашими историками, но именно эсеры провели в Тамбовской губернии основную работу по пропаганде антикоммунистических настроений среди широких крестьянских масс и по созданию в деревне подпольных комитетов «Союза трудового крестьянства» (СТК), которым отводилась роль центров по непосредственной подготовке крестьянских выступлений на местах. К середине лета 1920 года значительная часть Тамбовской губернии была уже покрыта густой сетью нелегальных комитетов СТК – сельских, волостных, районных и уездных. Существовал и глубоко законспирированный губернский комитет (губком) СТК.

Несомненно, что комитеты СТК внесли свой вклад в нагнетание уже и без того предгрозовой атмосферы, царившей во многих местах Тамбовщины еще с февраля 1920 года. Ведь именно к этому времени в ходе сбора продрозверстки достигло своего апогея число всевозможных перегибов, откровенных насилий и настоящих преступлений по отношению к крестьянству со стороны продотрядов, напрямую подчинявшихся тамбовскому губпродкомиссару Якову Григорьевичу Гольдину.

Так уж случилось, что в нашей исторической литературе до сих пор как-то не нашлось места для освещения творившихся продотрядами беззаконий. В лучшем случае, историки отделялись общими фразами типа того, что в «отдельных местах» происходили «отдельные случаи» перегибов, ошибок и других «искривлений линии», допуская иногда «отдельными продотрядами».

А между тем, даже поверхностное изучение документов о проведении кампании продрозверстки двадцатого года в Тамбовской губернии показывает, что здесь можно говорить о настолько искривленной линии губернских продорганов во главе с Гольдиным, что эта кривая линия напрямую вела тамбовского мужика (и отнюдь не кулака!) к мысли о поистине жизненной необходимости взяться за оружие и попробовать силой «сбросить» коммунистов. И разубедить крестьянина в этом было весьма сложно. Ведь защитить преданного или лояльного советской власти середняка или бедняка даже от явного и издевательски неприкрытого произвола гольдинских продотрядов не могли – если и пытались – не только деревенские коммунисты, но и уездные власти.

В подтверждение сказанного приведем (с небольшими и несущественными сокращениями) доклад президиума Борисоглебского уездного исполкома от 20 февраля 1920 года, направленный в тамбовские губком партии и губисполком, а также во ВЦИК и ЦК РКП(б).

«... Цель настоящего доклада та, чтобы обрисовать проведение в уезде продовольственной политики, а также обрисовать действия отряда гражданина Марголина, выполняющего продовольственную разверстку.

Продовольственная разверстка по Борисоглебскому уезду как наложена, так и проводилась неправильно, с нарушениями самых элементарных правил продовольственной политики.

На волости наиболее плодородные разверстка наложена гораздо менее, чем они могут дать и, наоборот, на волости наименее плодородные накладывается гораздо больше. Однако, совершенно не учитывая этого положения, приехавший в уезд гражданин Марголин со своим отрядом принялся ярно выполнять эту разверстку. И что же: по уезду пронесся ужасный крик – крик наболевшей крестьянской души, протест против насилия и репрессий, которые гражданин Марголин стал применять к крестьянам-беднякам, к женам и семьям красноармейцев, но не к кулакам.

Репрессии эти прямо бесчеловечны и напоминают собою времена средневековья.

В ход была пущена порка. Крестьян пороли и сейчас порют по всем правилам искусства Николая Кровавого, если не больше. Порют продармейцы, агенты и сам гражданин Марголин, за что и был арестован ревтрибуналом, но по приказу из Тамбова ныне выпущен из тюрьмы с допущением к исполнению своих обязанностей.

Не довольствуясь поркой, по приказу гражданина Марголина был проведен мнимый расстрел членов Новотроицкого сельского Совета Русановской волости. Было это таким образом. Арестованные члены сельского Совета были посажены в сарай, из которого их поодиночке выводили, раздевали, ставили к стенке и командовали: «Взвод! Пли!». Продармейцы стреляли в воздух, а обезумевший от страха член Совета падал в обморок. Затем его поднимали и громко кричали: «Одну сволочь расстреляли, давайте другую». Выводили другого, и с ним проделывали то же самое. Но этого мало. Раздетых членов Совета и крестьян запирали раздетыми в холодный сарай, где они находились по несколько часов на двадцатишестиградусном морозе, дрожа и, вероятно, в душе проклиная Советскую власть.

У тех же крестьян конфисковывалось все имущество и скот. Последний загонялся к кому-нибудь во двор и целыми днями находился без корма. Голодный рев животных сам говорил за себя, бывали случаи, что здесь же, на дворе, коровы телились, лошади жеребились и приплоды замерзали.

От побоев умирали люди. Наиболее характерен такой случай. К жене красноармейца приходят продармейцы и требуют, чтобы она немедленно выполнила государственную продрозверстку. Жена красноармейца заявляет, что она не может этого сделать по той самой простой причине, что у нее ничего нет. Ее доводы оказались для продармейцев недостаточны, и они, обложив ее крепким словцом, пустили в ход нагайки и кулаки. В результате у беременной жены красноармейца преждевременные роды, и она умирает, истекая кровью...

Бывали и такие случаи. Агенту или продармейцу понравится у крестьянина лошадь. Он приходит к нему и говорит, чтобы тот отдал ему лошадь для разъездов по волости. Крестьянин, уже выполнивший разверстку полностью, отказывается, ссылаясь на то, что лошадь ему самому нужна. Агент же, недолго думая, накладывается на него еще несколько пудов хлеба, которых крестьянин не может отдать. Агент торжествует. Лошадь отбирается им за невыполнение разверстки. Он прав.

Таким образом, у большинства крестьян – беднейших крестьян – хлеб выметен подчистую. Более того: крестьянам нередко приходилось выезжать за хлебом в соседнюю Воронежскую губернию, где прикупали хлеб по спекулятивной цене и выполняли разверстку.

Продовольственную разверстку гражданин Марголин начинает таким образом. По приезде в село или волость он собирает крестьян и торжественно заявляет: «Я вам, мерзавцы, принес смерть. Смотрите, у каждого моего продармейца сто двадцать свинцовых смертей для вас, негодяев» и т. д. Затем начинается требование выполнить продовольственную разверстку, а потом порка, сажание в холодный сарай и т. п.

Результаты действий Марголина не преминут сказаться. Площадь земли по Борисоглебскому уезду останется совершенно незасеянной, так как разверстку выполняли не считаясь с нормой; возможны также голодные бунты и восстания...

В заключение о проделках Марголина необходимо добавить. Марголиным захватываются почты и телефонные станции с целью, чтобы кто-нибудь не донес о его безобразиях исполкому или Чека. Коли же кому-нибудь удавалось послать телефонограмму, то принявший и писавший ее арестовывались, как и сама телефонограмма.

Заканчивая этим свой доклад, Борисоглебский исполком, стоя на точке зрения разумной продовольственной диктатуры, ... требует в срочном порядке отстранить и предать суду гражданина Марголина, которому губпродкомиссар Гольдин выразил телеграфно соболезнование по поводу его ареста, а вместе с ним и всех его сподвижников, ибо терпеть дальнейшее издевательство над крестьянами исполком, члены которого – коммунисты, закаленные в боях с белогвардейскими бандами, считает недопустимым ни с какой точки зрения»¹.

Поток жалоб на незаконные действия тамбовских продорганов был настолько велик, что, несмотря на все преграды, докатился до Москвы и даже до В. И. Ленина. В середине февраля 1920 года Ленину стало известно о фактах гибели хлеба на охраняемых продармейцами сыпных пунктах Тамбовской губернии, а также и о некоторых «шалостях» самого тамбовского губпродкомиссара Я. Г. Гольдина, который дошел уже до того, что присвоил себе право расстреливать. Например, неугодных ему заведующих сыпными пунктами.

Однако за Якова Гольдина совершенно неожиданно вступился Максим Горький², «уверяя, – как писал Ленин 17 февраля по этому поводу заместителю наркома продовольствия Николаю Павловичу Брюханову, – что Гольдин – мальчик неопытный-де. Это-де кулаки **злостно** кладут хлеб в снег: ни нам, ни вам. Чтобы сгорел». Ленин спрашивал Брюханова: «Ваше заключение: что следует сделать и что Вы сделали?»³.

Выполняя это поручение Ленина, Брюханов немедленно потребовал объяснений от Гольдина. Нам неизвестно, что сообщил тот в свое оправдание. Но, судя по всему, Гольдин не очень-то испугался внешне строгого запроса заместителя наркома. Ибо уже на следующий день (18 февраля) он, как ни в чем не бывало, устроил мощный «разнос» борисоглебским уездным властям и заставил их срочно освободить из тюрьмы Я. И. Марголина вместе со всеми его продотрядниками. А выразив последним телеграфное соболезнование по поводу их «безвинного» ареста, Гольдин тем самым откровенно благословил марголинцев на новые «трудовые подвиги»⁴.

Естественно, что в глуши тамбовских сел и деревень крестьяне не могли знать обо всех перипетиях неравной борьбы некоторых местных коммунистов и советских работников с зарвавшимся губпродкомиссаром Гольдиным и его верными подручными типа Якова Иделевича Марголина.

«В губпродком по-прежнему летели тысячи жалоб о незаконных действиях продотрядов и агентов на местах, – говорил о причинах возникновения антоновщины начальник военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии А. С. Казаков, выступая перед армейскими коммунистами в июле 1921 года. – Однако эти заявления не рассматривались... Если даже предположить, – продолжал Казаков, – что из всей этой массы заявлений и жалоб справедливы одна десятая, а прочие девять десятых являются кулацкой и эсеровской клеветой, то вы понимаете, что и этого было достаточно, чтобы накалить атмосферу, чтобы горячий материал, накопленный предыдущими условиями, вспыхнул... Имеются документальные данные о том, что крестьян, с целью выполнить всю разверстку, подвергали пыткам и пыткам ужасным: наливали в сапоги воды и оставляли на морозе, опускали в колодцы, подпаливали бороды, стреляли из револьверов мимо уха и т. д. Нередко эти пытки применяли к тем, которые выполнили всю продразверстку, однако от них требовали новых взносов»⁵.

Одна из причин того, что продотрядами в Тамбовской губернии совершалось много беззаконий, по мнению Казакова, заключалась в том, что основную массу продармейцев составляли бывшие дезертиры. И вообще засоренность тамбовских продорганов чуждыми, а порою и специально проникшими туда враждебными элементами, была очень велика. А вот партийная прослойка в них – наоборот, хотя по количеству коммунистов Тамбовская губерния ходила в «передовиках». Это хорошо видно в сравнении с численностью парторганизаций других губерний Центрального Черноземья. Так, например, к апрелю 1920 года в Тамбовской губернской партийной организации насчитывалось 13 000 коммунистов, тогда как в Воронежской – 3 800, Курской – 6 000, Орловской – 5 500⁶.

В качественном же отношении коммунистические силы Тамбовщины оказались на поверку крайне слабыми. Это объясняется главным образом тем, что в сугубо аграрной Тамбовской губернии не было пролетариата в марксистском понимании этого слова. А имевшийся здесь малочисленный рабочий класс (его доля в общей численности населения губернии не превышала одного процента) к 1920 году оказался до предела ослаблен различными мобилизациями и прочими неблагоприятными условиями.

В селах Тамбовщины коммунисты также не имели сколько-нибудь значительной и надежной опоры, так как беднейшее крестьянство в зажиточно-средняцкой тамбовской деревне составляло меньшинство, тогда как процент кулачества в ней был, по сведениям из разных источников, от 14⁷ до 20⁸, по стране в среднем – 3 процента⁹.

Погоня за высокими количественными показателями оказала поистине медвежью услугу Тамбовской губернской пар-

¹ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 49, Л. 24 - 24(об.).

² Очевидно, об этом Горького попросил кто-то из московских друзей или даже «наставников» 26-летнего Гольдина. Как известно, Горький неоднократно обращался к Ленину с подобными ходатайствами, не особо вникая в их суть, что зачастую очень сердило Ильича (См. напр.: *Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51, С. 47 - 49*). Нельзя здесь не сказать и о том, что одним из влиятельных покровителей Гольдина в Тамбове являлся знаменитый Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, работавший с октября 1919-го до мая 1920-го года председателем Тамбовского губисполкома (См.: *Павлюченков С. Почему вспыхнула «антоновщина»? // «Неделя», № 44. 1989, С. 11*).

³ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51, С. 135, 408.

⁴ ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 49, Л. 28.

⁵ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 12.

⁶ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия (2-е изд.). М., 1987, С. 667.

⁷ Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале НЭПа (1921 – 1923 гг.). Часть 1. Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. Л., 1964, С. 78.

⁸ Тухачевский М. Военным коммунистам. Военно-политическая директива для неуклонного исполнения политотделам, комиссарам, политрукам, ячейкам. Тамбов, 1921, С. 4.

⁹ Щетинов Ю. А. Крушение мелкобуржуазной контрреволюции в Советской России (конец 1920 – 1921 гг.). М., 1984, С. 67.

тийной организации. В партию вступило много случайных, чуждых и даже явно враждебных ей людей. Разумеется, не упустили свой шанс и эсеры. Уже упоминавшийся нами А. С. Казаков писал, что в 1921 году Тамбовский губком РКП(б) был вынужден признать «факт массового вхождения членов партии эсеров в коммунистическую партию; были случаи, когда почти целиком эсеровская ячейка переходила в ряды РКП. Впоследствии выяснилось, что многие вошли с исключительной целью дискредитирования партии в глазах населения... Во всех советских органах, не исключая и губ. ЧК, эсеровские организации имели своих агентов»¹.

Только крайней неосмотрительностью и беспечностью при приеме в партию можно объяснить такой, например, факт: за пять первых месяцев мятежа на сторону Антонова добровольно перешла половина сельских коммунистов Кирсановского уезда². А о работе сельских ячеек РКП(б) в Борисоглебском уезде перед мятежом, один высокий проверяющий отозвался так: «В деревнях крестьяне ищут большевиков, чтобы пожаловаться на коммунистов»³.

Качественная слабость губернской парторганизации, сильная подверженность ее членов мелкобуржуазному влиянию находили свое выражение и в бесчисленных случаях перерожденчества, взяточничества и злоупотребления служебным положением. Наконец, летом 1920 года угрожающих размеров достигло пьянство среди членов партии. Всерьез обеспокоенный таким положением Тамбовский губком РКП(б) принял даже специальное суровое постановление «О борьбе с пьянством», в котором решительно потребовал от всех уездных комитетов (укомов) партии:

- «1. За пьянство исключать из партии простыми постановлениями укомов, причем ответственных работников, как особо дискредитирующих Советскую власть и идеалы революции, арестовывать, дело о них передавать в ревтрибунал, до суда заключать в концентрационный лагерь, имена их выставлять на специальных черных досках в общественных учреждениях.
2. Членов партии, уличенных в распространении спиртных напитков, арестовывать и направлять в губ. ЧК, куда губком вошел с предложением применять по отношению к ним самые тяжкие меры наказания по законам военного времени»⁴.

Но не блистала своей работой и губ. ЧК. Мало того, что профессиональный уровень большинства ее сотрудников был весьма низок, так еще и половина из них (во главе с самим председателем губ. ЧК Александром Мартиновичем Оя), как раз к началу Антоновского восстания оказались арестованными за шантаж «отцов губернии»⁵. И тут нельзя не отметить, что Тамбовская губ. ЧК после этих арестов стала гораздо боеспособнее и даже добилась вскоре кое-каких успехов. Хотя, конечно, в целом ее работа еще долго находилась, что называется, не на высоте.

Настоящим бедствием для Тамбовской губернии (с точки зрения советской власти, разумеется) было массовое дезертирство, то есть уклонение от службы в рядах Красной армии. Так, на 1 января 1920 года девять десятых всего военнообязанного населения губернии официально числилось в дезертирах, что в общей сложности составляло колоссальную цифру – 250 тысяч человек⁶.

Однако отметим, что дезертирство как явление уже с самого начала 1920 года заметно пошло на спад. По данным Тамбовского губвоенкомата, за первые четыре месяца двадцатого года добровольно явились на призывные пункты, а также были пойманы в облавах почти 35 тысяч дезертиров. В последующие четыре месяца их численность сокращалась невиданными доселе темпами. А ведь летние месяцы, по сравнению с другими временами года, в 1918 и 1919 годах были самыми что ни на есть «дезертирскими». Тот феномен, что в мае – августе 1920 года в ряды Красной армии влилось не менее 105 тысяч «прозревших» военнообязанных губернии, объясняется главным образом произошедшим в среде тамбовских дезертиров мощным взрывом патриотизма, вызванного нападением на страну белопанской Польши⁷.

Были, конечно, и другие причины, способствовавшие сокращению четвертьмиллионной «армии» тамбовских дезертиров. Постоянно проводившаяся в губернии организованная борьба с дезертирством в августе 1920 года, то есть в самый канун восстания, достигла своей наивысшей точки. Разнообразные меры убеждения эффективно подкреплялись еще более разнообразными мерами принуждения⁸. В августе в селах губернии действовало 12 (по одному в каждом уезде) отрядов по борьбе с дезертирством общей численностью до тысячи человек. Только за этот месяц было поймано 554 и добровольно явилось 50 957 дезертиров⁹.

И все же к началу восстания в губернии оставалось еще около 110 тысяч дезертиров. Причем 60 тысяч из них скрывались как раз в трех будущих мятежных уездах – Тамбовском, Кирсановском и Борисоглебском¹⁰. Именно эти дезертиры и

¹ Казаков А. Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920 – 21 гг. М., 1922, С. 5.

² Трифионов И. Я. Указ. соч., С. 37.

³ ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 3, Л. 212.

⁴ «Коммунист», № 1. Тамбов, 1920, С. 20.

⁵ Антоновщина. Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губ. (Антоновщина...). Тамбов, 1923, С. 10.

⁶ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 9(об.).

⁷ Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 834, Л. 4 - 6, 9.

⁸ Были и такие меры «убеждения и принуждения». Один борисоглебский чекист, направленный для негласной разведки ситуации в уезде, докладывал своему начальнику 30 апреля 1920 года: «28 апреля с. г. к 1-му часу дня я прибыл в Туголуковскую волость, где и приступил к своим обязанностям... В это время в Туголуковской волости находился отряд по борьбе с дезертирством, под руководством Василия Михайловича Плещеева, который действовал, согласно заявлений граждан Туголуковской волости, незаконно и преступно. Во время обысков этим отрядом забирались вещи (а ведь искали-то дезертиров! – В. С.), не составлялось никаких протоколов и не давалось никаких расписок на отображенное имущество... Граждане избивались плетками красноармейцами этого отряда; кроме всего этого, над женщинами безобразничали, по заявлению одной женщины, которая была изнасилована. Все конфискованные и отображенные лошади, вместо того, чтобы использовать их для обработки и обсеменения полей, на лошадях этих только что раскатываются галопом красноармейцы этого отряда и загоняют лошадей. В общем масштабе Туголуковской волости население, граждане так напуганы этим отрядом, что жители боятся входить в разговор с незнакомым человеком. Из слов граждан, местная власть для принятия мер была бессильна» (*Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы.* Тамбов, 1994, С. 44 - 45).

⁹ ГАТО. Ф. 1832, Оп. 1, Д. 692, Л. 3, 20.

¹⁰ Там же, Д. 834, Л. 4 - 6, 9.

составили позднее основной костяк антоновских полков.

Было в Тамбовской губернии и еще одно «бедствие», послужившее серьезным поводом к восстанию. Это – так называемое совхозно-колхозное движение.

20 июля 1921 года бывший председатель Тамбовского губисполкома В. А. Антонов-Овсеенко, вновь назначенный в марте этого года губернским «начальником» (председателем «Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии»), писал в своем докладе-отчете В. И. Ленину и ЦК РКП(б):

«...Революция внесла значительные изменения в положение тамбовского крестьянства. ...Из бывшей помещичьей земли до 72 000 десятин отошли под совхозы, которых к 1920 г. налажено до 150, но ни один не поставлен сколько-нибудь сносно – все идет в убыток, все пользуются крестьянским трудом (с исполу)... И отношение к совхозам (через них и к Советской власти) почти повсеместно у крестьян враждебное.

Столь же враждебное отношение встречаются в большинстве случаев и усердно насаждавшиеся до последнего времени колхозы: по коллективизации Тамб. губ. идет впереди других»¹.

А вот представитель Тамбовской организации правых эсеров так докладывал весной 1920 года в ЦК своей партии о состоянии совхозов в губернии:

«...Уже сельскохозяйственная кампания 1918 г. окончилась в совхозах весьма плачевно, в объяснение чего власти сослались на новизну и неналаженность дела, недостаточность финансовой, агрономической и инструкторской помощи. Но вот окончился еще один сезон – 1919 г., и на состоявшемся в феврале 1920 г. губернском съезде «работников земли» были подведены первые официальные итоги хозяйничания совхозов. По заявлению председателя съезда гр. Смоленского (Якова Львовича, бывшего в 1919 – 1921 гг. председателем Тамбовского уездного комитета РКП(б). – В. С.), совхозы Тамбовской губернии не только не оправдали в 1919 г. возлагавшихся на них надежд, но уже сейчас сами предъявили к губпродкому требование на доставку им продовольственных и семенных хлебов общей сложностью в размере 2 милл. пудов. «Советские хозяйства потерпели крах», – откровенно сознавался на съезде первый же докладчик по «текущему моменту», член губернского комитета РКП Немцов, – «пролетарско-крестьянское хозяйничание в совхозах оказалось безобразным, хлеб или остался необранный, под снегом, или, убранный, сгнил».

Действительно, как выяснилось из докладов с мест, совхозы совершенно не в состоянии оказались справиться с захваченною землею.

...Урожай в совхозах Тамбовской губернии гораздо ниже (по некоторым сельхозкультурам в 20 и более раз. – В. С.) урожая на крестьянских полях.

...Уход за скотом настолько небрежен, что в некоторых совхозах, по заявлению на съезде агронома Золотарева (коммуниста), «по несколько дней скотину оставляли некормленной». «В Знаменском совхозе (Тамбовский уезд), – рассказывал на съезде гр. Золотарев, – лошадей так хорошо кормили, что с голодухи они изгрызли все, что было в конюшне деревянного. ...Скот у нас такой, – жаловался Золотарев, – что его нужно будет подтягивать из стойла, чтобы вывести на лужок».

...Нарисованную агрономом Золотаревым картину дополнил новыми штрихами заведующий губземотделом агроном Франц. «Когда вы входите в конюшню, – говорил он, – вы не знаете, лошадь это или поросята, так они облезли»².

Такая же бесхозяйственность царил накануне восстания практически во всех 87 совхозах Тамбовской губернии. А ведь эти совхозы были организованы на месте крупных помещичьих имений; некоторые из последних до революции считались не только процветающими, но и образцово-показательными. И все же приезжавшие из города коммунисты-агитаторы, толком не видевшие до этого в глаза деревню, упрямо вдалбливали в головы тамбовских крестьян, что будущее сельского хозяйства губернии именно за совхозами и колхозами (дело в последних обстояло еще хуже, чем в совхозах).

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса, чрезвычайно важного для правильного понимания того, что же произошло на Тамбовщине в конце лета 1920 года. Это вопрос об объемах госразверстки по хлебу на урожай двадцатого года.

Как известно, эта разверстка была определена для Тамбовской губернии в 11,5 миллионов пудов. Много это было или не очень? Много, если сравнить с объемом разверстки для других губерний Центрального Черноземья: Воронежской – 6,25; Курской – 6,3 и Орловской – 5,5 млн. пудов хлеба³. И не очень – если учесть, что из урожая 1918 года Тамбовская губерния сдала государству почти 9 млн. пудов хлеба, а из урожая 1919 года – даже 12,3 млн. пудов⁴.

Естественно возникает вопрос: почему же тогда в 1920 году Наркомпрод дал Тамбовщине разверстку всего в 11,5 млн. пудов? А потому, совершенно справедливо отвечают некоторые наши историки, что в этом году почти вся юго-восточная половина губернии была поражена сильнейшей засухой.

Закономерен и второй вопрос: а под силу ли было тамбовскому крестьянину «вытянуть» эти самые 11,5 млн. пудов, и что по этому поводу пишут историки? А ничего не пишут. Очевидно, такой «крамольный» вопрос у них просто не возник. В лучшем случае, отметив мимоходом, что наложенная разверстка была все-таки тяжелой или даже «чрезвычайно обременительной», они тут же спешили перейти к рассмотрению других причин возникновения антоновщины. Эти причины виделись им, главным образом, в изжившей себя и до невозможности надоевшей тамбовскому мужику политике «военного коммунизма», в исключительной злобности и агрессивности здешнего кулачества, а также в злодейском подстрекательстве хорошо организованных и многочисленных проэсеровских комитетов «Союза трудового крестьянства»⁵.

Все это, конечно, правильно и верно. Но ведь из этого нельзя понять, почему все-таки население одной части Тамбовщины оказалось вдруг таким «несознательным», что пошло за эсерами, СТК и Антоновым, а население другой – нет. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вновь вернуться к анализу объема хлебной разверстки 1920 года.

По подсчетам губпродкома, потребности в хлебе самой Тамбовской губернии равнялись 64 млн. пудов, в то время как, исходя из видов на урожай в начале августа, предполагалось, что валовой сбор хлеба в губернии составит всего 62 млн.

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 229.

² Там же, С. 48 - 49.

³ Филиппов И. Т. Ленинская программа борьбы за хлеб и ее осуществление в Черноземном центре (1918 - 1920 гг.) Борисоглебск, 1971, С. 100.

⁴ Донков И. П. Организация разгрома антоновщины // «Вопросы истории КПСС», № 6. 1966, С. 61.

⁵ См., напр.: Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977, С. 17 - 25.

пудов. Тем не менее, тамбовские власти решили потуже затянуть пояс на крестьянстве губернии, но всю госразверстку выполнить¹.

Губпродком моментально «разбросал» 11,5 млн. пудов разверстки по всем 12 уездам. Однако сделал это таким оригинальным образом, что на три наиболее пострадавших от засухи уезда (Тамбовский, Кирсановский и Борисоглебский – именно эти уезды и восстали позднее) пришлось 46 процентов всей губернской разверстки². И все же главная ошибка (ошибка ли?) губпродкома заключалась в другом. Как выяснилось позже, когда восстание уже полыхало, в своих прогнозах на урожай тамбовский губпродком умудрился ошибиться почти в два раза. То есть, вместо предсказанных им 62 млн. пудов хлеба, в губернии фактически было собрано лишь 32 миллиона пудов³.

В августе в тамбовских селах начали свою работу продотряды. И крестьянин в пострадавших от засухи уездах, отлично знавший, сколько у него имеется собранного хлеба, и вот теперь узнавший, сколько он должен сдать государству по продразверстке, просто опешил. И было отчего. Например, в Борисоглебском уезде сложилось такое положение, что если бы крестьянство уезда в целом выполнило всю разверстку, то оставшегося хлеба хватило бы только на семена для будущего года⁴. А это означало, что в случае «успешного» выполнения разверстки 440-тысячное сельское население богатейшего уезда Европейской части России должно было исчезнуть с лица земли в результате неизбежной смерти от голода.

Теперь, думается, непредубежденного читателя не удивит то, что в середине августа 1920 года в селах юго-восточной части Тамбовской губернии начались конфликты крестьян с продотрядами. А именно этого только и ждали эсеры и созданные ими комитеты СТК, наиболее воинственные из которых давно уже, что называется, рвались в бой.

Известный историк антоновщины Игорь Петрович Донков пишет, что еще «10 июня 1920 года в селе Каревка Александровской волости Тамбовского уезда состоялся съезд делегатов партии эсеров. На нем было решено немедленно организовать две роты (400 человек) из числа членов эсеровской партии и дезертиров. Вооруженные действия намечались на 13 – 15 июля в деревне Синие Кусты Туголуковской волости Борисоглебского уезда. Но попытка эта не удалась. Мятеж начался в августе»⁵.

В начале месяца на границе Борисоглебского и Тамбовского уездов, в районе сел Туголуково – Каменка (но не в самих этих селах) резко возросло число и дерзость разбойных вылазок дезертиров. Поэтому сюда из Тамбова посылается группа оперативников и конный отряд губ. ЧК. Здесь же действует и отряд по борьбе с дезертирством Тамбовского уездного военкомата. Впрочем, присутствие этих отрядов не останавливает дезертиров от совершения новых разбойных акций⁶.

Наконец, наступает 19 августа, которое долгие годы считалось датой начала Антоновского мятежа, вспыхнувшего в большом селе Каменка, что в 75 километрах юго-восточнее Тамбова. Так что же произошло в этот день в Каменке?

И. П. Донков пишет: «19 августа 1920 года местный Совет в Каменке был разогнан, почти все его члены убиты. На «созванном» в принудительном порядке собрании жителей близлежащих сел (Каменка, Кашинка, Афанасьевое и др.) эсер Г. Н. Плужников обратился к толпе испуганных крестьян с речью. Суть его выступления была недвусмысленна: «Началось крестьянское восстание против Советской власти!»⁷.

Однако, как следует из сохранившихся архивных документов, никаких таких событий 19 августа в Каменке не происходило. А «убитые» столичным историком И. П. Донковым каменские сельсоветчики, как мы увидим далее, были живы и здоровы, по крайней мере, до сентября. Одним словом, 19-го и даже 20 августа в Каменке все было тихо и спокойно, чего нельзя сказать о некоторых других близлежащих селах.

19 августа около пятидесяти вооруженных дезертиров напали в селе Туголуково (18 километров юго-западнее Каменки) на работавший там продотряд. В результате возникшей перестрелки погибли помощник командира отряда и два продармейца.

В этот же день в Афанасьевке (6 километров юго-восточнее Каменки) произошло объединение нескольких мелких дезертирских групп в одну – до 70 человек, все вооружены. Здесь же дезертиры схватили двух продагентов, убив одного и тяжело ранив второго. При невыясненных обстоятельствах погиб и деревенский учитель по фамилии Антонов⁸.

Утром 20 августа около сорока дезертиров напали на Ивановский совхоз (20 километров северо-западнее Каменки), убили двух совхозных рабочих, забрали 13 лошадей и скрылись. Посланный в погоню отряд губ. ЧК нападавших не догнал и вернулся в Ивановку, а затем, сославшись на усталость коней, отправился на отдых... в Тамбов.

Из Каменки на поиски тех же грабителей выезжал и отряд по борьбе с дезертирством, усиленный десятью продармейцами. Также не найдя никого, эта группа вечером вернулась в Каменку и заночевала в ней, выставив караулы. Ночь прошла спокойно. А утром 21 августа выступивший из Каменки на находившуюся в 35 километрах севернее железнодорожную станцию Сампур продотряд столкнулся в поле с группой неизвестных вооруженных лиц. Завязалась перестрелка. Через полчаса, потеряв одного человека убитым и двух ранеными, продотряд начал отступать к Каменке, откуда ему на помощь уже спешил отряд по борьбе с дезертирством. Объединившись, отряды перешли в наступление, но внезапно были атакованы и разбиты неведомо откуда взявшимися вооруженными всадниками. Спасти удалось лишь нескольким бойцам.

А участвовавшие в бою дезертиры и каменские крестьяне (человек 150) торжественно, под красным знаменем, вступили в Каменку. Тут же в ближние деревни были посланы гонцы, а на состоявшемся затем сходе и выступил с сообщением о начале восстания против коммунистов и продразверстки (а не против советской власти!) 42-летний местный эсер Григо-

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 11, 11(об.).

² Филиппов И. Т. Указ. соч., С. 111.

³ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 11(об.), 18, 18(об.).

⁴ Там же, Л. 11(об.).

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 25 - 26.

⁶ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 1, 3, 5, 6.

⁷ Донков И. П. Указ. соч., С. 31.

⁸ Любопытно, что его имя и отчество были точно такими же, как и у будущего руководителя восстания: Александр Степанович. Кстати, обнесенная оградкой могила этого учителя сохранилась до сих пор и находится примерно в километре от Афанасьевки, вероятно, на том самом месте, где бедного учителя настигла смерть.

Забегая несколько вперед, с горечью отметим, что сегодня никто достоверно не знает и, скорее всего, никогда уже не узнает, где покоятся бранные останки «самого» Александра Степановича Антонова. Обидно.

рий Наумович Плужников¹, известный собравшимся еще со времен первой русской революции как неисправимый бунтарь и гроза окрестных помещиков, за что и пришлось ему узнать царские тюрьмы и ссылки².

Так в Тамбовской губернии началось восстание, которое через десять дней получит название «Антоновское», или – «Антоновщина».

* * *

Весть о разгроме под Каменкой советских отрядов в этот же день достигла Тамбова. Поздним вечером 21 августа здесь состоялось экстренное заседание президиумов губкома РКП(б) и губисполкома, которое постановило образовать для руководства борьбой с восстанием военно-оперативный штаб при губ. ЧК в составе пред.губ.ЧК Трасковича, губвоенкома Шкинува и губвоенрука Збруева³.

В 4³⁰ утра 22 августа из Тамбова на станцию Ржакса (15 километров северо-восточнее Каменки) был отправлен отряд курсантов полковой школы 21²⁰ запасного стрелкового полка (командир отряда В. М. Воробьев, комиссар – И. М. Мохначев). Сделав в пути остановку на станции Сампур, Воробьев сформировал сборный отряд из находившихся здесь красноармейцев, продотрядников и милиционеров. Командиру этого отряда Никольскому Воробьев приказал наступать на Каменку, «сбивая, если попадутся, банды или, в крайнем случае, сдерживая их», а сам с курсантами проехал по железной дороге до Ржаксы и оттуда тоже двинулся к Каменке.

Во второй половине дня у села Понзари, что в двадцати километрах севернее Каменки, отряд Никольского столкнулся с мятежниками и, не выдержав их натиска, стал беспорядочно отступать на станцию Сампур, куда тем же вечером был вынужден отойти и отряд Воробьева.

23 августа, получив из Тамбова 60 штыков подкрепления, Воробьев вновь попытался наступать, но опять неудачно. Активно действовавшие повстанцы сначала оттеснили его к станции Чакино, а затем окружили на полпути между Чакино и Сампуром у разобранного моста через речку Осиновку. Всю ночь отряд Воробьева отстреливался от наседавших со всех сторон мятежников. Лишь утром 24 августа подошла на помощь из Тамбова бронелетучка транспортной ЧК под командованием бывшего студента Сергея Саленкова и своим огнем – трехдюймовки и трех пулеметов – отогнала повстанцев от отряда Воробьева⁴.

Неудачи советских отрядов заставили военно-оперативный штаб при губ. ЧК не только ускорить изыскание новых военных сил в самом Тамбове, но и обратиться за помощью в ближайшие к району вспыхнувшего восстания уездные города Кирсанов и Борисоглебск. Их уездным военкомам и заведующим политбюро⁵ было приказано в срочном порядке сформировать по одной боеспособной роте и немедленно отправить на подавление восстания в район Каменки.

Н. А. Переведенцев (Жженный)

Вечером 23 августа кирсановские военком Пластун и заведующий политбюро Сачко ответили по прямому проводу в Тамбов, что у них возникли серьезные трудности с формированием роты. Немногочисленный местный караульный батальон (300 штыков) – «весь в разгоне» по селам уезда, где тоже неспокойно, а расквартированный в городе 2^й запасный кавалерийский полк «трогать нельзя», ибо только что получен приказ из округа⁶ сформировать из него эскадрон в 300 сабель и не позднее 27 августа отправить на фронт против Врангеля. Из округа передали также, что это приказ председателя Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцкого. А вообще в Кирсанове имеется всего один пулемет, да и тот находится в железнодорожном батальоне, который не подчинен уездным властям.

Тем не менее военно-оперативный штаб приказал немедленно взять из железнодорожного батальона не только пулемет, но и два взвода бойцов, однако строго предупредил кирсановских товарищей: «Ни в коем случае не мешайте формированию эскадрона. Помните, что это – задание Троцкого и должно быть выполнено в срок»⁷.

В отличие от Кирсанова, в Борисоглебске не возникло особых трудностей с формированием требуемой роты. Созданная на базе местного караульного батальона, она уже в 6 часов утра 24 августа была отправлена по железной дороге на станцию Жердевка (35 километров юго-западнее Каменки). Роту возглавил сам командир караульного батальона Т. Г. Барышников, а политруком к нему напросился явно соскучившийся по боям и крови Н. А. Переведенцев⁸ – унтер-офицер старой русской армии, виднейший борец за установление советской власти в Борисоглебске.

В 1918 – 1919 годах Переведенцев в качестве комиссара и командира сформированных им же полков принимал самое активное участие в боях с белогвардейцами, подавлял различные мятежи и восстания. А в ночь на 23 августа 1919 года во главе кавполка 14^й стрелковой дивизии совершил редкий по дерзости и продуманности налет на занятый белыми Борисоглебск, где на-

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 38.

² ГАТО. Ф. 4, Оп. 1, Д. 6956, Л. 13, 21, 59, 81, 84, 104, 139.

³ Донков И. П. Указ. соч., С. 34.

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 19 - 21, 25, 39, 46, 49, 50, 53.

⁵ Уездное политбюро – орган ЧК в уезде, бывшая уездная ЧК.

⁶ В 1919 – 1922 годах Тамбовская губерния, как и другие губернии Центрального Черноземья, относилась к Орловскому военному округу.

⁷ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 37.

⁸ Там же, Л. 61.

ходились части шести полков противника¹. О личной храбрости Никифора Александровича Переведенцева и о его незаурядном командирском таланте в здешних местах до сих пор ходят легенды.

Бесспорно, что присутствие такого человека сказалось на боевом духе бойцов роты Барышникова, которая, выгрузившись в Жердевке, совершила стремительный марш-бросок до самой Каменки и в 10 часов вечера внезапным ударом выбила мятежников из села, захватив много лошадей². Это дало возможность Переведенцеву посадить часть бойцов роты на коней, тем самым положив начало формированию конного отряда, известного в истории подавления антоновщины под наименованиями: эскадрон Переведенцева, дивизион³ Переведенцева и, наконец, 1^{-й} кавполк Переведенцева. И с этого же самого дня 24 августа, когда красные впервые взяли Каменку, имя Никифора Переведенцева стало еще известней и в дальнейшем наводило настоящий ужас на повстанцев, а также, добавим справедливости ради, и на мирное население так называемых «злостнобандитских» сел.

25 августа, для руководства на месте всеми действующими против мятежников советскими отрядами, из Тамбова выехал губвоенком Петр Иванович Шикун. На станции Сампур он создал штаб боевого участка, в который со следующего дня вошли 14 волостей Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов, объявленные задним числом (с 22 августа) на осадном положении. Сюда же прибыл и уполномоченный ВЧК по Тамбовской губернии П. П. Громов.

Вечером 25 августа в Тамбове состоялось совместное заседание президиумов губкома партии и губисполкома, где начальник военно-оперативного штаба при губ. ЧК Ф. К. Траскович доложил о ходе борьбы с мятежом. Присутствующие высказали немало упреков в адрес военно-оперативного штаба и самого Федора Константиновича Трасковича как председателя губ. ЧК. В частности, руководители губернии заявили, что они, мягко выражаясь, крайне удивлены тем, что губ. ЧК до сих пор не установила, кто же так яростно сражается с советскими отрядами, чего они хотят и кто ими руководит?⁴

Явно обидевшийся Траскович после окончания заседания сообщил об этом по прямому проводу Шикуну. Но тот лишь горестно подтвердил, что «разведка действительно у нас поставлена неважно». В правоте своих слов губвоенком еще раз убедился на следующий же день. Сосредоточив значительные военные силы, он 26 августа перешел в наступление, занял весь Каменский район, прочесал его, но повстанцев нигде не обнаружил.

Ошеломленный такой новостью Траскович 27 августа спешно выехал на место, лично объехал на автомобиле весь Каменский район и растерянно-удивленно доложил в Тамбов: «Здесь все спокойно...»⁵.

Для выяснения причин восстания и наказания его участников начали свою работу военные трибуналы. Во все объявленные на осадном положении волости чрезвычайный уполномоченный губ. ЧК в районе восстания Артур Петрович Рекст назначил комендантов-чекистов. А с 29 августа приступили к работе и две выездные сессии губ. ЧК во главе с Николаем Ивановичем Суворовым и Иваном Захаровичем Кирьяновым⁶.

Подводились первые итоги. Оказалось, что в Каменском районе с советской стороны убито не менее 51 человека⁷. Из всех местных советов наиболее пострадал волсовет в селе Верхоценье, где погибли шесть его членов. Но так было далеко не везде. Например, в той же Каменке волостной совет совершенно не пострадал. Все его члены оказались живы и здоровы, хотя от мятежников скрывался лишь один председатель-коммунист. Двух членов Каменского волисполкома чекисты арестовали, а остальным пригрозили трибуналом «за укрывательство соучастников бандитов»⁸.

Как установила губ. ЧК, военное руководство повстанцами Каменского района находилось «в надежных руках белого полковника Богословского»⁹¹⁰.

Но куда же все-таки исчезли повстанцы? И почему, как свидетельствуют архивные документы, до 30 августа в Каменском районе было затишье?

Дело здесь в том, что восстание в районе Каменки явилось неожиданностью не только для губ. ЧК и тамбовских властей, но и для губкомов партий левых и правых эсеров и даже для губернского комитета Союза трудового крестьянства. 23 августа в Тамбове состоялось экстренное совещание руководства губкома СТК, на котором присутствовали делегаты нескольких районных комитетов. В повестке дня стоял всего один вопрос: что делать в связи с начавшимся в Каменском районе восстанием? Эсеры, возглавлявшие губком СТК, проявили нерешительность и большинством голосов провели резолюцию о преждевременности и бесперспективности открытой вооруженной борьбы с большевиками в данный момент¹¹. На что один из присутствовавших на совещании представителей повстанцев заявил: «Видно, что нам придется

¹ Верховых В. Пять лет борьбы. Деревенская беднота и рабочие в борьбе с буржуазией \\\ За пять лет Октябрьской революции. Политический и экономическо-статистический обзор Борисоглебского уезда. Борисоглебск, 1922, С. 28.

² РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 10, Л. 225.

³ Дивизион в кавалерии – два эскадрона, объединенные общим командованием.

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 54, 56, 65, 86.

⁵ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 84.

⁶ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 95.

⁷ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 84.

⁸ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 10, Л. 236; Д. 63, Л. 89.

⁹ *Богословский* (Богослов, Богуславский) – дворянин Угличского уезда Ярославской губернии Александр Васильевич Чекалов. Кадровый офицер-артиллерист, подполковник. У белых не служил. В 1918 – 1920 годах занимал различные военные должности в Тамбове и Тамбовской губернии (*РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 133, Л. 2*). В дальнейшем мы именуем его под «антоновской» фамилией Богуславского, принятой в нашей исторической литературе.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 84.

¹¹ Забегая несколько вперед, отметим, что и состоявшаяся нелегально в Москве 8 сентября Всероссийская конференция партии правых эсеров также приняла аналогичную резолюцию, несмотря на отчаянные призывы о помощи, прозвучавшие из уст участвовавших в работе конференции двух делегатов от Тамбовской губернии.

Подробно исследовавшие роль партий правых и левых эсеров и созданных ими к началу восстания на Тамбовщине формально беспартийных комитетов Союза трудового крестьянства современные тамбовские историки С. А. Есиков и В. В. Канищев пришли к однозначному выводу: ни центральные органы этих партий, ни их местные тамбовские организации, ни СТК «к подготовке, а тем более к руководству «антоновщиной» не имели прямого отношения».

К тому же, добавим, в конце августа – первой половине сентября 1920 года большинство активных членов эсеровских партийных губкомов и СТК были арестованы чекистами (*Есиков С. А., Канищев В. В. «Антоновский НЭП» (Организация и деятельность «Союза трудового крестьянства» Тамбовской губернии. 1920 – 1921 гг.) \\\ «Отечественная история», № 4. 1993, С. 61; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 62 – 64*). Своей же, «антоновской», Союз трудового крестьянства повстанцы самостоятельно создадут несколько позднее.

действовать одним. Но тогда берегитесь и вы. Придем в Тамбов – перебьем и вас заодно»¹.

В это же самое время, дабы узнать на месте, что за восстание происходит в районе Каменки, сюда со своим отрядом в 500 человек приезжает из кирсановских лесов А. С. Антонов. Здесь его находят прибывшие с той же целью два делегата состоявшегося накануне в Тамбове совещания. Делегаты (оба из Хитровского районного комитета СТК) передали Антонову указание губкома СТК: не ввязываться в Каменский мятеж, а возвращаться в Кирсановский уезд и ждать дальнейших указаний. Антонов вроде бы согласился, и делегаты уехали². Однако Антонов ждать не стал. То ли он сам предложил свои услуги в качестве «главнокомандующего», то ли об этом его попросили руководители каменских мятежников, знавшие, что у Антонова имеется не только до зубов вооруженная «боевая дружина», но и значительные денежные средства, а также целые склады оружия, надежно припрятанного в укромных уголках Кирсановского уезда. Кроме того, Антонов, в отличие от того же Богуславского, был свой, местный, тамбовский, и у него, как-никак имелось «имя» – о неуловимости Антонова и его личной отваге местное население уже слышалось предостаточно.

Так это было или иначе, но факт остается фактом: с 24 августа 1920 года и уже до самого конца восстания во главе его стоял Александр Степанович Антонов. В архивных документах о подавлении мятежа имя Антонова впервые встречается в связи с его появлением вечером 24 августа в Александровском совхозе, что по соседству с Каменкой. То есть тогда, когда он, судя по всему, только что принял на себя командование повстанцами. И вот каковы были его первые шаги.

Узнав, что против плохо вооруженных мятежников сосредотачиваются для удара значительные силы красных, Антонов тут же дал команду резко свернуть Каменское восстание. Большинству рядовых мятежников было приказано временно разойтись по домам или скрыться, а наиболее заметных и активных повстанцев Антонов в ночь на 25 августа увел с собой на восток, в Кирсановский уезд.

Благополучно, если не считать небольшой перестрелки у села Уварово, достигнув кирсановских лесов, Антонов поделился с каменцами частью оружия из своих тайников, а также принял спешные меры по подготовке вооруженных выступлений в самом Кирсановском уезде.

29 августа у деревни Вязовка (20 километров юго-восточнее Каменки) возвращающийся от Антонова в свой район отряд каменских мятежников нанес поражение красноармейской роте в 126 человек, вышедшей накануне из Борисоглебска. А с раннего утра 30 августа практически весь Каменский район вспыхнул огнем нового, еще более сильного, чем прежде, восстания. На сей раз это был действительно «антонов огонь», ибо имя Антонова в устах повстанцев звучало теперь повсеместно. Мятежники вновь захватили Каменку. Начался так называемый «поход на Тамбов». Уже к концу дня повстанцы, занимая одно село за другим, прошли почти половину восьмидесятикилометрового пути от Каменки до Тамбова.

Советские отряды, разбросанные мелкими группами по деревням, не смогли оказать организованного сопротивления и понесли большие потери. Например, только в соседней с Каменкой Александровке повстанцы разгромили два отряда из красноармейцев и продотрядников и захватили пулемет. Здесь же мятежниками был схвачен и убит комендант Каменки 20-летний чекист Евгений Михайлович Адамов, который перед уходом из Каменки собственноручно расстрелял семерых арестованных жителей села³.

В этот же день мятеж начал перекидываться в соседние с Каменским районом волости Борисоглебского и Кирсановского уездов.

Обеспокоенные таким поворотом событий, тамбовские власти забили тревогу. Вечером 30 августа положение в губернии было признано «чрезвычайно серьезным», а 500 городских коммунистов, в связи с угрозой самому Тамбову, перевели на казарменное положение. Претерпел изменения и военно-оперативный штаб при губ. ЧК. В его состав дополнительно вошли секретарь губкома партии Николай Яковлевич Райвид и начальник 35^х Тамбовских пехотных командных курсов Иван Карлович Зенкович⁴.

Утром 31 августа военно-оперативный штаб издал (в виде листовки, напечатанной типографским способом) свой приказ № 1, гласивший:

«Борьба с бандитами, разрушающими совхозхозяйства, убивающими совработников и коммунистов, натывается на противодействие кулацкого населения, укрывающего бандитов и контрреволюционеров. Для скорейшего и решительного подавления бандитского движения оперативный штаб при губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией приказывает начальникам войсковых частей, действующих против бандитов, по отношению к селениям, в которых граждане будут замечены в участии в бандитских выступлениях или укрывательстве бандитов, провести беспощадный красный террор.

Приказывается в таких селениях брать заложников-членов семейства из тех семей, члены которых примкнули к бандитам или им способствовали; заложниками брать граждан от 18 лет, не считаясь с их полом. Объявить населению, что в случае, если бандитские выступления будут продолжаться, заложники будут расстреливаться.

Имущество таких граждан конфисковывать полностью.

Здания, занимаемые ими, сносить, а в случае невозможности – сжигать.

Бандитов, застигнутых на месте преступления, расстреливать.

Объявить также, что, согласно решения президиума губисполкома, селения, замеченные в участии в бандитских движениях, будут обложены чрезвычайными продовольственными контрибуциями, за неисполнение которых будут конфисковываться все земли и все имущество всех граждан.

Последние в принудительном порядке будут выселяться: взрослые мужчины и женщины – в лагерь принудительных работ, малолетние – в детские дома до конца гражданской войны.

Настоящий приказ объявить на сходах и расклеить во всех селениях»⁵.

В тот же день 31 августа на борьбу с мятежниками во главе сводного отряда выступил сам председатель Тамбовского

¹ Обвинительное заключение по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношениях с иностранными государствами. М., 1922, С. 43, 45.

² Там же, С. 45.

³ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 81, 99, 106, 108.

⁴ Донков И. П. Указ. соч., С. 35.

⁵ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 58.

губисполкома Александр Григорьевич Шлихтер. Однако, столкнувшись с повстанцами в тридцати километрах южнее Тамбова, его отряд в первом же бою потерпел поражение, и вмиг охладевший к сражениям Шлихтер резонно счел за лучшее вернуться в свой обжитый губисполкомовский кабинет¹.

С каждым часом повстанцы все ближе подходили к Тамбову. Поняв, наконец, что своими силами мятеж уже не подавить, тамбовские власти начали искать помощь за пределами губернии. 31 августа председатель губ. ЧК Ф. К. Траскович и уполномоченный ВЧК по Тамбовской губернии П. П. Громов обратились по прямому проводу к заместителю председателя ВЧК Ивану Ксенофоновичу Ксенофонову:

«В районе Тамбовского, Борисоглебского и Кирсановского уездов вспыхнуло организованное большое восстание... Часть посланных нами небольших отрядов разбита и разоружена, потеряв два пулемета. Банды в числе до 3 000 в 14 – 17 верстах от Тамбова. Патронов, винтовок и сил у нас совсем мало. Саратов обещал помощь, которая придет не раньше двух суток. Просим поддержки не менее батальона пехоты и эскадрона кавалерии»².

Ксенофонов отреагировал моментально: через несколько часов полуэскадроны Саратовской, Тульской и Рязанской губернских чрезвычайных комиссий уже находились на пути в Тамбов³.

Не сидели, сложа руки, и антоновцы. С 1 сентября резко активизировались повстанцы в Кирсановском уезде. В этот день Антонов со своей «боевой дружиной» занял волостное село Рамзу. Схваченный председатель Рамзинского волысполкома Терентий Иванович Каплин умер мученической смертью. Тут же антоновцами были убиты еще три человека из числа руководящих работников. А сам Антонов, крайне не любивший выступать с речами, здесь не удержался и опрометчиво заверил собравшихся рамзинских мужиков, что скоро возьмет не только Кирсанов, но и Тамбов.

В других частях Кирсановского уезда начали действовать отряды мятежников под командованием Ишина, Казанкова, Юрина. Одновременно, в районе села Хитрово Тамбовского уезда, выступила хорошо вооруженная и организованная группа повстанцев во главе с Матюхиным.

В течение первой декады сентября мятежниками захватывались и громились железнодорожные станции Чакино, Ржакса, Инжавино (дважды) и другие. 4 сентября повстанческий отряд Ивана Егоровича Ишина у села Трескино разбил сводный отряд красных под командованием заведующего Кирсановским уездным политбюро Андрея Демьяновича Сачко. Сам Сачко погиб в бою, причем в руки антоновцев попали находившиеся при нем списки всей агентуры чекистов в уезде. В эти же сентябрьские дни мятежники взяли в плен и расстреляли командира Кирсановского караульного батальона Ивана Петровича Волосатова⁴. Погибли также три (из четырех) начальника районных милиций Кирсановского уезда и чрезвычайный уполномоченный губ. ЧК в районе восстания, заведующий Тамбовским уездным политбюро Артур Петрович Рекст⁵.

Потери советских отрядов были велики. Инициатива полностью принадлежала повстанцам, хотя их «поход на Тамбов» и не удался, застопорившись в пятнадцати километрах от города.

Все чаще и настойчивее обращались губернские власти за помощью в различные города и инстанции. 2 сентября Траскович и Громов вели переговоры по прямому проводу со штабом Орловского военного округа. Они сообщили, что в настоящее время только вооруженных мятежников насчитывается до четырех тысяч человек. Кроме того, их активно поддерживают до десяти тысяч крестьян, вооруженных вилами, косами и топорами. А борьбу с мятежниками ведут 180 курсантов полковой школы 21^{-го} стрелкового полка, 250 курсантов 35^{-го} Тамбовских пехотных курсов, 500 бойцов караульных батальонов, 200 мобилизованных коммунистов, 30 кавалеристов Тамбовского эскадрона и 30 курсантов 7^{-го} Борисоглебских кавалерийских курсов. Всего имеется 4 орудия и 6 пулеметов. Прося военную помощь из округа, Траскович и Громов подчеркивали: «Положение весьма и весьма серьезное. Банды находятся в 15 – 17 верстах от Тамбова».

Но в Орле тогда имели крайне смутное представление о том, что в действительности происходит в Тамбовской губернии. Поэтому из штаба округа назидательно ответили, что имеющихся у тамбовских властей сил «вполне достаточно, чтобы не только ликвидировать восстание, но и стереть с лица земли всех бандитов вместе со всеми восставшими... По подобным восставшим дать один-два артиллерийских выстрела – и все разбегутся без всякого сопротивления. Поменьше надо церемониться»⁶. В этом «мудром» наставлении и заключалась пока вся помощь со стороны Орловского военного округа.

2 сентября военно-оперативный штаб при губ. ЧК был преобразован в Военный совет, подчинявшийся президиуму губисполкома и ВЧК. Председателем Военного совета стал Ф. К. Траскович, а командование войсками также сохранилось руках губвоенкома П. И. Шикинова⁷. Военсовет продолжил работу, начатую военно-оперативным штабом при губ. ЧК.

К 9 сентября против мятежников действовали уже не менее трех тысяч бойцов, разделенных на пять групп – Сампурскую, Рассказовскую, Кирсановскую, Ржаксинскую и Борисоглебскую. К этому же времени вооруженных повстанцев насчитывалось до шести тысяч, а территория, охваченная мятежом, составляла 1 200 квадратных километров⁸. И фактически на всей этой территории шли отчаянные по накалу бои, протекавшие, как правило, с переменным успехом.

8 сентября в районе сел Каменка, Федоровка и Ракитино красные нанесли серьезное поражение крупному отряду антоновцев в 800 пеших и 250 конных повстанцев. Исход этого кровопролитного боя, продолжавшегося весь световой день, решила атака эскадрона Переведенцева, неожиданно ударившего мятежникам во фланг и смявшего их кавалерию. В закрепление одержанной победы и в порядке наказания повстанцев за проявленное в бою упорство, Переведенцев тем же вечером сжег дотла Ракитино и половину Федоровки, за что и получил от местного населения на многие годы кличку «Жженный» – от слов «сжигать», «жечь»⁹.

Однако здесь необходимо заметить, что Никифор Александрович Переведенцев был лишь исполнителем (хотя и из-

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 116, 128.

² ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 29.

³ Внутренние войска Советской республики. 1917 – 1922 гг. Документы и материалы. М., 1972, С. 514.

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 114, 197, 210, 213, 217, 232, 233.

⁵ ГАТО. Ф. Р-1, Оп. 1, Д. 197, Л. 182; Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 44, Л. 70.

⁶ Там же, Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 16, 16(об.).

⁷ Там же, Л. 38; Трифонов И. Я. Указ. соч., С. 246.

⁸ Там же; РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 75, Л. 1(об.).

⁹ Там же, Д. 63, Л. 259.

лишне усердным), но отнюдь не автором или инициатором столь жестоких карательных мер. Ведь указания сжигать или уничтожать артиллерийским огнем мятежные села исходили не от командиров отдельных советских отрядов или красноармейских частей, а от самого Военного совета. Причем наиболее беспощадно настроенными против «злостнобандитских» деревень и сел были председатель Военсовета Федор Константинович Траскович и секретарь губкома партии Николай Яковлевич Райвид.

Свое начало карательная политика тамбовских властей берет 28 августа 1920 года, когда по настоянию Ф. К. Трасковича командующий войсками П. И. Шкунов издал приказ № 5, в котором потребовал от вверенных ему войск произвести в течение 48 часов в 21-м населенном пункте (список сел прилагался) полную конфискацию имущества у всех жителей, арестовать всех мужчин в возрасте от 16 до 40 лет и отправить их на принудительные работы. А военным трибуналам приказывалось «произвести суровую революционную расправу с соучастниками бандитов»¹.

Приказ Шкунова широко обсуждался среди партийно-советского руководства губернии. Одни находили его излишне суровым, а другие, наоборот, недопустимо мягким в сложившейся обстановке. Официально возобладали последние точка зрения, и Шкунову вскоре пришлось отменить свой «либеральный» приказ № 5.

С сентября начала проводиться более жестокая карательная политика. По отношению к селам, поддержавшим повстанцев, советским отрядам предписывалось арестовывать все мужское население, способное держать в руках оружие, а затем «произвести полную фуражировку, не оставляя ни одной овцы, ни одной курицы в данном пункте; после производства фуражировки данный пункт сжечь»².

Уже упоминавшийся нами А. С. Казаков, выступая в июле 1921 года перед военными коммунистами в Тамбове, так охарактеризовал карательные меры тамбовских властей осенью 1920 года:

«Наши части... больше занимались очисткой деревни от всего живого и мертвого инвентаря, чем очисткой от банд и их уничтожением. Здесь не разбираются, кто прав, кто виноват. Все крестьянство сваливается в одну кучу и объявляется бандитским.

Преданная и лояльная нам часть крестьянства после произведенной фуражировки (понимай – грабежа), в результате которой оно лишилось всего инвентаря и жилища (так как оно сожжено), находится в безвыходном положении. Для него нет иного выхода, как только идти и пополнить банду, чтобы жестоко отомстить за свое добро, нажитое столь тяжелым трудом. Целые деревни, боясь нашего «красного террора», забрав свой скот, женщин и детей, уезжают и скрываются в лесах. В результате подобной «ликвидации» банды растут как грибы, и общая численность восставших достигает десятков тысяч человек. Действия командования напоминают поступки потерявшего голову человека, который, видя пожар своего дома, начал бы заливать его керосином»³.

Заметим, что бездумная и слишком жестокая карательная политика тамбовских властей с самого начала вызывала несогласие и ропот у многих красноармейцев и командиров. Некоторые советские отряды и части отказывались выполнять приказы по уничтожению деревень. Немало бойцов, не желая идти под трибунал за невыполнение подобного приказа, дезертировали или переходили (иногда целыми подразделениями) на сторону повстанцев. А те, кто не становился дезертиром или перебежчиком, но писал протесты и жалобы в различные военные и гражданские инстанции, сурово наказывались в дисциплинарном или партийном порядке.

3 сентября 1920 года, заслушав доклад Военного совета о ходе ликвидации восстания, Тамбовский губком партии еще раз подтвердил, что «борьба с бандитами должна вестись по-прежнему методами решительных и суровых репрессий, не останавливаясь перед уничтожением селений»⁴.

Естественно, что такая порочная тактика борьбы с мятежом лишь способствовала его разрастанию. Число повстанцев увеличивалось с каждым днем, в то время как военные резервы губернии уже подходили к концу. Попытки тамбовских руководителей добиться в различных городах и ведомствах военной помощи ощутимых результатов пока не приносили.

8 сентября вопрос о мерах по ликвидации мятежа обсуждался на совместном заседании президиумов губкома партии и губисполкома. В итоге было решено послать телеграммы с просьбами о помощи в адрес В. И. Ленина, Совета Труда и Оборона, ЦК РКП(б) и Наркомпрода, а также командировать в Москву председателя губисполкома Александра Григорьевича Шлихтера для личного доклада Ленину о положении на Тамбовщине⁵.

Встретившись с Лениным, Шлихтер попросил у него содействия в получении для Тамбовской губернии батальона пехоты, двух эскадронов кавалерии и двух тысяч продармейцев, а также 1 000 винтовок, 100 револьверов и 25 тысяч патронов для вооружения сельских коммунистов. Шлихтер клятвенно заверил Ленина, что если все это удастся получить, то Тамбовские власти смогут не только быстро подавить мятеж, но и полностью выполнить госразверстку по хлебу⁶.

9 сентября командующим советскими войсками, действующими против антоновцев в Тамбовской губернии, был назначен Юрий Юрьевич Аплук – 29-летний начальник внутренних войск на территории Орловского военного округа. Отныне главным центром борьбы с мятежом стал так называемый «Штаб командующего войсками Тамбовской губернии»⁷. А Военный совет, не обладая теперь реальной силой, постепенно растерял былое значение и в январе 1921 года прекратил свое существование.

10 сентября 1920 года приехавший из Орла Ю. Ю. Аплук вступил в командование войсками Тамбовской губернии.

Глава 2. УЕЗДЫ В ОГНЕ

Новый командующий начал свою деятельность с перегруппировки сил. Из имевшихся пяти групп войск он 11 сентября создал две. 1^{-ю} ударную группу возглавил командир 21^{-го} стрелкового полка Константин Викторович Бриммер, а 2^{-ю} – на-

¹ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 26.

² РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 15, 15(об.).

³ Там же, Л. 15(об.).

⁴ Там же, Д. 63, Л. 166.

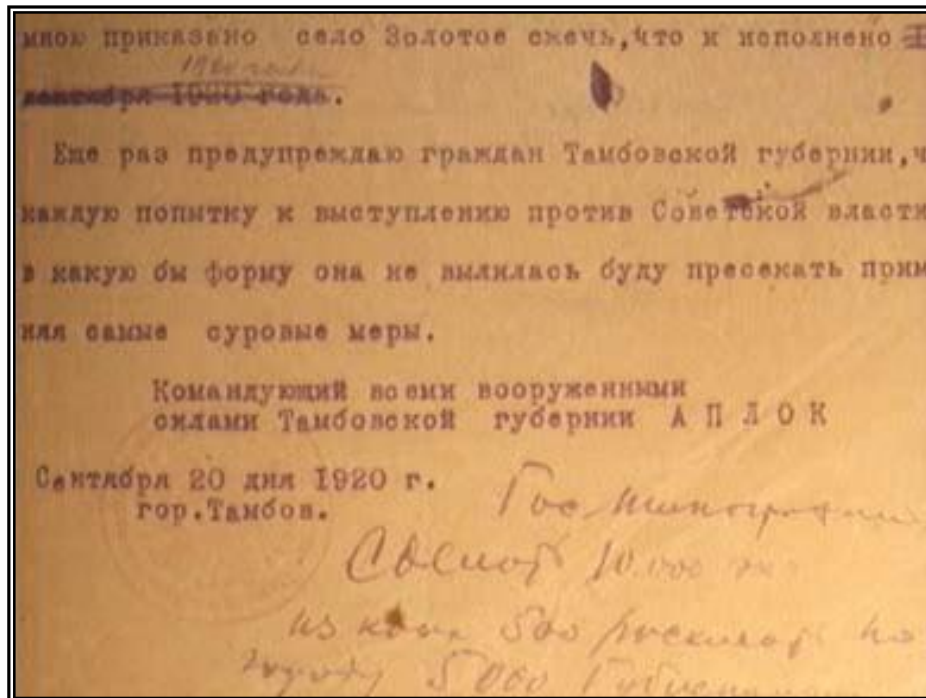
⁵ Там же, Л. 252.

⁶ Донков И. П. Указ. соч., С. 8 - 9.

⁷ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 631, Л. 38.

чальник 35^х Тамбовских пехотных курсов Иван Карлович Зенкович (15 сентября заболевшего Зенковича сменил Никольский)¹.

Ю. Ю. Аплом внес свои изменения и в карательную политику тамбовских властей, с которыми у него, надо сказать, с самого начала не сложились нормальные деловые взаимоотношения. 16 сентября командующий объявил населению мятежных районов, что все повстанцы и дезертиры, «захваченные с оружием в руках, будут расстреляны на месте; села, оказывающие сопротивление революционным советским властям, будут немедленно сожжены дотла». В том, что это не пустая угроза, первыми 18 сентября убедились жители села Золотовка Кирсановского уезда. Их село сожгли за то, что накануне там обстреляли разезд в пять красноармейцев, двое из которых были убиты².

Фрагмент приказа Ю. Ю. Аплом о сожжении с. Золотовка Кирсановского уезда 18 сентября 1920 г.

За проявленный героизм Александр Федорович Александров и Никифор Александрович Переведенцев приказом по войскам Тамбовской губернии от 6 октября 1920 года были награждены серебряными часами. Эти часы марки «Прогресс» стали первыми наградами, врученными участникам подавления антоновщины³.

На следующий день после битвы под Афанасьевкой, где, по данным советского командования, красные потеряли до 160 человек убитыми и ранеными, а повстанцы – до 500, произошел еще один большой бой. На сей раз между селами Кропоткино и Туголуково Борисоглебского уезда антоновцы были рассеяны, потеряв до 350 человек⁶.

Вечером 19 сентября командующий войсками Аплом, уверенный, что после таких серьезных поражений Антонову уже не оправиться, издал победный приказ, начинавшийся так: «Восстание в Борисоглебском, Тамбовском и Кирсановском уездах ликвидировано, вверенные мне войска добивают остатки банды Антонова у Туголуково». Далее Аплом приказывал «мобилизованных совработников распустить», а красноармейцев призвал «напрячь все силы к единому побуждению крестьян к выполнению хлебной разверстки»⁷.

Однако, как оказалось, командующий рано праздновал победу. Антонов у Туголуково разбит не был. Его рассеявшийся во время боя отряд тут же вновь собрался в заранее условленном месте и, совершив за ночь бросок в 70 километров, неожиданно захватил большое село Знаменку, что в тридцати километрах южнее Тамбова⁸. Двигаясь отсюда в северо-восточном направлении, антоновцы захватили врасплох и разоружили несколько мелких красноармейских отрядов. Бросившиеся в погону советские кавалерийские части настигли Антонова лишь 22 сентября у села Подоскляй Тамбовского уезда. Но и здесь, после небольшого боя, ему удалось отбиться и, перейдя у станции Ляда железнодорожную ветку Тамбов – Кирсанов, исчезнуть в лесах севернее Тамбова⁹.

Находясь в постоянном движении и неожиданно появляясь в самых непредсказуемых местах, отряды Антонова и его сподвижников свои главные удары направляли на работавшие в селах продотряды, уничтожая одни из них и разгоняя другие.

24 сентября командированный в Москву заместитель председателя Тамбовского губисполкома Владимир Николаевич Мещеряков обратился к Ленину со следующей запиской:

«Со времени Вашего разговора (и содействия) с Шлихтером о нашем восстании – положение наше ухудшилось (разо-

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 2, Д. 11, Л. 7, 11.

² Там же, Оп. 5, Д. 7, Л. 20, 21.

³ Там же, Д. 75, Л. 2; Оп. 2, Д. 11, Л. 21.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Оп. 5, Д. 75, Л. 2.

⁷ Там же, Оп. 2, Д. 11, Л. 8.

⁸ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 630, Л. 145.

⁹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 75, Л. 2(об.).

ружены две роты; взято, таким образом, 400 винтовок и 4 пулемета, и, вообще, противник окреп). Я был у Главкома¹, получил обещание послать в Тамбов 1 батальон и 300 винтовок; но по вопросу о продотрядах до сих пор ничего не вышло. Нам не дали ничего. И ссыпка идет по 20 – 22 – 25 тысяч пудов в день, вместо 200 – 220 тысяч нужных.

Имею просьбу Шлихтера и губкома переговорить с Вами на эту тему, ибо положение худое»².

Прочитав записку, В. И. Ленин дал указание заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому и председателю ВЧК Ф. Э. Дзержинскому: «Надо принять архизэнергичные меры! Спешно!»³.

27 сентября, в связи с мятежом в Тамбовской губернии, Ленин спрашивал запиской заместителя наркома продовольствия Н. П. Брюханова: «Верна ли разверстка 11 млн. пудов? Не скостить ли?»⁴.

Неизвестно, какие конкретные шаги предпринял Брюханов во исполнение этого запроса Ленина, но объем продразверстки для Тамбовщины уменьшен не был. А кроме того, известно, что в сентябре 1920 года тамбовские власти письменно заверили Ленина, что они непременно выполняют всю продразверстку, если будет оказана срочная военная помощь в разгроме Антонова и прислано необходимое число продармейцев⁵.

Справедливости ради отметим, что сил, имевшихся в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии Аглока, было вполне достаточно для разгрома всех сколько-нибудь крупных отрядов мятежников. Ведь красноармейские части, действовавшие против повстанцев, почти не уступали им по численности, а по вооруженности значительно превосходили их.

Однако Аглоку никак не удавалось нанести сокрушительный удар хотя бы по отряду самого Антонова, который как магнит притягивал к себе лучшие части красных, водил их за собой из уезда в уезд, вступал с ними в непродолжительные схватки, но серьезно, а тем более окончательно разгромить себя не давал. А тем временем другие отряды мятежников почти беспрепятственно устанавливали свою власть в тамбовских селах.

В двухнедельной сводке Борисоглебского уездного политбюро за вторую половину сентября 1920 года говорится: «Не встречая сопротивления, банды с каждым днем растут. Все отряды, брошенные еще ранее в уезд, в настоящее время находятся в ... Тамбовском уезде. Весь Борисоглебский уезд, таким образом, может считаться в полной власти бандитов»⁶.

В начале октября, уходя от преследовавших его войск, Антонов со своим отрядом покинул пределы Тамбовщины и оказался в Балашовском уезде Саратовской губернии. Восприняв это как окончательное поражение Антонова, командующий Аглок 3 октября вновь издал победный приказ, извещавший о подавлении мятежа, и опять начал демобилизацию привлеченных к участию в борьбе с восстанием коммунистов, комсомольцев и советских активистов⁷.

6 октября Ю. Ю. Аглок объявил войскам «революционную благодарность за подавление Антонова», наградил наиболее отличившихся в боях красноармейцев и командиров и с чувством до конца выполненного долга отбыл в Орел, сдав командование войсками Тамбовской губернии командиру 4^й отдельной стрелковой бригады внутренних войск Владимиру Ивановичу Благонадеждину⁸.

Новый командующий, также считавший, что с Антоновым покончено, перебросил 2 400 своих бойцов на форсированное выполнение продовольственной работы, отправив их мелкими группами по деревням в качестве продотрядов⁹. В окончательный разгром Антонова поверило и партийно-советское руководство губернии. Из переполненных тюрем и концлагерей началось частичное освобождение превентивно арестованного в «злостнобандитских» селах мужского населения. О проявлении такой неслыханной милости со своей стороны губернские власти не замедлили отрапортовать «наверх».

7 октября председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер телеграфировал В. И. Ленину:

«Мною дважды посещены захваченные в плен при подавлении бандитского эсеровского движения крестьяне. В первой беседе с ними разъяснены их ошибки, заблуждения, обещано быстрое рассмотрение их дел. Особая комиссия, созданная губисполкомом для рассмотрения их дел, постановила освободить 460, расследовать 14, передать комиссии по дезертирству 44. Результаты работы комиссии объявлены мною при вторичном посещении пленных. Освобождение дано именем Советской власти и Ленина. Милость Советской власти, по общему мнению, произвела огромное впечатление, равно как агитационные беседы мои и члена губкома»¹⁰.

Здесь приходится констатировать, что тамбовские власти давали в Москву явно недобросовестную информацию. Ведь тот же Шлихтер в приведенном отрывке из телеграммы Ленину говорит о незаконно и безразборно арестованных крестьянах как о «захваченных в плен», хотя достоверно известно, что в сентябрьских боях советские отряды настоящих мятежников в плен не брали, а расстреливали или рубили на месте.

И еще. В телеграмме Шлихтер ставит себе в заслугу, что «пленным разъяснены их ошибки, заблуждения». Но в чем, собственно говоря, заключались эти «их ошибки»? В том, что поверили в гуманность советской власти и не сбежали загодя в лес или к Антонову, спасая себя от безвинного ареста и ужасов концлагерей, а свое имущество – от тотальной фуражировки-разграбления?!

Тамбовские гражданские и военные власти до самого конца 1920 года – пока их не уличили – ложно информировали Москву, что население мятежных уездов якобы совершенно не поддерживает Антонова¹¹. А ведь из тех же уездов в Тамбов шла совсем другая информация. Например, еще в сентябре компетентные лица из большого фабричного села Рассказово прямо писали в Тамбов: «В Рассказовском районе настроение населения, кроме села Рассказово, к бандитам сочувственное, к красноармейцам – отрицательно-озлобленное. Само Рассказово, ввиду большого количества рабочих, относится

¹ Главком – Главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики *Сергей Сергеевич Каменев*.

² В. И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917 – 1922 гг.). Изд. 2-е, доп. М., 1987, С. 357.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51, С. 290.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 10.

⁶ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 11, Л. 87 - 88.

⁷ Там же, Оп. 2, Д. 11, Л. 16.

⁸ Там же, Л. 20.

⁹ Там же, Оп. 5, Д. 11, Л. 52.

¹⁰ Цит. по: Донков И. П. Указ. соч., С. 37.

¹¹ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 10.

к бандитам очень враждебно»¹.

Сейчас даже трудно сосчитать, сколько же раз руководители Тамбовской губернии докладывали в Москву, что главные силы Антонова уничтожены, а окончательная ликвидация их остатков – дело нескольких ближайших дней. Причем, посылая «наверх» неверную политически и искаженную фактически информацию, губернское руководство, несмотря на разгоравшуюся внутри него междоусобицу, выступало настолько дружно и слаженно, что этой ложной информации поверил даже такой человек, как Дзержинский, заявивший в конце 1920 года через центральную прессу, что мятеж в Тамбовской губернии уже успешно ликвидирован².

Одним словом, тамбовские руководители, пытаясь скрыть серьезнейшие огрехи в своей работе, очень долго выдавали желаемое за действительность. А расплачиваться за это приходилось бойцам и командирам красноармейских частей, продотрядникам, деревенским коммунистам, сельсоветчикам, да и всему остальному полуторамиллионному населению трех уездов, волею судьбы вовлеченному в страшную круговерть антоновщины.

Скрывшись в начале октября с двухтысячным отрядом в Балашовском уезде Саратовской губернии, Антонов разделил свой отряд на несколько групп по 300 – 400 человек и дал им задание без лишнего шума перейти в новый район оперативных действий – на участок железной дороги Борисоглебск – Жердевка.

Скрытно достигнув заданного района, где их никто не ожидал, антоновцы 7 октября захватили и разгромили станцию Терновка, убив в соседнем селе с таким же названием 10 коммунистов. 8 октября под Жердевкой повстанцы взяли в плен красноармейскую роту в 100 человек. В последующие четыре дня антоновские отряды широким фронтом прошли всю западную половину Борисоглебского уезда, в связи с чем сбор хлеба по продразверстке здесь практически прекратился. Беспощадно расправляясь с продотрядниками, антоновцы строго запрещали крестьянам сдавать хлеб, грозя при этом разными карами, вплоть до расстрела³.

Командующий войсками Тамбовской губернии В. И. Благоннадеждин писал по этому поводу 12 октября: «Были случаи захвата нашими отрядами записок за подписью Антонова, запрещающие крестьянам выполнение продразверстки, но безграмотность записок исключает возможность участия в их составлении самого Антонова»⁴. Как видно, Благоннадеждин тогда еще не знал, что Антонов действительно был на редкость безграмотным человеком, в чем автор этих строк убедился лично, ознакомившись в архивах со многими документами, написанными рукой Антонова.

Новая вспышка активности повстанцев и успехи, достигнутые ими в Борисоглебском уезде, заставили губернское руководство вновь обратиться в Москву с просьбой о военной помощи. 12 октября председатель Тамбовского губисполкома и Военного совета (с 27 сентября) Шлихтер писал в телеграмме Ленину:

«Окончательная ликвидация бандитского движения задерживается отсутствием достаточного количества кавалерии. Бандиты продвигаются со скоростью 60 – 100 верст в день, наши пехотные части иногда теряют соприкосновение с ними. В последнее время шайки перебрасываются в Воронежскую и Саратовскую губернии, откуда обратно в Тамбовскую.

Несогласованность с нами действий воронежского и саратовского командования, невозможность добиться полного согласования выдвигают вопрос о создании общего командования трех губерний. Исходя из изложенного, губисполком постановил просить Вас срочно усилить действующие против бандитов части сильным кавалерийским отрядом»⁵.

15 октября Ленин переадресовал эту телеграмму заместителю председателя Реввоенсовета Республики (РВСР) Сяньскому и написал: «Дайте РВСР поручение или, вернее, точный приказ добиться быстрой и полной ликвидации. О принятых мерах мне сообщить»⁶.

Не успокоившись на этом, В. И. Ленин 19 октября обратился к командующему внутренними войсками страны В. С. Корневу и председателю ВЧК и одновременно наркому внутренних дел Ф. Э. Дзержинскому со следующей запиской:

«Тов. Шлихтер сообщает мне об усилении восстания в Тамбовской губ., о слабости наших сил, особенно кавалерии.

Скорейшая (и примерная) ликвидация безусловно необходима.

Прошу сообщить мне, какие меры принимаются. Необходимо проявить больше энергии и дать больше сил»⁷.

Но и без этого напоминания Ленина Москва, по мере возможности, оказывала Тамбову помощь войсками и оружием. Так, к 15 октября против антоновцев уже действовали советские части общей численностью 4 447 штыков и сабель, при 5-и орудиях и 22-х пулеметах. Кроме того, в резерве командующего войсками губернии В. И. Благоннадеждина находилось еще 3,5 тысяч бойцов⁸.

А то обстоятельство, что численность войск Тамбовской губернии увеличивалась все-таки медленно, объясняется главным образом тем, что советские части постоянно несли большие потери, особенно пленными и дезертирами. Так, например, 19 октября, то есть в тот самый день, когда Ленин приказывал командующему внутренними войсками Корневу «дать больше сил» для Тамбовской губернии, отряд антоновцев под командованием Богуславского почти без боя взял в плен у села Верхоценье Тамбовского уезда две красноармейские роты общей численностью 230 человек⁹.

Видя, что войска Тамбовской губернии под командованием В. И. Благоннадеждина никак не могут нанести чувствительные поражения хотя бы наиболее крупным отрядам мятежников, В. С. Корнев 25 октября вместо «переутомившегося» (официальная причина) Благоннадеждина назначил Константина Владимировича Редзько – начальника 35²³ Тамбовских пехотных курсов, коммуниста, бывшего гвардейского полковника и Георгиевского кавалера. В полночь на 26 октября 1920 года К. В. Редзько вступил в командование войсками Тамбовской губернии¹⁰.

Новый командующий активно берется за дело, но не все у него получается. Особую заботу Редзько проявил о воору-

¹ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 7, Л. 4.

² Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 3.

³ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 11, Л. 30, 35, 90.

⁴ Там же, Л. 53.

⁵ Внутренние войска Советской республики... С. 534.

⁶ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51, С. 303.

⁷ Там же, С. 310.

⁸ РГВА. Ф. 235, Оп. 2, Д. 550, Л. 218.

⁹ Там же, Оп. 5, Д. 9, Л. 10; Д. 75, Л. 3(об.).

¹⁰ Там же, Д. 3, Л. 4; Д. 6, Л. 389, 485.

жении и комплектовании надежными кадрами специально создаваемой для непрерывного преследования отряда самого Антонова 1^{-й} ударной кавалерийской группы под командованием К. В. Бриммера. И эта группа действительно получилась боевой. Ее ядро составил сводный полк Н. А. Переведенцева, насчитывавший поначалу (27 октября) всего 188 сабель¹.

Уделяя основное внимание кавгруппе Бриммера, Редзько как-то упустил из виду 2^{-ю} ударную группу войск во главе с командиром 20^{-го} отдельного стрелкового полка внутренних войск Белокобыльским, за что и был немедленно наказан антоновцами. В ночь на 30 октября в селе Богословка Кирсановского уезда входивший в группу Белокобыльского 2^{-й} сводный пехотный полк Воробьева был внезапно атакован тысячным отрядом повстанцев и, не оказав почти никакого сопротивления, панически бежал из села, оставив в нем одно орудие с шестьюдесятью снарядами и два пулемета. Кроме того, около сотни красноармейцев погибли или попали в плен².

Разгневанный Редзько тут же снял с должностей и Воробьева, и Белокобыльского. А через неделю, после выяснения всех обстоятельств поражения под Богословкой, Белокобыльский, Воробьев, а также командир роты, которая первой ударилась в бегство, были отданы под трибунал. 30 октября командование 2^{-й} ударной группой Редзько временно поручил комбату 20^{-го} стрелкового полка Михаилу Ивановичу Маркину³.

К чести командующего войсками Редзько, он не ожесточился после неудачи под Богословкой, а наоборот, в отличие от своих предшественников, стал проводить более мягкую и разумную карательную политику по отношению к местному населению и к самим повстанцам, одновременно стараясь навести порядок во вверенных ему войсках. 1 ноября Редзько писал в приказе по войскам Тамбовской губернии:

«Мною замечено, что в действующих по подавлению восстания частях процветает шкурничество и разгильдяйство, как среди красноармейцев, так и среди комсостава, что подтверждается постыдной сдачей пушки и двух пулеметов. Революционные солдаты должны смыть с себя пятно позора, отбить пушку и раздавить врага.

По отношению к крестьянам, не опорочившим себя содействием бандитизму, [войска] должны быть в высшей мере внимательны и братски относиться. За самочинное отбирание у крестьян продуктов и прочего предам расстрелу»⁴.

6 ноября К. В. Редзько обратился к повстанцам с призывом одуматься и переходить с оружием на сторону советской власти. Одновременно войска получили приказ не расстреливать на месте взятых в плен повстанцев (как это делалось до сих пор), а шадить и желающим из них предоставлять возможность искупить свою вину честной службой в советских частях и отрядах, действующих против Антонова⁵.

Серьезное значение командующий Редзько придавал и политической работе в войсках. Мобилизованных коммунистов он старался направлять в те части, от которых в наибольшей степени зависел исход военных операций. Поэтому неудивительно, что особенно много коммунистов оказалось в 1^{-й} ударной конной группе Константина Викторовича Бриммера.

Предпринимаемые Редзько меры по укреплению действующих частей давали свои результаты, позволяя иногда добиваться заметных успехов, которые, однако, носили все-таки локально-эпизодический характер и не могли существенно воспрепятствовать дальнейшему расширению и усилению восстания.

1 ноября Антонов с боем взял важную железнодорожную станцию Инжавино⁶. 5 ноября повстанческий отряд А. В. Богуславского совершил нападение на Ивановский совхоз, превращенный его рабочими под руководством директора совхоза Гаранина в настоящую крепость. Внезапного налета у Богуславского не получилось, и он, потеряв 7 человек убитыми и 18 ранеными, отступил обратно. Впоследствии, усиленная красноармейцами, рабочая дружина Ивановского совхоза неоднократно отражала всякие попытки мятежников захватить совхоз.

В то же утро 5 ноября А. С. Антонов во главе своего отряда, а также повстанческих отрядов И. С. Матюхина, И. Е. Ишина и П. М. Токмакова (всего до 4 тысяч человек) повел сразу с четырех сторон наступление на укрепленную железнодорожную станцию Сампур. Завязался многочасовой ожесточенный бой мятежников с гарнизоном станции и 2^{-й} ударной группой М. И. Маркина. 1^{-я} ударная группа К. В. Бриммера в это время, из-за плохой работы войсковой разведки, тщетно искала отряд Антонова в пятидесяти километрах восточнее.

Взять станцию повстанцам не удалось. В критический момент боя на помощь группе Маркина и Сампурскому гарнизону с двух сторон по железной дороге подоспели бронелетучка и эшелон с войсками из резерва командующего Редзько, в результате чего два наиболее сильных отряда (Антонова и Матюхина) сами оказались в окружении. Однако, понеся потери, мятежники все же сумели вырваться из кольца и ушли в район села Хитрово – «родовое гнездо» повстанческого отряда Матюхина.

Узнав о местонахождении своей главной цели – отряда Антонова, кавгруппа Бриммера, находившаяся в селе Трескино, в тот же день совершила марш-бросок в 35 километров и уничтожила арьергард Антонова у села Хитрово.

В течение последующих шести дней конники Бриммера ежедневно настигали и трепали отряд Антонова, неописуемыми зигзагами уходившего от погони. Последний бой произошел 11 ноября у села Пановы Кусты Тамбовского уезда, где кавполк Переведенцева разметал полутысячный отряд Антонова и отбил, наконец, орудие, захваченное повстанцами в Богословке.

В Тамбове успех у Пановых Кустов расценили как окончательную победу над антоновцами. «За ликвидацию банды Антонова» командующий войсками губернии объявил К. В. Бриммеру благодарность, а бойцам его кавгруппы – «русское спасибо». Кроме того, К. В. Редзько сообщил в приказе по войскам, что он представляет командира 1^{-го} кавалерийского полка Н. А. Переведенцева к награждению орденом Красного Знамени⁸. Обещанную командующим награду Переведенцев, разумеется, не получил, так как в то время этот высший и единственный пока в стране орден давался только за подвиги, совершенные на фронте. А мятежная, залитая кровью, но все же тыловая Тамбовская губерния фронтом еще не считалась.

¹ Там же, Оп. 2, Д. 11, Л. 41.

² Там же, Оп. 5, Д. 6, Л. 465.

³ Там же, Д. 7, Л. 25; Оп. 2, Д. 11, Л. 45.

⁴ Там же, Л. 47.

⁵ Там же, Л. 30; Оп. 5, Д. 6, Л. 537(об.).

⁶ Там же, Д. 8, Л. 22.

⁷ Там же, Д. 9, Л. 27; Д. 75, Л. 4.

⁸ Там же, Оп. 2, Д. 11, Л. 36.

Оча. Пуцкова

9°

10°

11°

12°

13°

КАРТА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Составил Ю.М. Шокальский

1:600,000

Масштабъ 40 верстъ въ дюймѣ

Условные знаки:

● Губернскій ● уездный ● сельскіе

— Путь, Железная дорога и станція
— Железная дорога строится
— Путь, вода

Примечаніе: Горизонтали проведены черезъ 20 саж. (7 фут.)

Цифры горизонтали красною даютъ высоту горизонталей отъ саж.

— Горизонталь — " — 30 саж.

— " — " — выше 30 саж.

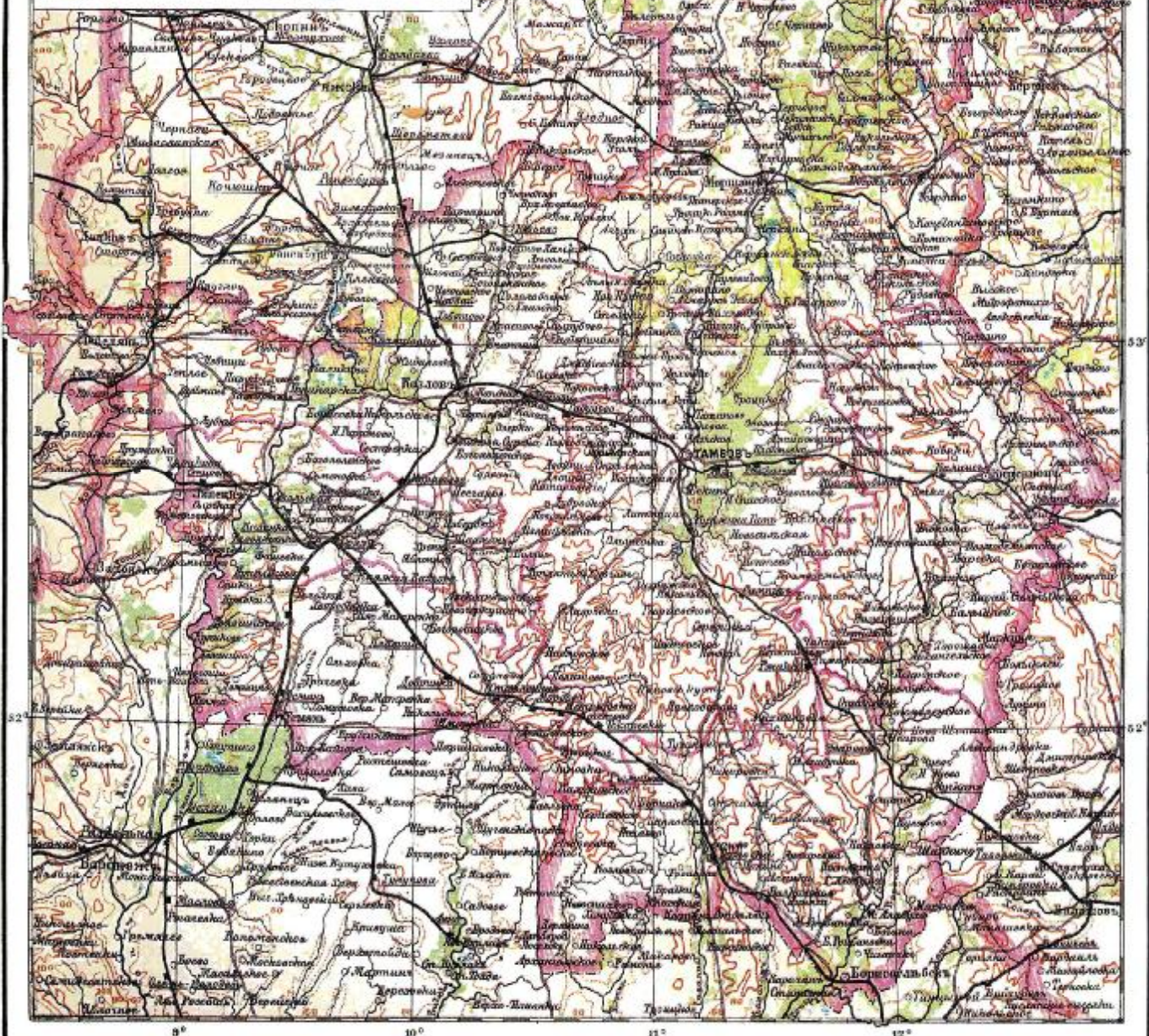
— " — " — ниже 30 саж.

Губернская граница

Уездная граница

Леса

Болота

9°

10°

11°

12°

13°

Для закрепления достигнутых успехов советские части с 11 по 29 ноября произвели тщательное и методичное, район за районом, прочесывание юго-восточной половины Тамбовского и южной половины Кирсановского уездов. Одновременно в этих же местностях вели свою работу и несколько выездных сессий губ. ЧК. Однако эти мероприятия почему-то совершенно не затронули Борисоглебский уезд, куда из Кирсановского и Тамбовского уездов, спасаясь от проводимых там широкомасштабных облав, перебазировалось немало крупных и мелких отрядов повстанцев.

14 ноября в селе Моисеево-Алабушка (северная часть Борисоглебского уезда, граничащая с Кирсановским и Тамбовским уездами) состоялось довольно представительное собрание командиров отдельных повстанческих отрядов из всех трех мятежных уездов. «Высоких гостей» принимал у себя глава местных повстанцев Александр Борисович Кулдошин. Участники собрания подвели итоги почти трехмесячному периоду вооруженной борьбы. Некоторые из этих итогов оказались неутешительными для мятежников¹.

После того, как в сентябре губ. ЧК арестовала в Тамбове два состава губернского комитета партии правых эсеров, связь большинства повстанческих отрядов с этой партией практически оборвалась. А созданный в Тамбове для общего руководства восстанием эсеровский штаб во главе с Н. Карпухиным по существу бездействовал, и помощи от него ждать не приходилось². Одним словом, повстанцы оказались предоставлены сами себе.

Именно поэтому главным вопросом, обсуждавшимся в Моисеево-Алабушке, был вопрос о том, что же делать дальше? В одном собравшиеся предводители повстанческих отрядов были едины: о прекращении восстания и вооруженной борьбы с коммунистами не может быть и речи. В прямой связи с этим на собрании было высказано и одобрено предложение об объединении фактически разрозненных на данный момент повстанческих отрядов в одну «Партизанскую армию Тамбовского края», управление которой должно исходить из одного центра – «Главного оперативного штаба». Здесь же, на собрании, путем тайного голосования был избран и руководящий состав Главоперштаба из пяти человек (Александр Степанович Антонов, Александр Васильевич Богуславский, Иван Архипович Губарев, Петр Михайлович Токмаков и некто Митрофанович)³. В нашей и зарубежной исторической литературе об антоновщине до сих пор не уделялось (и не уделяется) достаточного внимания структуре и деятельности Главоперштаба. Считается, что в Тамбовском мятеже он выступал на вторых или даже третьих ролях после губкома партии правых эсеров (ПСР) и губернского комитета Союза трудового крестьянства, осуществляя лишь военно-оперативное руководство вооруженными отрядами тамбовских повстанцев. На самом же деле губкомы ПСР и СТК были почти целиком подчинены антоновскому Главоперштабу. Как это могло случиться?

А дело здесь в том, что к середине ноября 1920 года (время совещания в Моисеево-Алабушке) прежних, то есть существовавших до начала мятежа губкомов ПСР и СТК, благодаря усилиям тамбовских чекистов, уже практически не существовало. Но не зря говорится: свято место пусто не бывает. Вот и Антонов, очевидно, для придания большей солидности возглавляемому им восстанию, решил создать новые, уже чисто антоновские губкомы ПСР и СТК. В пользу такого вывода говорит, например, тот факт, что в ноябре 1920 года во главе губкома СТК встал наиболее близкий приятель и давний соратник Антонова – Петр Михайлович Токмаков, а после его гибели в конце февраля 1921 года – Иван Егорович Ишин, также давнишний (еще с дореволюционных времен) друг Антонова. Что же касается Тамбовского губкома ПСР, то он, как известно, дважды разгромленный чекистами в сентябре, «чудесно воскрес» как раз в конце ноября 1920 года в Каменке, где его возглавил местный эсер Григорий Наумович Плужников. В это же самое время членом губкома ПСР стал и И. Е. Ишин, который в июне 1921 года, будучи арестован чекистами в Москве, показал на допросе, что тамбовские губкомы ПСР и СТК состояли фактически из одних и тех же лиц.

Короче говоря, существовавшие с конца ноября 1920 года губкомы партии правых эсеров и Союза трудового крестьянства были детищами не столько эсеровских партий, сколько самого А. С. Антонова и его Главоперштаба.

В начале 1921 года Главоперштаб принял свою законченную форму и представлял из себя довольно мощную организацию со сложной внутренней структурой. Во главе его по-прежнему стояли пять человек, занимавшие следующие должности: начальник Главоперштаба (А. С. Антонов), его заместитель, командующий армией, заместитель командарма, начальник разведки. Все перечисленные должности являлись выборными, причем начальник Главоперштаба по должности был выше, чем командующий армией (первым командармом собрание в Моисеево-Алабушке избрало П. М. Токмакова)⁴.

Здесь приходится особо разъяснить один важный момент, до сих пор не понятый правильно никем из исследователей истории антоновщины. Дело в том, что Антонов был не начальником штаба повстанческой армии (как это принято считать) в прямом понимании названия этой должности, а начальником вообще штаба восстания, то есть начальником самого высшего, главного штаба восстания, не совсем правильно названного полуграмотными руководителями мятежа Главоперштабом.

Процесс создания и становления Партизанской армии Тамбовского края проходил в нелегких условиях. Уже 17 ноября конница Бриммера едва не накрыла загостившегося в Моисеево-Алабушке Антонова вместе со всем новорожденным Главоперштабом. В руки красных кавалеристов, в числе других трофеев, доставшихся после стремительного бегства мятежников из села, попало и постановление съезда командиров повстанческих отрядов о создании Главоперштаба⁵.

Довольно легко уходя от преследования, Антонов со своим отрядом и Главоперштабом до начала декабря непрерывно колесил по северо-западной части Борисоглебского и соседней с ней юго-восточной части Тамбовского уездов, отвлекая на себя лучшие силы красных и одновременно создавая здесь все новые и новые повстанческие отряды и полки.

Однако далеко не все села, где появлялся Антонов или его эмиссары-агитаторы, откликнулись на горячие призывы проявить «крестьянскую сознательность» и примкнуть к «всенародному восстанию против насильников-коммунистов». Более того, при остановке на ночлег в некоторых деревнях Антонову приходилось даже брать заложников из местных жителей, чтобы дополнительно обезопасить себя и своих штабистов от возможного ночного нападения со стороны «несознательных» сельчан⁶. Встречались и такие села, куда Антонова и его свиту вовсе не пускали. Как правило, это были села, где

¹ Там же, Оп. 5, Д. 75, Л. 5.

² Антоновщина... С. 20; Обвинительное заключение... С. 45.

³ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 75, Л. 5.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же, Д. 11, Л. 95.

уже не было советской власти, но еще не установилась и повстанческая. В таких селах крестьяне создавали свои собственные, вооруженные чем попало отряды самообороны, которые старались, в меру их скромных возможностей, не пускать к себе ни красных, ни антоновцев. Разумеется, что в условиях настоящей гражданской войны, разгоравшейся на Тамбовщине, долго соблюдать «нейтралитет» и сохранять «независимость» таким селам не удавалось. Рано или поздно они вынуждены были делать выбор и становились на советскую или антоновскую сторону.

К сожалению, здесь приходится говорить о том, что тамбовские гражданские и военные власти в конце 1920 года не видели или не хотели видеть никакой разницы между «нейтральными» селами и теми, что активно поддерживали Антонова, считая и те и другие одинаково «злостнобандитскими», со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями.

Совершенно иную политику к «нейтральным» селам проводил Антонов и его агитаторы. Они старались действовать мирным путем, убеждением и пропагандой, используя при этом допущенные советскими органами и отрядами ошибки и перегибы, пытаясь склонить «нейтралов» на свою сторону. И это им нередко удавалось.

Судьбу типичных «нейтралов» можно проследить на примере большого села Архангельское (ныне Аннинского района Воронежской области) и нескольких других соседних сел и деревень западной части Борисоглебского уезда.

Поздней осенью 1920 года жители Архангельского создали у себя небольшой вооруженный отряд самообороны, предназначенный для охраны села от грабежей, насилия и разбоя со стороны расплодившихся в окрестностях бандитов, а также от произвола продотрядов. Вскоре к Архангельскому присоединилось соседнее село Ростоши, а затем и некоторые другие помельче. Их объединенный отряд самообороны возглавил 24-летний житель Ростошей Александр Козьмич Пастушков – красный командир, недавно пришедший в отпуск по ранению с фронта. Бывший матрос Балтийского флота, Пастушков с конца 1917 года сражался на стороне советской власти. Сначала – красногвардейцем против Каледина, затем – командиром отряда против донских белоказаков, а в 1919 году, проработав с месяц в Борисоглебской уездной ЧК, опять отправился воевать на фронты гражданской войны.

Так вот, если красные, не вникая ни в какие нюансы и действуя по принципу «кто не с нами – тот против нас», пытались лишь силой «раздавить архангельско-ростошинскую контру», то антоновцы, также имевшие поблизости от Архангельского достаточные военные силы, чтобы лишить «нейтралов» их «независимости», вели себя совершенно иначе.

В Архангельское и Ростоши зачастили видные антоновские командиры и политработники (будущие повстанческие комбриги Константин Андреевич Корешков и Павел Николаевич Чумичев, начальник политотдела 5-й бригады 1-й антоновской армии Абрам Абрамович Фролов и другие). Своей неустанной пропагандой и агитацией они добились-таки того, что «нейтралы» вскоре перешли на их сторону, став 14-м Архангельским полком¹ 5-й бригады антоновцев².

Если по отношению к «нейтральным» селам, в которые его иногда до обидного демонстративно не пускали деревенские бабы, начальник Главперштаба был довольно мягок, то к повстанческим командирам, выразившим порою недовольство тем, что он забирает в свои руки якобы слишком много власти, Антонов был достаточно суров.

Так, 26 ноября в селе Туголуково произошла ссора Антонова с командиром 1-го Каменского повстанческого полка Ефимом Ивановичем Казанковым, который пытался отстоять свое право на полную самостоятельность в управлении полком и в выборе для него боевых целей и задач. Антонов не признал за командиром полка такого права и обвинил Казанкова в партизанщине и анархизме. В ответ на такое оскорбление правоверный правый эсер Казанков, искренне считавший себя идейным борцом против коммунистов, заявил начальнику Главперштаба, что не подчиняется больше его приказам и отныне будет бороться с большевиками самостоятельно. Хлопнув дверью, Казанков покинул Туголуково, уведя за собой два эскадрона каменцев. В тот же день Антонов, знавший Казанкова чуть ли не с 1905 года, издал приказ об объявлении его вне закона и о разоружении ушедших с ним эскадронов. На свое счастье, быстро поняв, что «Шурка» (партийная кличка Антонова по дореволюционному эсеровскому подполью) шутить не намерен, Ефим Казанков уже через несколько дней явился к Антонову с повинной, получил по старой дружбе, прощение и даже был оставлен в должности командира 1-го Каменского повстанческого полка³.

* * *

Несмотря на массу встречавшихся трудностей, дела с созданием армии у Антонова успешно продвигались вперед, и мятеж разрастался с каждым днем. К 1 декабря 1920 года охваченная восстанием территория увеличилась, по сравнению с 10 сентября, ровно в 15 раз и составила почти 20 тысяч квадратных километров⁴.

В декабре активность повстанцев резко возросла, хотя случались у них и отдельные неудачи: например, в Борисоглебском уезде кавполк неистового Переведенцева дважды (4 декабря под Козловкой и 6 декабря в селе Кринуша) наступал и изрядно трепал отряд самого Антонова, захватив в этих боях свыше 150 пленных и отбив один пулемет⁵.

Однако, заметим, что других таких непобедимых частей, как кавполк Переведенцева, в распоряжении командующего войсками Тамбовской губернии практически не имелось. По боевым качествам с полком Переведенцева нельзя было сравнить даже остальную часть кавгруппы Бриммера⁶. А боеспособность и политическая надежность других советских отрядов (за исключением курсантских) была еще ниже.

13 декабря антоновцы захватили и за три часа совершенно разграбили железнодорожную станцию Инжавино, гарнизон которой (433 бойца при двух пулеметах) «не оказал никакого сопротивления, но постыдно бежал, оставив пулеметы, бросив по дороге патроны и винтовки». Эта фраза из приказа К. В. Редзько по войскам губернии завершалась так: «Подобно-

¹ В середине марта 1921 года, когда политика советской власти в отношении крестьянства резко изменилась (замена продразверстки продовольственным налогом, свобода торговли излишками и т. д.), а вместе с ней изменилась и тактика борьбы с антоновщиной, 14-й Архангельский повстанческий полк целиком, во главе с командиром, перешел на сторону советской власти (*РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 129, Л. 82, 82(об.)*).

² Там же, Д. 129, Л. 83.

³ Там же, Д. 8, Л. 44; Д. 3, Л. 28.

⁴ Там же, Оп. 2, Д. 483, Л. 29.

⁵ Там же, Оп. 5, Д. 75, Л. 54 - 56.

⁶ 11 декабря 1920 года вместо Бриммера командующим кавгруппой стал бывший комбриг Кубанской кавалерийской дивизии Варфоломей Иванович Дмитриенко (*РГВА. Ф. 235, Оп. 2, Д. 11, Л. 54*).

го проявления трусости и низости в рядах войск, сражающихся против бандитов, еще не было». В целях предотвращения таких случаев в будущем, Редзько пошел на крайность, приказав расстрелять 10 пулеметчиков Инжавинского гарнизона и еще 25 красноармейцев из числа «наибольших трусов». А к каждому пулемету командующий приказал прикрепить по одному надежному и обстрелянному коммунисту¹.

К середине декабря 1920 года на охваченной мятежом территории оставалось уже не более двух десятков небольших островков советской власти. Как правило, это были укрепленные и имевшие постоянные гарнизоны железнодорожные станции, сахарные заводы, а также несколько уцелевших до сих пор совхозов. Со второй половины декабря антоновцы все свои усилия направили именно на ликвидацию этих островков.

17 и 18 декабря мятежники дважды захватывали узловую станцию Иноковка (между Тамбовом и Кирсановом), где в их руки попал, кроме прочего, вагон с патронами. 17 декабря в селе Алешки Борисоглебского уезда отряд в 500 повстанцев под командованием бывшего прапорщика военного времени Ивана Макаровича Кузнецова обманом, под видом красноармейской кавалерийской части, захватил весь состав местного райревкома; 22 схваченных ревкомовца были выведены на огороды и зарублены. 18 декабря в деревне Чикаровка Борисоглебского уезда повстанцами был застигнут врасплох и полностью уничтожен отряд из двадцати милиционеров. В этот же день мятежники произвели налет на сахарный завод в Большой Грибановке, но были отбиты рабочей дружиной завода и вовремя подоспевшим ей на помощь отрядом 7^х Борисоглебских кавалерийских курсов².

18 декабря отряд мятежников под командованием бывшего конокрада Василия Федоровича Селянского захватил село Анастасьевское (Бондари) и разграбил находившийся здесь филиал фабрики по изготовлению шинельного сукна и валенок для Красной армии³. О случившемся каким-то образом стало известно В. И. Ленину, который немедленно отреагировал гневной запиской в адрес наркома внутренних дел и председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского:

«...Верх безобразия.

Предлагаю прозевавших это чекистов (и губисполкомщиков) Тамбовской губернии

1. отдать под военный суд,
2. строгий выговор объявить Корневу,
3. послать архиэнергичных людей тотчас,
4. дать по телеграфу нагоняй и инструкции»⁴.

Этой записке Ленина было суждено сыграть исключительно важную роль в деле перестройки всей борьбы с антоновщиной. Ибо только теперь в Москве по-настоящему обратили серьезное внимание на мятеж в Тамбовской губернии.

Нам неизвестно, объявил ли Дзержинский строгий выговор командующему внутренними войсками Василию Степановичу Корневу, как того требовал Ленин, но зато известно другое: 26 декабря Корнев с большой группой «архиэнергичных людей» находился уже в Тамбове и здесь, на месте, давал всем и вся «нагоняй и инструкции». А еще днем раньше тут же начала свою работу специальная «Комиссия по выяснению причин затяжного характера ликвидации повстанческого движения в Тамбовской губернии». Эту прибывшую из Москвы комиссию возглавлял заместитель председателя военного трибунала внутренних войск Петр Алексеевич Камерон.

В. С. Корнев, находившийся в Тамбове до 29 декабря, срочно вызвал сюда командующего войсками Орловского военного округа О. А. Скудре и приказал ему временно возглавить руководство операциями по подавлению крестьянских восстаний в Тамбовской и Воронежской⁵ губерниях⁶.

Утром 27 декабря Корнев провел совещание с партийно-советскими и военно-чекистскими руководителями подавления антоновщины. Собравшиеся пришли к выводу, что надо опять просить Москву о военной помощи. Но если раньше в просьбах Тамбова речь шла о не более чем батальоне пехоты и двух эскадронах кавалерии, то теперь запросили сразу 15 тысяч штыков, 3 тысячи сабель, две артиллерийские батареи и даже два аэроплана.

На совещании с кратким докладом о деятельности чекистов по борьбе с мятежом выступил председатель Тамбовской губ. ЧК П. П. Громов (сменивший на этом посту в октябре явно не справлявшегося со своими обязанностями Ф. К. Трасковича). Громов сообщил, что с начала мятежа губ. ЧК потеряла (по разным причинам) половину личного состава. Поэтому он попросил Корнева и других участников совещания поддержать его просьбу к ВЧК о присылке в Тамбов тридцати пяти опытных чекистов. А для того, чтобы губ. ЧК могла проводить свои собственные военно-чекистские операции, Громов попросил также о предоставлении в его распоряжение до тысячи надежных штыков⁷.

Спустя несколько часов после окончания этого заседания в Тамбове, Антонов лично повел четыре своих полка на штурм железнодорожной станции Инжавино. И несмотря на то, что после захвата этой станции 13 декабря ее гарнизон был значительно усилен, он опять не оказал достойного сопротивления и частью позорно бежал, а частью сдался в плен. В руки повстанцев попали орудие и несколько пулеметов. В эту же ночь здесь погибла вся (за исключением одного человека) выездная сессия губ. ЧК во главе с Артуром Вольдемаровичем Зегелем⁸.

Днем 28 декабря кавалерийский полк Н. А. Переведенцева, с которым мятежники до этого старались всячески избегать встреч, впервые подвергся открытой атаке повстанцев из отряда А. В. Богуславского у села Верхоценье Тамбовского уезда. И хотя атака антоновцев была отбита, кавполк Переведенцева впервые не вышел из боя явным победителем⁹.

Вечером 28 декабря командующий войсками Тамбовской губернии К. В. Редзько, уже знавший о позоре и трагедии в

¹ Там же, Оп. 2, Д. 11, Л. 51.

² Там же, Оп. 5, Д. 9, Л. 61 - 63; ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 19.

³ «Вопросы истории КПСС», № 2. 1978, С. 116; Центр документации новейшей истории Тамбовской области. Ф. 382, Оп. 1, Д. 214, Л. 71.

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 51, С. 310 - 311.

⁵ Имеется ввиду, что антоновцы постоянно проникали в соседнюю Воронежскую губернию, а также то, что еще не был окончательно ликвидирован повстанческий отряд И. С. Колесникова – военного руководителя антикоммунистического крестьянского восстания на юге Воронежской губернии.

⁶ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 9, 12.

⁷ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 3, Л. 46.

⁸ Там же, Л. 49; Пароль – мужество. Очерки о тамбовских чекистах (изд. 2-е, доп. и перераб.). Воронеж, 1986, С. 56.

⁹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 75, Л. 83.

Инжавино, а также о нападении повстанцев на кавполк Переведенцева и, кроме того, вконец издерганный разными комиссиями и проверяющими, собрался с духом и написал рапорт с просьбой освободить его от занимаемой должности, ссылаясь на уже традиционное «переутомление». Однако главной причиной «добровольной» отставки Редзько было то, что он ясно видел, как «отцы губернии», давая показания приехавшим из Москвы комиссиям, пытаются всю вину за неликвидацию восстания свалить на него и его предшественников, то есть исключительно на военных. Поэтому в своем рапорте, обосновывая невозможность дальнейшего пребывания на занимаемом посту, бывший гвардейский полковник Редзько с солдатской прямоотой написал: «Не хочу быть козлом отпущения»¹.

В полночь на 30 декабря К. В. Редзько сдал командование войсками Тамбовской губернии прибывшему из Орла О. А. Скудре. К этому времени командующий внутренними войсками В. С. Корнев и комиссия под председательством П. А. Камерона уже завершили свою работу в Тамбове и отбыли в Москву².

Надо сказать, что Корнев, Камерон, а затем и Скудре весьма неплохо разобрались в причинах возникновения антоновщины, а также в том, почему ее до сих пор не удалось подавить. Так, например, комиссия Камерона, вскрыв серьезнейшие недостатки и ошибки в деле борьбы с мятежом, допущенные партийно-советским руководством Тамбовщины, Военным советом, губ. ЧК, штабами войск губернии и внутренних войск, пришла к следующему заключению:

«Комиссия констатирует, что размеры повстанческого движения в Тамбовской губернии принимают катастрофический характер, для ликвидации которого необходимо принять следующие меры:

- §1. Оккупировать территорию Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского уездов путем наводнения и планового распределения вооруженной силы, предписав местным органам, по мере оккупации, удесятерить усилия по восстановлению Советской власти на местах и советских хозяйств, разрушенных бандитами.
- §2. Предоставить командованию необходимые кадры командного состава и дать вновь свежие части на повстанческий фронт, а также заменить износившиеся, небоеспособные части свежими.
- §3. Повести широкую политическую работу по выработанному плану, как в действующих частях, так и среди населения. Ввиду недостатка коммунистов (убито бандитами до 800 человек), просить ЦК партии командировать потребное для этой цели количество партийных работников.
- §4. Усилить аппарат губ. ЧК (выбыло убитыми до 40 %) путем переброски работников Центра.
- ...
- §8. Принимая во внимание тяжелые объективные условия Республики, мешавшие своевременно ликвидировать повстанчество в Тамбовской губернии, ограничиться немедленным проведением в жизнь практических мероприятий по ликвидации, предав ошибки лиц, виновных в затяжном характере ликвидации повстанчества, забвению.
- §9. Начать судебное следствие на предмет предания суду РВТЗ лиц, виновных:
 1. в недостаточном снабжении оперирующих частей патронами,
 2. в сдаче противнику целых частей, иногда без выстрела,
 3. в хаотическом состоянии снабжения действующих частей обмундированием»⁴.

Командующий войсками Орловского военного округа О. А. Скудре, временно возглавивший действующие против Антонова войска, сообщил в докладе Главнокомандующему всеми вооруженными силами Республики С. С. Каменеву, что к 30 декабря 1920 года в Тамбовской губернии имелось 13 крупных отрядов мятежников общей численностью 4 750 человек (из них 2 000 конных) плюс 5 – 8 тысяч человек, являющихся непостоянным составом этих отрядов. Вооружены повстанцы главным образом оружием, захваченным у советских отрядов и частей. «Наши потери в винтовках, – писал в своем докладе Главкому Скудре, – не подсчитывались, и количество определить точно нельзя, но приблизительно за 4 месяца действий фактически передано Антонову не менее 3 тысяч винтовок. Наши силы, действующие против Антонова, к 24 часам 29 декабря равнялись: штыков – 8 030, сабель – 1 672, орудий – 16, пулеметов – 114, что состоит всего из 34-х отдельных войсковых частей и 5-и боевых технических единиц. К 30 декабря упомянутые части занимали всего 17 отдельных пунктов в черте, охваченной восстанием».

Характеризуя деятельность командующего войсками Тамбовской губернии К. В. Редзько, О. А. Скудре писал, что Редзько все брал на себя, вплоть до командования ротами, сидя при этом в Тамбове. Военной разведки «нет совершенно», а «агентурной работы губ. ЧК мало чувствуется, связи между губ. ЧК и командованием нет».

Морально-политическое состояние и боеспособность войск Тамбовской губернии Скудре охарактеризовал так: «Политическая работа в действующих частях незаметна. Работа хозяйственных аппаратов частей до отказа слаба. Санитарная помощь в частях совершенно не налажена... Большинство из частей деморализованы и разложились до отказа. Мародерство, грабежи – обычное явление. Отмечаются даже случаи изнасилования женщин. Боеспособность частей очень слаба»⁵.

Стоит особо отметить, что Скудре, возглавивший с 30 декабря 1920 года войска Орловского военного округа, действующие против антоновцев в Тамбовской и против колесниковцев в Воронежской губерниях, в первых же своих приказах строго предупредил командиров и комиссаров красноармейских частей об особой осторожности в применении репрессивных мер и о недопущении при этом таких крайностей, как сожжение целых населенных пунктов. К местному населению, да и к самим повстанцам, Скудре требовал исключительно строго индивидуального подхода. В этом смысле Скудре даже призывал красноармейских политработников брать пример с повстанческих руководителей. Так, 31 декабря в приказе по войскам Скудре писал: «Мы имеем много примеров, когда в наших частях вместо политруков ведет злостную пропаганду агент повстанцев. Нельзя не отметить, что Антоновы и Колесниковы не ограничиваются лишь пропагандой, но также, действуя особыми примерами, морально разлагают наши части. Вместо повального террора и ужаса, которые нередко применяются нашими политическими несознательными частями не только к захваченным повстанцам, но и порой к мирному населению, наш противник со всей строгостью проводит грань между красноармейцами, коммунистами и командирами,

¹ Там же, Д. 6, Л. 921.

² Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 403, Л. 9, 12.

³ РВТ – Революционный военный трибунал.

⁴ Там же, Л. 11.

⁵ Там же, Л. 18.

между стреляющим и бросающим оружие. Расстреливая и разрубая на куски одних, великодушно распуская на все четыре стороны других, противник вносит больше вреда в наши ряды, чем десятки пулеметов в его руках»¹.

31 декабря 1920 года в Москве состоялось совещание по вопросу о ликвидации антоновщины. На этом совещании, проходившем под председательством Ф. Э. Дзержинского, присутствовали: Главком С. С. Каменев, командующий внутренними войсками В. С. Корнев, председатель Тамбовского губисполкома А. Г. Шлихтер и его заместитель В. Н. Мещеряков. Было решено немедленно начать стягивание к охваченному антоновщиной району значительных дополнительных сил внутренних войск, а также регулярной Красной армии. Для начала – не менее одной кавалерийской и одной стрелковой дивизий. Всех коммунистов мятежной части Тамбовщины постановили вооружить, для чего специально выделялась тысяча винтовок. Кроме того, совещание признало необходимым направить в Тамбовскую губернию группу опытных партийных работников, подбор которых взял на Ф. Э. Дзержинский. И, наконец, разрешился вопрос о назначении нового командующего войсками Тамбовской губернии. Выбор участников совещания остановился на Александре Васильевиче Павлове – начальнике Дивизии особого назначения, бывшем командующем 10^{-й} армией².

3 января 1921 года Антонов добился очередного успеха. В селе Керша, что в 35 километрах северо-восточнее Тамбова, его отряд захватил в плен около 500 обедавших красноармейцев, вместе с полевой кухней, одним орудием и тремя пулеметами³.

Страшный маховик антоновщины работал уже на высших, но еще далеко не на предельных оборотах.

6 января А. В. Павлов, наделенный в Москве правами командарма, вступил в командование войсками Тамбовской губернии⁴.

Как выяснят потом историки, в ходе ожесточенной борьбы на Тамбовщине начался второй, переломный период.

Глава 3. ПЕРЕЛОМ

Новый командующий войсками губернии Павлов и назначенный к нему 15 января начальником штаба Константин Петрович Небезин (бывший начальник штаба 3^{-й} армии), используя время, необходимое для переброски на Тамбовщину выделенных Москвой дополнительных частей внутренних войск и регулярной Красной армии, стали тщательно изучать сложившуюся здесь обстановку. Естественно, что Павлова и Небезина в первую очередь интересовали вооруженные силы тамбовских мятежников: их структура, численность, командный состав, вооружение и т. п.

Из перехваченных приказов антоновского Главоперштаба было установлено, что 18 января 1921 года произошло разделение единой прежде Партизанской армии Тамбовского края на две самостоятельные в оперативном отношении армии – 1^{-ю} и 2^{-ю}⁵.

В состав 1^{-й} армии вошли 10 регулярных (номерных) полков:

- 1^{-й} Каменский (командир полка – Тимофей Степанович Гавриков⁶)
- 2^{-й} Борисоглебский (командир полка – Александр Борисович Кулдошин)
- 5^{-й} Пановский (командир полка – Константин Иванович Баранов)
- 6^{-й} Савальский (командир полка – Андрей Миронович Каверин)
- 7^{-й} Тамбовский (командир полка – Яков Федорович Вислобоков)
- 10^{-й} Волчье-Карачанский (командир полка – Иван Макарович Кузнецов)
- 11^{-й} Павлодарский (командир полка – Петр Дмитриевич Боярский)
- 12^{-й} Токайский (командир полка – Константин Андреевич Корешков)
- 13^{-й} Битюгский (командир полка – Дмитрий Гаврилович Иванников)
- 14^{-й} Архангельский (командир полка – Александр Козьмич Пастушков)⁷.

Каждые два полка, происходившие из соседних местностей, сводились в бригаду. Один из командиров объединенных в бригаду полков выполнял одновременно и функции комбрига. Начальником штаба 1^{-й} антоновской армии стал бывший поручик Иван Архипович Губарев, а временно исполняющим должность командарма был назначен Дмитрий Михайлович Егорчев⁸.

2^{-я} партизанская армия Тамбовского края первоначально состояла всего из четырех полков:

- 3^{-й} Кирсановский (командир полка – И. Баурин)
- 4^{-й} Низовский (командир полка – Иван Алексеевич Востриков)
- 8^{-й} Пахотно-Угловский (командир полка – Василий Федорович Селянский)
- 9^{-й} Семеновский (командир полка – Григорий Васильевич Крутских)⁹.

До марта 1921 года 2^{-й} повстанческой армией командовал Петр Михайлович Токмаков.

Особо отметим, что в обеих армиях имелось также по одному кавалерийскому полку особого назначения. В 1^{-й} армии Особым полком командовал Михаил Антонович Канищев, а при штабе 2^{-й} армии (фактически это был Главоперштаб во

¹ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 31, Л. 1 - 3.

² Донков И. П. Указ. соч., С. 48, 49; РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 7.

³ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 3, Л. 56.

⁴ Там же, Д. 1, Л. 8.

⁵ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 90.

⁶ Первый командир Каменского полка Ефим Иванович Казанков 11 января 1921 года в бою с кавполком Переведенцева под селом Моисеево-Алабушка Борисоглебского уезда попал в безвыходную ситуацию и, не желая сдаваться в плен, застрелился (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 115, Л. 19).

⁷ Там же, Д. 121, Л. 73; Оп. 1, Д. 28, Л. 40.

⁸ Там же, Оп. 5, Д. 131, Л. 73; Д. 217, Л. 19(об.).

⁹ Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 291.

главе с самим Антоновым) неотлучно находился Особый полк под командованием бывшего штабс-капитана Павла Тимофеевича Эктова¹.

В начале 1921 года во всех антоновских полках были введены знаки различия. Для рядовых они состояли лишь в красных бантиках на головных уборах. А весь командный состав – от командиров отделений до командармов – кроме бантиков носил на левом рукаве, повыше локтя, красные нашивки в виде полосок, треугольников и ромбов. Все регулярные полки имели свои боевые знамена красного цвета, на которых было начертано полное наименование полка, а сверху – знаменитый эсеровский лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое».

Кроме регулярных и особых полков в обеих антоновских армиях имелись многочисленные вспомогательные отряды и подразделения: комендантские команды, «летучие отряды», отряды связистов, разведчиков и т. д. Например, отряд знаменитой Маруси² занимался в основном реквизицией у местного населения военного обмундирования и лекарственных средств³.

Общая численность обеих антоновских армий (вместе со вспомогательными подразделениями) в конце января 1921 года составляла примерно 10 тысяч человек. Но ими силы мятежников в Тамбовской губернии далеко не исчерпывались. Сюда нужно присовокупить и повстанцев, находившихся в распоряжении комитетов Союза трудового крестьянства, которых в середине января насчитывалось до 300. На охваченной восстанием территории комитеты СТК выполняли функции местных органов гражданской власти. Местности, в которых существовали комитеты СТК, назывались «организованными местностями». В своей работе местные комитеты СТК руководствовались инструкцией «Об организации районных, волостных и сельских комитетов и их обязанностях», утвержденной губернским съездом СТК 24 декабря 1920 года. По нашим подсчетам, для полного (согласно инструкции) укомплектования 300 комитетов СТК штатами требовалось не менее полутора тысяч человек.

Глава инструкции, определявшая перечень обязанностей местных комитетов СТК, содержала 12 пунктов. Вот наиболее важные из них:

«...»

2. Следить за передвижением красных войск...

3. Самовольно отлучившихся из отряда партизан задерживать и направлять в ближайшие отряды; в случае их сопротивления – обезоруживать и сообщать тем отрядам, из которого отлучился партизан.

4. Строго следить за грабежами, убийствами и пожарами. Замеченных при этом лиц задерживать и препровождать в суд как бандитов.

...

7. Строго преследовать лиц, занимающихся варкой самогона. Уличенных в этом предавать суду.

8. Ставить в известность красноармейцев, приехавших в отпуск, чтобы они не возвращались в свои части.

...

12. Не пропускать для продажи из восставшего района в другие местности лошадей и хлеб»⁴.

Бесспорно, что комитеты СТК сыграли большую роль в Антоновском восстании, довольно крепко держа в своих руках власть над «организованными местностями» и тем самым обеспечивая надежный тыл повстанческим армиям. Комитеты СТК не только вели среди населения агитацию в пользу Антонова, были «глазами и ушами» его армий, но и имели свои собственные вооруженные отряды. Правда, эти отряды, называвшиеся где «вохрой», где – «милицией», а где – «сельской самообороной», значительно уступали в численном и боевом отношении регулярным (номерным) антоновским полкам, не говоря уже о полках особого назначения, хотя, честно говоря, таким полком, оправдывавшим свое название, был лишь Особый полк (своего рода антоновская гвардия) при Главоперштабе. Но вот беда: оба его командира (с момента описываемых событий) оказались предателями.

Обзор лагеря повстанцев в момент наивысшего развития восстания (начало 1921 года) нельзя считать более или менее полным, если умолчать о порядках, установленных антоновцами в «организованных местностях», об их отношении к местному населению, к пленным бойцам и командирам Красной армии, к сельсоветчикам и деревенским коммунистам.

Наша историческая литература об антоновщине до последнего времени твердо придерживалась давно сложившегося стереотипа, что на занятой мятежниками территории царил только дикий, совершенно бессмысленный, никем и ничем неограниченный террор. Однако, думается, что многолетнее изучение автором этих строк сотен всевозможных архивных документов, проливающих свет на эту сторону Антоновского восстания, позволяет высказать здесь и свое мнение. Причем сразу надо оговориться, что это мнение существенно отличается от совсем еще недавно, так сказать, «общепринятого».

Например, автор не нашел в архивных документах подтверждения тому, что «целые села и деревни сжигались и разрушались» повстанцами, как это утверждает в своей книге «Антоновщина: замыслы и действительность» столичный историк И. П. Донков, правда, не называя при этом ни одного населенного пункта, сожженного или разрушенного (!) антоновцами⁵.

Также не подтверждаются архивными материалами повальные и безразборные убийства повстанцами деревенских

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 88, 90.

² Во время Антоновского восстания на Тамбовщине ходило много различных слухов и легенд о Марусе и ее отряде. Одни говорили, что это сама Мария Спиридонова – лидер партии левых эсеров и, кстати, уроженка города Тамбова, а другие – что это известная анархистка Мария Никифорова, которая в 1918 году со своим отрядом, якобы «сражавшимся» тогда против белых, была в здешних местах и проявила особую склонность к проведению реквизиций и наложению контрибуций. Некоторую ясность в крайне запутанный «вопрос о Марусе» внес в 1923 году участник борьбы с антоновщиной И. Е. Панкратов. В своих воспоминаниях, опубликованных в Тамбове, он подробно рассказал, как 22 апреля 1921 года им была арестована Маруся – Мария Михайловна Косова, эсерка и антоновская разведчица, происходившая родом из деревни Камбарщина Тамбовского уезда. Однако, на наш взгляд, в истории антоновщины была не одна Маруся, а как минимум три. И основное «бремя славы» принадлежит не Косовой, а другой Марусе, которая возглавляла у Антонова отдельный отряд, занимавшийся реквизициями, а затем и участвовавший в боях.

³ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 4, 19.

⁴ Там же, Ф. 7841, Оп. 1, Д. 122, Л. 5.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 31.

коммунистов и сельсоветчиков. Напротив, руководители восстания поступали в отношении этих лиц как раз очень разборчиво. Да, «твердокаменных» коммунистов повстанцы уничтожали безжалостно, выбирая, вдобавок, при этом для своих жертв смерть мучительную и ужасную. А вот неустойчивых, колеблющихся деревенских коммунистов и особенно сельсоветчиков, пользовавшихся авторитетом у крестьян, антоновцы, как правило, не убивали, а, наоборот, всячески зазывали (и принимали) в свои ряды, хотя ответственных должностей почти не доверяли¹. Напомним здесь еще раз, что к февралю 1921 года половина сельских коммунистов Кирсановского уезда оказалась на стороне Антонова.

На наш взгляд, этот поразительный в общем-то факт является весомым доказательством того, что руководители и идеологи восстания проводили свою карательную политику довольно обдуманно и очень разборчиво. В этом отношении весьма красноречив так называемый «Временный устав наказаний, подсудных армейским судам» – своего рода антоновский уголовный кодекс, который состоял из тридцати семи параграфов-статей, содержавших перечень проступков и преступлений, за которые полагались наказания трех видов: выговор, плети (от 8 до 50) и расстрел. Наиболее суров «Временный устав наказаний» был к повстанцам и местным жителям, уличенным в шпионаже, пропаганде коммунизма и укрывательстве коммунистов. Из тридцати семи статей шестнадцать содержали в себе такой вид наказания, как расстрел. Он полагался не только за перечисленные выше «военно-политические преступления», но и за некоторые чисто уголовные – грабеж с убийством, бандитизм и т. п.

*Штаб 2^й Партизанской армии, с. Кибяки Кирсановского уезда, зима 1920 – 1921 гг.
(слева направо: И. И. Башкарев, Митрофанович, А. С. Антонов, П. М. Токмаков, В. Ф. Селянский)*

Общеизвестно, что бичом антоновской, как, впрочем, и Красной армии был самогон. Поэтому неудивительно, что два параграфа «Временного устава наказаний» целиком посвящались борьбе с этим злом. Однако любопытно, что если за распитие самогона повстанцами предусматривался лишь выговор («убеждение») или разжалование в рядовые, то за изготовление самогона с целью дальнейшей его продажи повстанцам наказание было значительно суровее – от 15 плетей и до расстрела.

Беспощадно и только расстрелом каралась «выдача бойцов партизанского движения частными лицами красным». И, наконец, 37-й параграф предусматривал полный «рацион» плетей за «грубое обращение с пленными в организованных местностях со стороны жителей и самовольную расправу с ними»².

За все время антоновщины, а особенно в начале 1921 года, повстанцы нередко захватывали в плен большие группы (до 700 человек) красноармейцев. Каково же было обращение с ними в плену?

Как можно понять из сохранившихся архивных документов, то и здесь руководители восстания действовали по известному своей безотказностью принципу «разделяй и властвуй».

Всех пленных повстанцы разделяли на три основные категории: комиссары-коммунисты, командиры и рядовые бойцы³.

С пленными, относящимися к первой категории, разговор у повстанцев был коротким, а смерть этих людей – мучительной и долгой. С командирами Красной армии все происходило наоборот: разговор (допрос) – долгий, смерть – быстрая. Отношение же антоновцев к рядовым красноармейцам, как правило, нельзя назвать жестоким или бесчеловечным,

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 129, Л. 87.

² Казаков А. Указ. соч., С. 11 - 14.

³ Особую группу пленных составляли так называемые «интернационалисты» – латыши, мадьяры, китайцы и др., служившие, как правило, в карательных отрядах и принимавшие непосредственное участие в сожжении деревень и расстреле заложников. Один только факт: 22 декабря 1920 года карательный отряд латышских стрелков под командованием Петра Андреевича Альтова сжег в селах Никольское и Коптево Тамбовского уезда 230 домов мятежников и расстрелял 150 крестьян. Вынося таким «интернационалистам» исключительно смертные приговоры, антоновские суды обычно добавляли: «...и за вмешательство во внутренние дела России» (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 9, Л. 66).

хотя, конечно, случались совершенно дикие расправы и над ними. Но здесь мы говорим лишь о наиболее типичных случаях, имевших место во время наивысшего развития восстания в начале 1921 года. Так вот, обычно в антоновском плену красноармейцы находились не более двух-трех дней. Если вкратце, то «программа» их плена была следующей.

Сначала пленные бойцы попадали на допрос, а затем – на цикл лекций «о внутреннем положении», где опытные антоновские агитаторы-политработники рассказывали им о целях и причинах «всемирного восстания против насильников-коммунистов». После окончания лекций красноармейцам предлагалось добровольно вступать в ряды антоновских армий. Те же из пленных, кто не захотел стать антоновцем, направлялись в штаб повстанческого полка, где им выдавался так называемый «отпуск». Этот «отпуск» представлял из себя маленькую справку, в которой указывалось, что красноармеец такой-то, взятый в плен тогда-то, отпущен из плена такого-то числа, во столько-то часов. Обычно на справке ставился угловой штамп соответствующего повстанческого полка и имелись подписи командира полка, его заместителя и комиссара («политкома»). С «отпуском» на руках, красноармеец беспрепятственно возвращался в свою часть, где сдавал справку в штаб полка и после небольшого допроса, как правило, вновь получал оружие и становился в строй¹.

Таким обращением с пленными антоновцы серьезно ослабляли боевую устойчивость и политическую надежность красноармейских частей, внося раскол между командирами, комиссарами и коммунистами, с одной стороны, и беспартийной массой рядовых бойцов, с другой.

*Группа бойцов одного из полков Партизанской армии Тамбовского края
(зима 1920 – 1921 гг.)*

Большое значение руководители восстания придавали и проведению антикоммунистической пропаганды внутри частей Красной армии. Это достигалось засылкой туда своих агитаторов под видом добровольцев из местного населения, а также распространением среди красноармейцев различных листовок и воззваний. Вот типичный, с небольшими и несущественными сокращениями, образчик повстанческой пропаганды – «Воззвание к мобилизованным красноармейцам»:

Братья красноармейцы !

Комиссары-коммунисты послали вас усмирить нас, как они называют, бандитов... Но, дорогие братья, опомнитесь ! Голос русского народа, а не голос властителей и комиссаров зовет к вам. Опомнитесь ! Никаких бандитов, никаких разбойников нет, есть едино восставший страдалец русский народ. Голодный, холодный, измученный и разоренный вконец, загнанный комиссарской властью в тупик, – он не вынес гнета палачей-коммунистов, и разъяренный зверь поднялся с русским огромным кулаком на своих угнетателей, но не на вас и, тем более, не на тружеников-землепашцев (это было бы ужасно), а на действительных врагов наших, врагов всего русского народа – кровожадных коммунистов. Пора перестать верить им, обманщикам... Идите к нам, нас не мало, нас много, нас – весь восставший родной вам народ. Идите общими силами строить с нами хорошую жизнь².

И хотя своей основной удар пропаганда повстанцев направляла на подрыв единства личного состава красноармейских

¹ См. напр.: РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 136, Л. 17, 17(об.).

² Там же, Оп. 1, Д. 29, Л. 2.

частей, не забывали идеологи антоновщины и о местном населении. Так, например, в одном из обращений к населению «организованных местностей» повстанцы, взывая о помощи и разъясняя, что они сражаются исключительно за лучшую долю крестьянина-хлебороба, писали:

«...Поэтому мы, партизаны, слезно просим население оказывать нам всякую помощь, какая может встретиться... Да поможет нам всемогущий Бог одолеть врага и установить власть, которая бы правила нами во благо ныне плачущего и угнетенного русского народа, а не одних коммунистов и пархатых жидов»¹.

Среди архивных документов об Антоновском восстании встречаются, хотя и довольно редко, пропагандистские воззвания к рабочим, которых повстанцы призывали быстрее присоединиться к восставшему крестьянству – «и победа обеспечена». Кстати, в архивах имеются достоверные сведения о серьезных успехах антоновской пропаганды среди текстильщиков Рассказово и железнодорожников узловой станции Ртищево, что в Саратовской губернии².

Одним словом, агитация и пропаганда у тамбовских повстанцев была поставлена на довольно широкую ногу. И любопытно, что наиболее плодотворным по части составления всевозможных повстанческих листовок и воззваний был младший брат руководителя восстания – Дмитрий Антонов. Причем Дмитрий Степанович писал не только прозой, но и стихами (правда, весьма посредственными; такие в народе называют «нескладухой»), гордо подписываясь псевдонимом «Молодой Лев».

* * *

В январе 1921 года, когда войска Тамбовской губернии возглавил А. В. Павлов, его противник представлял собой весьма внушительную и грозную – из-за поддержки значительной части тамбовского крестьянства³ – силу. Новый командующий свою практическую деятельность начал с того, что поделил охваченную мятежом территорию трех уездов (Тамбовского, Кирсановского и Борисоглебского) на 4 части – так называемые «боевые участки». Во главе боевых участков были поставлены начальники, при которых создавались штабы. Штаб 1^{-го} боевого участка расположился в Кирсанове. Штаб 2^{-го} боевого участка не имел постоянного места расквартирования и перемещался, в зависимости от обстановки, по южной половине Тамбовского уезда, от села Новосельцево на западе до Рассказово на востоке. Штаб 3^{-го} боевого участка разместился на станции Жердевка, а штаб 4^{-го} – в городе Борисоглебске⁴.

11 января А. В. Павлов доложил Главкому Республики С. С. Каменеву, что антоновцы на захваченной ими территории уже создают свои органы гражданской власти и усиленно формируют новые повстанческие полки, а, по данным разведки, дней через десять собираются предпринять крупные военные акции. Примерно к этому же сроку, сообщал Павлов, должно завершиться прибытие выделенных Центром частей Красной армии и их выход на исходные рубежи для нанесения решительного удара по главным силам мятежников⁵.

Однако к намеченному сроку Павлову не удалось полностью сосредоточить свои силы в назначенных пунктах, так как повстанцы резко активизировали операции на железных дорогах, по которым перебрасывались войска. Особую активность мятежники проявили на железнодорожной ветке Грязи – Поворино, по которой из-под Брянска в район Балашова следовали эшелоны 15^{-й} Сибирской кавалерийской дивизии. Именно на эту дивизию возлагал основные свои надежды командующий войсками Тамбовской губернии А. В. Павлов.

Начдив-15 (Александр Григорьевич Голиков) со своим штабом прибыл в Балашов вовремя. А вот полки его дивизии сильно задерживались. Например, 2^{-й} кавалерийский полк дивизии надолго застрял у станции Жердевка из-за того, что впереди антоновцы постоянно разбирали или разрушали железнодорожные пути. К тому же вскоре выяснилось, что 15^{-я} Сибирская кавалерийская дивизия прибывает полувооруженной и полураздетой: едва сойдя с поезда в Балашове, ее начдив Голиков обратился к Павлову с просьбой выделить дивизии 1 831 винтовку и для начала хотя бы 50 тысяч патронов⁶.

Весь январь 1921 года на мятежной Тамбовщине шли ожесточенные бои. Причем наступательной стороной чаще были антоновцы. Вот далеко не полная хроника их действий с 5 по 23 января лишь на железнодорожной ветке Грязи – Поворино, а вернее, на том ее стокилометровом участке, что между Борисоглебском и станцией Мордово (ныне ст. Оборона).

5 января. Налет антоновцев на станцию Волконская (ныне Народная). Нападение удалось отбить лишь благодаря сильному артиллерийско-пулеметному огню подоспевшего на помощь защитникам станции бронепоезда № 121⁷.

7 января. Семичасовой штурм повстанцами станции Токаревка. Все атаки мятежников отражены гарнизоном станции и местным коммунистическим отрядом под командованием Ивана Ивановича Машкова⁸.

10 января. Антоновцами взята станция Рымарево, что в 15 километрах северо-западнее Жердевки. Вышедшая на помощь из Токаревки бронелетучка транспортной ЧК, пройдя всего три километра, попала в подстроенную повстанцами аварию (сошли с пути контрольные платформы) и вернулась обратно⁹.

12 января. Под Жердевкой антоновцы устроили крушение еще одной бронелетучки, которая, оставив в поле сошедшие с рельсов контрольную платформу и один броневagon, возвратилась в Жердевку. В этот же день повстанцы четырежды пытались захватить оставленный броневagon, но были отбиты огнем находившейся в нем команды¹⁰.

20 января. Крупные силы повстанцев во главе с самим Антоновым окружили в семи километрах от Жердевки сводный красноармейский отряд в 160 штыков и 60 сабель при трех пулеметах под командованием начальника 3^{-го}

¹ Там же, Л. 3.

² Там же, Л. 7; Ф. 7, Оп. 2, Д. 505, Л. 80.

³ По данным борисоглебских чекистов, к 1 января 1921 года в занятой повстанцами части Борисоглебского уезда (27 волостей из 33-х) 80 процентов населения симпатизировало Антонову (ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 54).

⁴ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 89.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 51.

⁶ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 865, Л. 80(об.).

⁷ Там же, Оп. 1, Д. 29, Л. 46.

⁸ Антоновщина... С. 104, 105.

⁹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 86, Л. 35, 51(об.).

¹⁰ Там же, Д. 115, Л. 25.

боевого участка Кузнецова. На предложение Антонова сдаться без боя Кузнецов ответил отказом, и его отряд, заняв круговую оборону, начал отбиваться, очевидно, надеясь на скорую помощь извне.

Дело в том, что этот неравный бой происходил недалеко от линии железной дороги, буквально на виду у застрявших перед Жердевкой эшелонов 2^{-го} кавполка 15^{-й} Сибирской кавалерийской дивизии. Увидев, что какой-то отряд красных попал в тяжелое положение, бойцы полка сами, без команды, руководствуясь лишь чувством войскового товарищества, стали быстро выводить из вагонов лошадей, и через несколько минут полк построился, чтобы немедленно броситься на выручку погибающему на глазах отряду Кузнецова. Однако командир полка атаку отменил, заявив опешившим бойцам, что не может вести их в бой, не получив на это разрешение штаба дивизии. Пока комполка ездил на станцию Жердевка и оттуда связывался со штабом дивизии в Балашове, узнавал, как ему поступить, отряд Кузнецова на две трети был уже перебит, а одна треть попала в плен. Сам же Кузнецов с небольшой группой всадников пошел на прорыв. Спасти удалось лишь двоим: израненному Кузнецову¹ и одному красноармейцу².

Узнав о случившемся под Жердевкой, командующий войсками Тамбовской губернии Павлов имел очень резкий разговор по прямому проводу с начдивом-15 Голиковым, от которого потребовал сурово наказать командира полка, не оказавшего помощь отряду Кузнецова³.

23 января. У входной стрелки на станцию Рымареве антоновцы наглухо «посадили на мель» бронепоезд № 121. Всего на борту бронепоезда, кроме его командира Новицкого, находились лишь 38 человек, включая двух паровозных машинистов и одного смазчика колес. Все попытки красноармейских частей, поддерживаемых бронепоездом № 1 (со стороны Жердевки) и бронелетучкой № 2 (со стороны Токаревки), деблокировать осажденный бронепоезд Новицкого результатов не принесли, хотя операция по деблокаде находилась под личным контролем Главкома С. С. Каменева. А через неделю в своих переговорах по прямому проводу красные военачальники старались уже не упоминать о бронепоезде № 121, считая его экипаж погибшим⁴.

Но осажденный бронепоезд жил и сражался. В приказе № 236 Реввоенсовета Республики от 23 августа 1921 года о награждении бронепоезда № 121 Почетным революционным Красным знаменем говорится: «Бронепоезд № 121 ... с 23 января по 4 февраля 1921 года, будучи отрезан с обеих сторон вследствие порчи железнодорожного пути, на предложение окруживших его антоновцев капитулировать ответил сильнейшим огнем по противнику. В последующий период боя герои-красноармейцы, несмотря на сильный обстрел со стороны противника, исправили железнодорожное полотно, причем их работа обеспечивалась огнем бронепоезда, в котором принял личное живое участие и комсостав последнего. После исправления пути бронепоезд прибыл в неповрежденном виде на ст. Борисоглебск»⁵. Бронепоезд № 121 стал шестым (и последним) в истории гражданской войны бронепоездом, удостоенным столь высокой награды. Но еще до появления процитированного выше приказа Реввоенсовета Республики, 27 мая 1921 года командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский (сменивший к этому времени А. В. Павлова) подписал приказ о награждении орденами Красного Знамени всех тридцати девяти членов команды героического бронепоезда № 121⁶.

Но вернемся вновь к событиям, происходившим на мятежной Тамбовщине 23 января 1921 года. В этот день повстанцы продемонстрировали сразу в нескольких местах такую силу, какую ни до этого, ни после не показывали.

Утром 23 января они захватили большое село Уварово – один из последних сельских островков советской власти в Борисоглебском уезде⁷.

В середине дня у сел Сампур и Верхоценье Тамбовского уезда произошел многочасовой упорный бой пяти антоновских полков с кавгруппой Дмитриенко (1^{-й} и 2^{-й} кавалерийские полки под командованием Переведенцева и Курникова), пехотной красноармейской частью и бронепоездом № 122. Об особой жесточности этого боя красноречиво свидетельствует такой факт: 1^{-й} кавполк Переведенцева, позже других вступивший в бой, за два часа потерял убитыми и ранеными до пятидесяти процентов людей и лошадей⁸ и на три дня совершенно вышел из строя, чем вызвал резкое недовольство самого Главкома С. С. Каменева⁹.

Вечером 23 января 250 конных повстанцев в первый (и последний) раз за всю историю антоновщины сделали попытку налета на Борисоглебск. Но заранее предупрежденный разведкой городской гарнизон без особого труда отбил налет¹⁰.

И, наконец, поздно вечером 23 января около тысячи повстанцев штурмом взяли неприступную до сих пор станцию Токаревка¹¹.

Одним словом, Антонов опередил командующего войсками губернии с нанесением удара. В результате военных акций, предпринятых тамбовскими повстанцами 23 января, надолго замерло движение поездов на двух железнодорожных ветках: Грязи – Поворино и Тамбов – Балашов.

¹ После гибели отряда Кузнецова штаб 3^{-го} боевого участка был заново создан на станции Мордово, куда в конце января прибыла 30^{-я} стрелковая бригада, командир которой (В. П. Сомов) и стал начальником 3^{-го} боеучастка войск Тамбовской губернии (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 115, Л. 316).

² Там же, Л. 40.

³ Там же, Д. 86, Л. 165, 166.

⁴ Там же, Д. 115, Л. 49; ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 4.

⁵ Боевые подвиги частей Красной Армии (1918 – 1922 гг.). Сборник документов. М., 1957, С. 152.

⁶ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 4.

⁷ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 86, Л. 249.

⁸ По состоянию на 12 января 1921 года кавполк Переведенцева насчитывал 525 строевых сабель (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 86, Л. 68(об.)).

⁹ Там же, Л. 284; Д. 115, Л. 47; Ф. 7, Оп. 2, Д. 491, Л. 25, 25(об.).

¹⁰ ГАВО. Ф. Р-521, Оп. 1, Д. 426, Л. 5.

¹¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 86, Л. 250, 251.

В последних числах января, закончив, наконец, сосредоточение своих войск, Павлов начал широкомасштабную операцию по прочесыванию всей охваченной мятежом территории с целью обнаружения и уничтожения главных сил Антонова. Кроме ранее имевшихся частей, в операции участвовали: 15^{-я} Сибирская кавалерийская дивизия (с востока), 14^{-я} отдельная кавбригада (с юга), 30^{-я} бригада 10^{-й} стрелковой дивизии (с запада) и бригада 26^{-й} стрелковой дивизии (с севера). Однако мощный удар советских войск пришелся в основном в пустоту. Это объяснялось как неслаженностью в действиях красноармейских частей, так и тем, что антоновцы при наступлении противника рассеивались на время, а затем вновь собирались в заранее условленных местах и наносили внезапные и потому весьма болезненные удары по тыловым подразделениям красных.

7 февраля командующий войсками губернии Павлов начал новую операцию прочесывания, которая также не принесла ожидаемых результатов.

А тем временем восстание на Тамбовщине разгоралось все сильнее, и «антонов огонь» постепенно перекидывался в пограничные уезды соседних губерний – Пензенской, Саратовской и особенно – Воронежской. В начале февраля накал вооруженного противоборства на Тамбовщине достиг своего апогея.

Несмотря на привлечение значительных сил регулярной Красной армии, сломить сопротивление плохо вооруженных тамбовских повстанцев никак не удавалось. Красноармейские части, еще совсем недавно исключительно храбро сражавшиеся против Врангеля или белополяков, едва прибыв на Тамбовщину, быстро теряли свой боевой дух и действовали крайне вяло и нерешительно. В частях процветало дезертирство. Только за два месяца – январь и февраль 1921 года – из войск Тамбовской губернии дезертировали 8 362 человека¹.

11 февраля в своем докладе Главкому РСФСР С. С. Каменеву командующий войсками Тамбовской губернии А. В. Павлов назвал главной, по его мнению, причину того, что антоновщина до сих пор не поддается ликвидации. «В Тамбовской губернии не бандитизм, – писал в докладе Павлов, – а крестьянское восстание, захватившее широкие слои крестьянства»².

* * *

Все большему числу ответственных работников в Тамбове и Москве становилось ясным, что одними военными мерами антоновщину не ликвидировать.

Еще 12 января 1921 года пленум ЦК РКП(б), в работе которого участвовал и В. И. Ленин, обсудил вопрос о настроении крестьянства и создал две специальные комиссии. Одной из них было поручено «спешно подготовить меры военной ликвидации бандитизма», а другой – в течение двух недель «обсудить возможные меры быстрого облегчения положения крестьян»³.

27 января приступила к работе и Центральная межведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом. В ее состав вошли представители ЦК РКП(б), Совета Труда и Оборона, Реввоенсовета Республики, ВЧК, Наркомата путей сообщения и Главного командования Красной армии. Первоначально эту комиссию возглавлял Ф. Э. Дзержинский, а с 20 февраля – заместитель председателя Реввоенсовета Республики Эфраим Маркович Склянский⁴.

С 25 по 28 января в Тамбове проходила очередная X-я губернская партийная конференция, на которой с докладом о военном положении губернии выступил А. В. Павлов. Копия его доклада была немедленно направлена В. И. Ленину, все пристальнее следившему за ходом борьбы с антоновщиной. Во время партконференции в Тамбове находились такие видные деятели РКП(б), как Николай Иванович Бухарин, Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия Розенфельд) и Анатолий Васильевич Луначарский. Все они, каждый по-своему, информировали Ленина о положении в Тамбовской губернии⁵.

29 января Ленин дал письменное приказание Склянскому еженедельно докладывать ему о ходе ликвидации восстания на Тамбовщине⁶.

2 февраля Ленину был направлен доклад командования внутренних войск об их участии в подавлении Антоновского мятежа. В этот же день на заседании Политбюро ЦК РКП(б), в присутствии В. И. Ленина, был заслушан доклад только что вернувшегося из Тамбова Н. И. Бухарина. 4 февраля секретарь ЦК РКП(б) Николай Николаевич Крестинский сообщил телеграммой Тамбовскому губкому партии, что, обсудив доклад Бухарина о положении дел в Тамбовской губернии, ЦК постановил командировать туда двести опытных партийных работников во главе с В. А. Антоновым-Овсеенко⁷.

В начале февраля В. И. Ленин чрезвычайно обеспокоился усилением политического бандитизма и крестьянских восстаний в стране. При этом особое, первостепенное значение он придавал необходимости скорейшего разгрома антоновщины и ликвидации отрядов знаменитого Нестора Ивановича Махно, которые, двигаясь из глубины Украины, в самом конце января появились в юго-западной части Воронежской губернии. Главное командование Красной армии всерьез предполагало, что выдыхающийся из сил Махно идет на соединение с Антоновым или, по крайней мере, с Колесниковым⁸, который с полутысячным отрядом всадников вновь объявился на юге Воронежской губернии и 2 февраля едва не взял налетом уездный город Богучар⁹.

В записке, адресованной заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянскому, В. И. Ленин писал: «Надо ежедневно в хвост и в гриву гнать (и бить и драть) Главкома и Фрунзе, чтобы **добили и поймали** Антонова и Махно»¹⁰.

Главком С. С. Каменев и командующий войсками Украины и Крыма Михаил Васильевич Фрунзе прилагали, казалось

¹ Там же, Оп. 1, Д. 8, Л. 34.

² Там же, Оп. 5, Д. 122, Л. 64.

³ «Вопросы истории КПСС», № 12. 1963, С. 35.

⁴ Трифионов И. Я. Указ. соч., С. 210, 211.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 52.

⁶ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 31, Л. 58.

⁷ Вслед за ленинской строкой. Воронеж, 1967, С. 93.

⁸ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 110, Л. 4 - 7.

⁹ ГАВО. Ф. Р-529, Оп. 1, Д. 426, Л. 34(об.).

¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52, С. 42.

бы, максимум усилий, чтобы в ближайшие же дни покончить хотя бы с более слабым противником – Махно. На «хвосте» у отряда Махно буквально повис красноармейский сводный корпус под командованием Владимира Степановича Нестеровича (1 800 штыков и 1 100 сабель при 70 пулеметах и 12 орудиях)¹, а движение махновцев на северо-восток отчаянно стопорили до десяти советских бронепоездов под общим командованием Харина².

Однако, дойдя почти до Алексеевки (ныне райцентр Белгородской области), Махно резко повернул на юг, в сторону Луганска. Несколько раз красноармейские части плотным кольцом окружали махновский отряд, а отдельные бронепоезда выпускали по нему до тысячи снарядов в день. Но Махно всякий раз удавалось избежать неминуемого вроде бы разгрома и вырваться из очередного кольца. Мало того, 5 февраля, в двадцати километрах севернее Луганска, махновцы умудрились даже разгромить кавалерийскую бригаду красных³.

Очевидно, о всех этих неудачах стало известно Ленину, который 6 февраля писал Склянскому:

«Наше военное командование позорно провалилось, выпустив Махно (несмотря на гигантский перевес сил и строгие приказы поймать), и теперь еще более позорно проваливается, не умея раздавить горсток бандитов.

...И хлеб и дрова, все гибнет из-за банд, а мы имеем миллионную армию. Надо подтянуть Главкома из всех сил»⁴.

8 февраля, во время заседания Политбюро ЦК РКП(б), на котором обсуждались вопросы предстоящей посевной кампании, положении крестьянства, о бандитизме и другие, Ленин написал «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян», суть которого заключалась в следующем:

« 1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене продразверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.

2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой»⁵.

Этот ленинский «черновой набросок» явился первым документом, определявшим новую экономическую основу отношений между рабочим классом и крестьянством и намечавшим конкретный путь перехода от политики «военного коммунизма» к так называемой «новой экономической политике», или НЭПу. Именно этот документ был позднее заложен в основу проекта решения о замене продразверстки натуральным налогом, принятого X-м съездом партии коммунистов 15 марта 1921 года.

Однако здесь следует сказать и о том, что об отмене продразверстки думали не только в Москве. Этот вопрос яростно обсуждался в Тамбове еще в конце января, в присутствии Н. И. Бухарина. А 2 февраля вернувшийся в Москву Бухарин сделал на заседании Политбюро доклад о положении в Тамбовской губернии. Позднее (в июле) Ленин назовет доклад Бухарина «паникерством», ну а пока, очевидно, он так не думал. Ибо уже 5 февраля, выполняя директиву Политбюро ЦК РКП(б), нарком продовольствия Александр Дмитриевич Цюрупа отдал распоряжение о прекращении взимания продразверстки в Тамбовской губернии⁶.

9 февраля тамбовские губком партии и губисполком в специальном обращении к крестьянам губернии писали, что они «с великой радостью приняли это распоряжение Народного Комиссариата по продовольствию, и сейчас по всей губернии сделаны распоряжения уездным продкомиссариатам немедленно по получении сообщения прекратить собиранье хлебной разверстки и снять все продотряды»⁷.

Как же могло случиться, что тамбовские власти вдруг «с великой радостью» встретили отмену продразверстки? Ведь, как известно, раньше они и слышать не хотели не только об отмене продразверстки, но даже и об уменьшении ее объема.

Дело здесь в том, что в конце января 1921 года во главе Тамбовского губкома РКП(б) встал Николай Михайлович Немцов, который и явился главным «зачинщиком» отмены продразверстки в губернии. Губисполком же, пока его возглавлял А. Г. Шлихтер, был резко против «капитулянтской линии» губкома и его нового секретаря Н. М. Немцова, считавшего, что для того, «чтобы искоренить бандитизм в корне – надо снять со всей губернии продразверстку»⁸. По этому поводу между руководством губкома партии и губисполкома произошло великое столкновение, закончившееся в итоге победой губкома (А. Г. Шлихтера вскоре переизбрали, и новым председателем губисполкома стал Андрей Сергеевич Лавров – сторонник Н. М. Немцова). Конфронтация тамбовских руководителей, усугублявшаяся к тому же острой личной неприязнью, всерьез озадачила командующего войсками губернии А. В. Павлова, который 10 февраля вынужден был даже обратиться за советом к Главкому С. С. Каменеву:

«В Тамбове такая склока идет между партией и губисполкомом, что скоро мне придется применять к ним какие-нибудь исключительные меры. Товарищ Шлихтер был у меня и умолял спасти положение вещей, спасти партию. Подавление восстания возможно при дружной работе партии, а этого здесь нет. Такое мнение имеют и Луначарский, и Каменев, с которыми я говорил. Поэтому ... прошу Вашего совета: не нужно ли наложить на них твердую военную руку путем создания реввоенсовета, при условии, чтобы членами такового были назначены тот же Шлихтер и Мещеряков, которых Вы знаете, и с которыми я бы мог продуктивно, без трений работать. Повторяю, положение очень серьезно»⁹.

Главком пообещал Павлову переговорить на эту тему со Склянским. Склянский же все рассказал Ленину, а тот дал указание внести, не мешкая, вопрос о распре тамбовских руководителей в Оргбюро или Политбюро ЦК РКП(б) и договориться с секретарем ЦК Н. Н. Крестинским «о **немедленных** мерах устранения склоки»¹⁰.

В пожарном порядке вызванный в Москву секретарь Тамбовского губкома партии Н. М. Немцов 14 февраля имел два-

¹ Рыбаков М. Действия летучего корпуса тов. Нестеровича \ \ Сборник трудов Военно-научного общества при Военной академии. М., 1923, Кн. 4, С. 106.

² ГАВО. Ф. Р-529, Оп. 1, Д. 425, Л. 62 - 64.

³ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 107, Л. 7(об.).

⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52, С. 67.

⁵ Там же, Т. 42, С. 333.

⁶ «Неделя», № 44. 1989, С. 11.

⁷ Советы Тамбовской губернии в годы Гражданской войны 1918 – 1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989, С. 299 - 301.

⁸ Донков И. П. Указ. соч., С. 56.

⁹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 110, Л. 36.

¹⁰ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, С. 41, 42; Ленинский сборник XXXVIII. С. 331.

дцатиминутную беседу с В. И. Лениным. А через день вопрос о Немцове рассматривался уже на заседании Политбюро ЦК РКП(б)¹. Результатом этого рассмотрения было то, что спустя несколько дней Тамбовский губком партии возглавил новый секретарь – Борис Афанасьевич Васильев (настоящая фамилия Гольберг).

Вечером 14 февраля на встречу с В. И. Лениным в Кремль пришли (вместе с Н. М. Немцовым, заведующим земельным отделом Тамбовского губисполкома М. Ф. Беляковым и бывшим командующим войсками Тамбовской губернии К. В. Редзько) пять тамбовских крестьян – пленных антоновцев: В. П. Бочаров, И. А. Кобзев, И. Г. Милосердов, Ф. Я. Панфилов и М. Е. Соломатин. Об организации такой встречи Ленин просил еще в декабре 1920 года, когда беседовал с делегацией Тамбовской губернии на VIII-м Всероссийском съезде Советов. Бывшие мятежники – два бедняка, два середняка и один кулак, поговорив полчаса с Лениным, переменялись настолько, что, как писал позднее секретарь Тамбовского губкома партии Б. А. Васильев, приехали обратно «яркими защитниками Советской власти»².

27 февраля в первом номере крестьянской газеты «Тамбовский пахарь» был опубликован рассказ вернувшихся из Москвы крестьян. Этот простодушный рассказ, называвшийся «Что сказал товарищ Ленин крестьянам Тамбовской губернии», вскоре был переиздан большим тиражом в виде отдельной листовки и, разумеется, сыграл свою роль в борьбе с мятежом.

Однако решающую роль в деле ликвидации антоновщины сыграла, бесспорно, отмена продразверстки. Тем самым из мятежа был вынут главный, экономический стержень, после чего противоречия основной массы тамбовского крестьянства с советской властью оказались сведены до минимума.

С отменой продразверстки на Тамбовщине, а особенно, когда через сорок дней она была отменена по всей стране (тамбовские повстанцы серьезно и не без оснований подозревали, что как только они прекратят борьбу, то ненавистная им система продразверстки в губернии будет немедленно восстановлена), Антоновский мятеж заметно пошел на спад. Подавляющему большинству тамбовских повстанцев воевать, по существу, было уже не за что. И это обстоятельство, конечно, не могло не сказаться самым отрицательным образом на активности и боеспособности повстанческих армий. С нескрываемой горечью начальник штаба «I^{-й} партизанской армии Тамбовского края» Иван Архипович Губарев писал в приказе по армии 20 февраля 1921 года:

«После великих усилий в течение всего периода борьбы с насильниками народными ... замечается, что среди партизанских отрядов начинает слабеть боевой дух, усиливается шкурничество и постыдная трусость. Нет в рядах партизан того храброго духа, который в первые времена окрылял партизанские сердца и вел их вперед и уничтожал на пути все препятствия. Нет тех храбрецов-революционеров, которые в августе и сентябре вышли первыми борцами на открытую, честную борьбу, не знали отступлений, наводили ужас на коммунистические банды и одерживали победу за победой. Эти люди почему-то ушли из полков партизанской армии и в большинстве находятся в разных тыловых учреждениях. Оставшиеся храбрецы затерялись между массой шкурников...»³.

Теперь, после отмены продразверстки, когда антоновщине был нанесен сокрушительной силы экономический удар, для достижения полной победы коммунистам предстояло нанести еще два удара: идеологический и военный. А для координации всей борьбы с антоновщиной советское правительство решило создать так называемую «Полномочную комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии». Председателем этой комиссии, по предложению Ленина, был назначен видный государственный, партийный и военный деятель Владимир Александрович Антонов-Овсеенко.

16 февраля, наделенный в Москве чрезвычайными полномочиями, Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, где сразу же развил исключительно активную деятельность. В первую очередь, он твердой рукой навел порядок в рядах губернской парторганизации, созвав для этого XI-ю внеочередную чрезвычайную губернскую партийную конференцию, которая и состоялась 2 – 3 марта.

К этому времени Антонов-Овсеенко уже сформировал Полномочную комиссию ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии из пяти человек. Это были: ее председатель В. А. Антонов-Овсеенко, секретарь губкома партии Б. А. Васильев, председатель губисполкома А. С. Лавров, командующий войсками губернии А. В. Павлов и начальник политотдела войск Тамбовской губернии А. И. Жабин. Полномочная комиссия ВЦИК сосредоточила в своих руках фактически всю полноту власти на мятежной Тамбовщине⁴.

Во второй половине февраля произошла смена руководства и в Тамбовской губ. ЧК. Ее новым председателем стал присланный из Москвы Михаил Давыдович Антонов (настоящая фамилия Герман). Картина, которую он застал в губ. ЧК, была безотрадней. Поэтому 28 февраля М. Д. Антонов, В. А. Антонов-Овсеенко, Б. А. Васильев и А. В. Павлов телеграфировали в Москву секретарю ЦК РКП(б) Н. Н. Крестинскому:

«Сообщаем: губ. ЧК сейчас совершенно недееспособна и ненадежна. Мобилизация местных сил не поможет. Просим немедленно командировать ... в распоряжение предгубчека полный состав губ. ЧК, подобранный из испытанных работников»⁵.

ВЧК оказала Тамбову большую помощь чекистскими кадрами. В частности, начальником Особого отдела штаба войск Тамбовской губернии был прислан опытный чекист Г. Н. Чибисов, а уполномоченным ВЧК по Тамбовской губернии – Я. Б. Левин. В результате предпринятых мер Тамбовская губ. ЧК заметно активизировалась и вскоре провела (совместно с ВЧК и воронежскими чекистами) ряд успешных операций.

Под руководством Полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии была проведена довольно эффективная по воздействию и просто гигантская по размерам политико-агитационная работа среди красноармейцев, местного населения и самих мятежников. Но все же, несмотря на крупномасштабность идеологических мероприятий в мятежных уездах, ни о каком прочном или даже сколько-нибудь продолжительном восстановлении низовых органов советской власти здесь не могло быть и речи, пока существовали повстанческие полки и армия. А они весной 1921 года представляли из себя еще весьма серьезную силу и пользовались вполне ощутимой поддержкой местного населения.

Поэтому главная тяжесть в нелегком деле ликвидации антоновщины по-прежнему возлагалась на красноармейские

¹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 42, С. 586 - 588.

² Донков И. П. Указ. соч., С. 48, 61.

³ РГВА. Ф. 7841, Оп. 1, Д. 122, Л. 19.

⁴ Донков И. П. Указ. соч., С. 53, 54, 61 - 64.

⁵ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 25, Л. 1.

части. Они должны были разгромить все более или менее крупные отряды вооруженных мятежников, чтобы затем милиция и чекисты, совместно с сельскими ревкомрами, могли произвести окончательное очищение тамбовских деревень от последних групп повстанцев, бандитов и дезертиров. Однако на поверку оказалось, что разгром повстанческих полков – дело архитрудное и, главное, затяжное.

* * *

В феврале 1921 года антоновцы значительно расширили зону своих действий, совершая рейды в сопредельные с мятежными уездами Тамбовщины (Борисоглебский, Кирсановский и Тамбовский) части других губерний: Чембарский¹ уезд Пензенской, Сердобский и Балашовский уезды Саратовской, Новохоперский и Бобровский уезды Воронежской губерний. А из немыежных уездов самой Тамбовской губернии антоновцы появлялись в Усманском, Козловском² и Моршанском уездах.

В прямой связи с усилением антоновской экспансии произошло и расширение сети боевых участков советских войск. Так, если до 9 февраля существовало всего четыре боеучастка, то к началу марта их было уже семь, а к апрелю – восемь. Штабы вновь созданных боевых участков расположились на станции Мучкап в Борисоглебском уезде (5^{-й} боеучасток), в городе Моршанске (6^{-й}), на станции Ртищево Саратовской губернии (7^{-й}) и в Пензе (8^{-й}). Красноармейские части 7^{-го} и 8^{-го} боевых участков, хотя и действовали на территории других губерний, тем не менее входили в состав войск Тамбовской губернии³.

К 1 марта 1921 года войска Тамбовской губернии насчитывали 32,5 тысячи штыков и 7 948 сабель при 463 пулеметах и 63 орудиях. Из боевых технических единиц против мятежников действовали 8 самолетов, 4 бронепоезда, 7 бронелетучек и 6 броневиков⁴.

В нашей исторической литературе численность антоновцев, относящаяся к одному и тому же времени, определяется по-разному. Например, число повстанцев к началу февраля 1921 года составляло, по одним источникам, 16 тысяч⁵, по другим – 30 тысяч⁶, а по третьим – 50 тысяч человек⁷. Наиболее достоверной нам представляется та численность вооруженных повстанцев, какую приводил в своих докладах ЦК РКП(б) и Реввоенсовет Республики начальник политотдела войск Тамбовской губернии А. И. Жабин. Итак, согласно Жабину, 1 февраля 1921 года повстанцев насчитывалось 16 050 человек при 10 пулеметах и 1 орудии, а 1 марта – 17 600 человек при 25 пулеметах и 5 орудиях.

Эти цифровые данные приводит в своей книге «Антоновщина: замыслы и действительность» московский историк И. П. Донков, объясняющий рост числа мятежников главным образом за счет того, что «к весне на Тамбовщину из Воронежской губернии перебазировались кулацко-бандитские отряды Колесникова». Численность колесниковцев в марте 1921 года И. П. Донков определяет в 3,5 тысячи человек⁸ (ленинградский историк И. Я. Трифонов – в 5 тысяч⁹, а историк из Московского государственного университета Ю. А. Щетинов – в 3 тысячи человек¹⁰). Как можно понять из той же книги И. П. Донкова, увеличение числа орудий у тамбовских мятежников также произошло за счет колесниковцев.

На самом же деле это случилось иначе. 1 марта части 2^{-й} повстанческой армии под командованием самого Антонова (прежний командарм-2 П. М. Токмаков погиб накануне, то есть 28 февраля, в бою под селом Богословка Кирсановского уезда¹¹) атаковали у села Отхожее Борисоглебского уезда 4^{-й} кавполк 15^{-й} Сибирской кавалерийской дивизии. Не выдержав мощного натиска антоновцев, кавполк частью сдался в плен, а частью позорно бежал с поля боя, бросив на произвол судьбы прикрывавшую его батарею из четырех орудий, которая и попала в руки повстанцев¹².

Что же касается упомянутых выше колесниковцев, численность которых наши виднейшие исследователи истории антоновщины определяют в 3 – 5 тысяч человек, то применительно к марту 1921 года их было бы правильнее называть не «бандой Колесникова», а «1^{-й} партизанской армией Тамбовского края под командованием И. С. Колесникова».

Кто же такой был Иван Колесников, и как могло случиться, что он вдруг стал командармом-1 у Антонова? Отечественная, а равно и зарубежная историческая наука хранит на сей счет упорное молчание, как, впрочем, и вообще о большом антикоммунистическом крестьянском восстании на юге Воронежской губернии в конце 1920 года.

* * *

3 ноября 1920 года в придонской слободе Старая Калитва Острогжского уезда Воронежской губернии, на почве острого недовольства продразверсткой и диких перегибов при ее сборе, вспыхнуло крестьянское восстание. Находившиеся в слободе два продотряда (всего 60 человек) во главе с продагентом из местных, Михаилом Петровичем Колесниковым, были разоружены, а 18 продотрядников, в том числе и М. П. Колесников, оказавшие сопротивление, убиты. В этот же день восставшие создали вооруженный отряд в 300 человек при двух пулеметах. Во главе его встал сын местного кулака Григорий Михайлович Колесников – однофамилец убитого продагента.

7 ноября в Старой Калитве состоялись два крестьянских схода. На первом Григорий Колесников уже «официально» объявил о начале восстания, а на втором сходе для руководства восстанием был избран Военный совет из пяти человек, а также «главнокомандующий». Им оказался мобилизованный повстанцами 26-летний уроженец Старой Калитвы Иван Сергеевич Колесников – недавний командир батальона Красной армии, двоюродный брат убитого продагента. В тот же день Иван Колесников объявил мобилизацию мужского населения в возрасте от 17 до 50 лет, и уже 8 ноября число во-

¹ Чембар – ныне г. Белинский Пензенской области.

² Козлов – ныне г. Мичуринск Тамбовской области.

³ Там же, Д. 122, Л. 14; Ф. 7, Оп. 2, Д. 89, Л. 3.

⁴ Там же, Л. 14; Военно-исторический журнал, № 9. 1968, С. 31.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 84.

⁶ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 291.

⁷ Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия (изд. 2-е). С. 40.

⁸ Донков И. П. Указ. соч., С. 84, 85.

⁹ Трифонов И. Я. Указ. соч., С. 249.

¹⁰ Щетинов Ю. А. Указ. соч., С. 80.

¹¹ РГВА. Ф. 7841, Оп. 1, Д. 81, Л. 206.

¹² Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 115, Л. 148.

руженных повстанцев перевалило за 600. Так началась колесниковщина¹.

К 25 ноября восстание охватило уже значительную часть Воронежской губернии к югу от линии городов Павловск – Калач. Только вооруженных повстанцев здесь, по данным советской военной разведки, насчитывалось до десяти тысяч. Двумя наиболее крупными формированиями у восставших были: дивизия (пятиполкового состава) Ивана Колесникова, насчитывавшая до 5 500 штыков и 1 250 сабель при 6 орудиях и 7 пулеметах, а также отряд Емельяна Вараввы, численностью до тысячи штыков и сабель.

Предпринимавшиеся еще с 5 ноября попытки небольших частей Красной армии и местных коммунистических отрядов силой подавить мятеж успеха не имели. Более того, начатое 14 ноября относительно крупное наступление красных на Старую Калитву окончилось полным провалом. А вечером 25 ноября колесниковцы сделали налет на уездный город Богучар и до утра «хозяйничали» в нем². Эта разбойная акция заставила, наконец, воронежские власти серьезней отнестись к мятежу на юге губернии и обратиться за помощью к военному ведомству.

29 ноября советские войска начали новое наступление на повстанцев. Однако первые три дня боев не принесли заметного результата, и положение стало меняться в пользу красных лишь после прибытия в район боевых действий кавалерийской бригады 14^й стрелковой дивизии имени А. К. Степина, которая 1 декабря закончила выгрузку из эшелонов на станции Митрофановка³. Кстати, одним из эскадронов этой бригады командовал 24-летний Г. К. Жуков – будущий маршал и четырежды Герой Советского Союза.

2 декабря советские части (всего 3 971 штык и 1 257 сабель при 37 пулеметах и 8 орудиях) под общим командованием бывшего капитана Ивана Николаевича Полковникова перешли в решительное наступление на повстанческую дивизию Колесникова⁴. Через три дня ожесточенных боев от нее остались лишь жалкие осколки. А окончательно крестьянское восстание на юге Воронежской губернии было ликвидировано в середине декабря 1920 года.

Однако сам Иван Колесников остался жив. Собрав вокруг себя не более 150 сорвиголов, он без лишнего шума покинул родные места и ушел на Украину, в Харьковскую губернию. Достаточно окрепнув и освоившись на украинской земле, Колесников начинает, что называется, показывать зубы, оказавшиеся на поверку довольно острыми и крепкими. Разбойничьи действия его отряда вызвали серьезное беспокойство у командующего войсками Украины и Крыма М. В. Фрунзе⁵. Однако неоднократные попытки одним ударом покончить с Колесниковым всякий раз оканчивались безрезультатно. Ловко избегая прямых столкновений с сильными красноармейскими частями, Колесников – чуть что – уходит «за границу», в Россию, на территорию Донской области.

В начале февраля отряд Колесникова в 500 сабель вновь объявился на юге Воронежской губернии и 5 февраля занял свою бывшую «столицу» – Старую Калитву⁶. Ряды повстанцев стали быстро пополняться.

В связи с обострением положения в Воронежскую губернию стали спешно перебрасываться части регулярной Красной армии, численность которых к 15 февраля достигла почти 24 тысяч бойцов⁷. А в дополнение к этим мерам Главком С. С. Каменев 7 февраля отдал приказ о срочном формировании специального кавалерийского соединения из трех полков во главе с бывшим комбригом внутренних войск, краснознаменцем Иваном Николаевичем Михайловым-Березовским. Этому соединению (свыше 1 100 сабель⁸), получившему первоначальное наименование «Воронежский конный летучий отряд Березовского», была поставлена задача «быстро войти в соприкосновение с бандой Колесникова, разбить ее и вести преследование ... до полного уничтожения, не считаясь с расстоянием и границами»⁹.

Но Колесников долго в родных краях не задержался. 8 февраля его отдохнувший отряд снялся с места и довольно кружным путем отправился на мятежную Тамбовщину. В первый же день своего рейда колесниковцы налетом взяли Россошь. Отсюда их зигзагообразный след потянулся к станции Евдаково (захвачена 11 февраля), а затем в уездные города Калач (17 и 18 февраля) и Новохоперск (20 февраля). Как видим, колесниковцы, в отличие от тех же антоновцев, не испытывали особого страха перед городами, хотя и никогда не захватывали их полностью, а только ту часть, где находились различные склады и ссыпные хлебопункты¹⁰.

Покрутившись три дня на границе Новохоперского и Борисоглебского уездов в поисках безопасного перехода через железную дорогу на участке Борисоглебск – Жердевка, где его специально подстерегали бронепоезд и бронелетучка красных, Колесников 24 февраля проскользнул-таки безнаказанно между ними в лесу у станции Терновка, но тут же был настигнут 2^м кавполком 14^й отдельной кавалерийской бригады (кстати, особо отличившимся при разгроме повстанческой дивизии Колесникова на юге Воронежской губернии в декабре 1920 года).

Встреча со «старыми знакомыми», очевидно, не входила в планы Колесникова, и поэтому ему пришлось резко отвернуть на восток и даже пожертвовать своим арьергардом.

Оставив на снегу под Терновкой до тридцати человек зарубленными, воронежские мятежники в наступившей темноте оторвались от преследования и к ночи остановились перевести дух в селе Кабань-Никольское Борисоглебского уезда (ныне с. Шпикулово Жердевского района Тамбовской области)¹¹. Здесь и произошла встреча колесниковцев с 10^м Волчье-Карачанским полком 1^й антоновской армии. С командиром этого полка Иваном Макаровичем Кузнецовым, которого советская военная разведка характеризовала как наиболее способного и воинственного среди прочих командиров антоновских полков, Колесников очень быстро нашел общий язык. Уже через день новоявленные союзники пошли на первое общее «дело». 27 февраля начальник штаба 1^й партизанской армии Тамбовского края Иван Архипович Губарев писал в сво-

¹ Лавыгин Б. М. Ликвидация банд Колесникова \ \ На страже (боевые действия Красной Армии в Воронежской губернии). Воронеж, 1928, С. 71 - 73; РГВА. Ф. 3695, Оп. 1, Д. 34, Л. 26; Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 14.

² Там же, Д. 485, Л. 85; ГАВО. Ф. Р-539, Оп. 1, Д. 3, Л. 14.

³ Лавыгин Б. М. Указ. соч., С. 79; РГВА. Ф. 7841, Д. 39, Л. 10; Д. 195, Л. 3.

⁴ Там же, Д. 59, Л. 6(об.).

⁵ Внутренние войска Советской республики... С. 579.

⁶ ГАВО. Ф. Р-529, Оп. 1, Д. 425, Л. 89.

⁷ РГВА. Ф. 25887, Оп. 1, Д. 371, Л. 375, 376.

⁸ Там же, Д. 511, Л. 50, 51.

⁹ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 31, Л. 10.

¹⁰ Там же, Оп. 2, Д. 141, Л. 39(об.); ГАВО. Ф. Р-529, оп. 1, д. 425, Л. 171, 172, 183, 211, 212; Д. 426, Л. 54(об.).

¹¹ Там же, Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 34.

ем рапорте на имя Антонова:

«Цель прибытия Колесникова в наш район – связаться с армиями Тамбовского края и решить несколько общих боевых задач. ...Колесниковым, совместно с командиром 3^{ей} бригады (И. М. Кузнецовым – В. С.), 26 сего февраля был произведен набег на ст. Терновка Юго-Вост. ж. д., где завязался упорный бой с противником, продолжавшийся с 9 часов утра до 2 часов дня; противник упорствовал, но доблестными партизанами был смят и совершенно уничтожен. Удалось только под прикрытием артиллерии уйти 15 – 20 человекам с одним пулеметом. Взято в плен 100 человек, один пулемет «максим», три воза винтовок и масса патронов, убито у противника 150 – 200 человек. Наши потери ничтожны»¹.

Налет Колесникова и Кузнецова на станцию Терновка действительно был для них удачен. Станцию оборонял батальон 90го стрелкового полка, и когда ему на помощь подошел 2^{ей} кавалерийский полк 14^{ей} отдельной кавбригады, то командир батальона уже погиб, а большинство красноармейцев были захвачены в плен. Бросившийся в погоню кавполк сумел отбить обратно лишь 75 пленных².

28 февраля состоялось отчетно-выборное («пленарное») собрание командного состава 1^{ей} антоновской армии. Неожиданно для многих новым командармом был избран «варяг» И. С. Колесников. Его заместителем стал И. М. Кузнецов. Начальником штаба 1^{ей} армии собрание утвердило А. В. Богуславского, а заместителем к нему – бывшего начштаба И. А. Губарева³.

Избрание Колесникова командармом можно отчасти объяснить давним соперничеством между двумя наиболее вероятными кандидатами на эту должность – комбригами Богуславским и Кузнецовым, а отчасти и личными качествами самого Колесникова.

Родившийся в 1894 году в Старой Калитве в многодетной (4 сына и 4 дочери), но зажиточной крестьянской семье Иван Колесников в годы первой мировой войны прошел нелегкий путь от рядового солдата до младшего унтер-офицера и командира взвода; воевал на Кавказе, на турецком фронте. Об участии Колесникова в гражданской войне достоверно удалось установить следующее. В мае 1919 года он служил рядовым красноармейцем конной разведки 107го (с августа 1919 года – 357го) стрелкового полка 40^{ей} Богучарской стрелковой дивизии. В конце мая 1919 года Колесникова назначают командиром взвода, затем – комендантом штаба полка, а в начале января 1920 года – временно исполняющим должность командира 3го батальона 357го стрелкового полка. Воевал и характеризовался по службе весьма неплохо. Только во второй половине 1919 года Колесников был ранен не менее двух раз. Вероятно, после очередного ранения, 18 июня 1920 года Колесников вступил в должность казначея своего полка и через неделю убыл в командировку в отдел снабжения дивизии. На этом след Колесникова в архивных документах обрывается⁴. По некоторым недокументальным данным, казначей 357го полка И. С. Колесников совершил крупную растрату денег и дезертировал, а когда добрался домой, в Старую Калитву, там уже началось восстание, военным руководителем которого он вскоре стал.

Но как бы там ни было, Иван Колесников, бесспорно, обладал незаурядными командирскими качествами, богатым военным опытом и исключительной личной храбростью. Под его началом 1^{ей} антоновская армия резко активизировала свои действия и уже не избегала встреч даже с крупными и сильными красноармейскими частями.

Так, 5 марта, недалеко от станции Жердевка, Колесников провел тщательно продуманную и подготовленную операцию против 14^{ей} отдельной кавбригады красных. 2^{ей} кавполк этой бригады был просто-напросто загнан повстанцами в реку Савалу, откуда потом еле выбрался⁵. А находившемуся километрах в десяти от него 1^{му} кавполку бригады пришлось еще труднее, так как свои основные силы Колесников бросил именно против этого полка. Произошел шестичасовой упорнейший бой, в результате которого 1^{ей} кавполк отступил почти на 10 километров. Ход этого боя довольно подробно воспроизведен много лет спустя (с неизбежными в таких случаях неточностями) одним из его активных участников – командиром 2го эскадрона 1го кавполка Георгием Константиновичем Жуковым в его мемуарах «Воспоминания и размышления»⁶. А рассказывая об этом же бое известному советскому писателю Константину Симонову, Г. К. Жуков по-солдатски прямо сказал, что в тот день «антоновцы крепко всыпали нам»⁷.

В бою 5 марта 1921 года 1^{ей} кавполк потерял убитыми и ранеными 63 человека⁸. 25 из них были бойцами эскадрона Жукова, который в начале боя находился в авангарде полка, а при отступлении – в арьергарде. Под самим Жуковым в этом бою дважды убивали коня, и не раз его жизнь была на волосок от смерти. За умелое руководство эскадронам и личную отвагу, проявленные в этом тяжелейшем бою под Жердевкой, Г. К. Жуков в 1922 году был награжден орденом Красного Знамени⁹. Это был самый первый орден в жизни величайшего полководца XX века.

7 марта отряд самого Колесникова (получивший в антоновской армии наименование 1го Богучарского полка), численностью в 500 сабель при четырех пулеметах, напал у села Семеновка Борисоглебского уезда на две красноармейские роты (всего 268 человек). Отстреливаясь, красные стали отступать в сторону села Уварово, где имелся сильный гарнизон. Но Колесников сумел отрезать ротам путь отхода и потребовал сдаться. Большинство красноармейцев сразу стали бросать винтовки на землю. Только человек тридцать решили не сдаваться и попытались с боем вырваться из кольца. До Уварово удалось добраться лишь одному командиру роты и одному красноармейцу¹⁰.

8 марта в Семеновку, где расположился штаб 1^{ей} повстанческой армии, приехали представители антоновского Главоперштаба, являвшегося теперь фактически штабом 2^{ей} повстанческой армии. Приезжие передали Колесникову, что Антонов требует от него, как от командующего 1^{ей} партизанской армией Тамбовского края полного и беспрекословного подчинения, а также просит поделиться частью захваченного у красных оружия. Но Колесников неожиданно заявил представителям Антонова, что он решительно отказывается безоговорочно подчиняться Александру Степановичу, а также делиться

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 192, Л. 57.

² Там же, Ф. 8159, Оп. 1, Д. 8, Л. 5(об.), 6.

³ Там же, Ф. 7841, Оп. 1, Д. 122, Л. 44.

⁴ Там же, Ф. 1398, Оп. 1, Д. 498, Л. 34(об.); Ф. 3695, Оп. 1, Д. 32, Л. 44(об.); Д. 46, Л. 119, 144; Д. 49, Л. 5(об.).

⁵ Там же, Ф. 8159, Оп. 1, Д. 8, Л. 7(об.), 8.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления (изд. 2-е, доп.). М., 1974, Т. 1, С. 74 - 75.

⁷ «Огонек», № 48. 1986, С. 7.

⁸ РГВА. Ф. 7841, Оп. 1, Д. 105, Л. 103.

⁹ Жуков Г. К. Указ. соч., С. 75.

¹⁰ РГВА. Ф. 7841, Оп. 1, Д. 82, Л. 107.

взятыми в бою трофеями, в том числе и оружием¹.

Дерзкий ответ Колесникова вызвал недовольство у некоторой части повстанцев 1^{-й} армии. На бурном митинге, состоявшемся по этому поводу 9 марта в лесу между селами Петровское и Моисеево Борисоглебского уезда, произошел даже небольшой раскол 1^{-й} армии. Однако основная ее часть пошла за Колесниковым, в защиту позиции которого выступил авторитетный в среде тамбовских повстанцев Иван Кузнецов.

Случившийся раскол не повлиял сколько-нибудь существенно на боеспособность и даже на численность 1^{-й} партизанской армии Тамбовского края. А Колесников по-прежнему был очень активен, если не сказать – агрессивен.

20 марта 1^{-я} повстанческая армия под его командованием нанесла на территории сопредельного с Тамбовщиной Бобровского уезда Воронежской губернии чувствительное поражение кавалерийскому соединению И. Н. Березовского, созданному, как известно, специально для ликвидации отряда самого Колесникова. В результате этого боя у села Щучье (ныне Эртильского района Воронежской области) в руки антоновцев попали 2 трехдюймовых орудия и 7 пулеметов. А кроме того, повстанцы целиком вырубали батальон коммунистов, осуществлявший охрану артиллерии отряда² Березовского³.

Но, как оказалось, это был последний успех антоновского командарма И. С. Колесникова. 22 марта у села Талицкий Чамлык, что на стыке современных Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей, произошел ожесточенный встречный бой семи полков 1^{-й} повстанческой армии с 14^{-й} отдельной кавалерийской бригадой красных под командованием бывшего поручика Александра Александровича Милонова и батальоном 89^{-го} стрелкового полка 10^{-й} стрелковой дивизии. Потери повстанцев в этом крайне неудачном для них бою составили около трехсот человек убитыми и ранеными, а также 2 орудия и 6 пулеметов⁴.

В этот же день в сорока километрах северо-восточнее Тамбова попала в окружение 2^{-я} повстанческая армия под командованием самого Антонова (свыше 5 тысяч человек при 3 орудиях). Разделившись на три части, антоновцы стали прорываться из кольца. Двум группам это вполне удалось, благодаря хорошему знанию местности, а вот третьей (численностью до 1 000 человек) явно не повезло: при прорыве она была наполовину уничтожена. Кроме того, у антоновцев было отбито 6 пулеметов, а также найдены спрятанные ими при отступлении 2 орудия⁵.

День 22 марта 1921 года можно без преувеличения назвать днем перелома в ходе вооруженной борьбы на Тамбовщине. Отныне инициатива полностью и окончательно перешла в руки советских войск.

* * *

Большой силы удар по антоновским армиям нанесло объявление Полномочной комиссией ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии двухнедельника добровольной явки повстанцев с повинной. 20 марта Полномочная комиссия ВЦИК выпустила обращение «Ко всем участникам бандитских шаек», в котором говорилось:

1. Советская власть строго карает подстрекателей и вожаков бандитских шаек, но она милостива к трудовым крестьянам, втянутым по неразумению или обманом в это разбойное дело.
2. Рядовые участники бандитских шаек, которые являются добровольно и с оружием в штаб красных войск, получают полное прощение; те из них, кто являются дезертирами, будут отправлены в Красную Армию без всякого наказания, остальные будут отпущены по домам на честное крестьянское слово.
3. Вожаки и подстрекатели, если явятся добровольно и принесут чистосердечное раскаяние, будут преданы гласному суду, но без применения высшей меры наказания; причем суду предложено применять в самых широких размерах условное осуждение, т. е. отпускать на свободу с указанием, что если совершит новый проступок, то будет взыскано вдвое.
4. Разграбленное в советских хозяйствах и кооперативах народное имущество должно быть возвращено.

Срок явки и возврата имущества – до 5 апреля⁶.

Ввиду целого ряда трудностей, с которыми пришлось столкнуться при печатании этого обращения массовым тиражом, а также при его распространении в мятежных районах, Полномочная комиссия ВЦИК была вынуждена продлить срок добровольной явки с повинной еще на неделю, то есть до 12 апреля.

За три недели, с 21 марта по 12 апреля 1921 года, явку с повинной принесли около семи тысяч человек. Однако отметим, что в основном это были мобилизованные антоновцами пожилые крестьяне, причем подавляющее большинство из них явились без оружия, ибо никогда и не имели его⁷.

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии А. В. Павлов издал приказ № 112, гласивший:

«Советская Рабоче-Крестьянская власть в лице Полномочной комиссии ВЦИК своим приказом о добровольной явке бандитов предоставила возможность всем обманутым крестьянам, попавшим в шайки бандитов, вернуться безнаказанно к мирному честному труду. Советская власть простила им ихние преступления.

Вернувшиеся и раскаявшиеся бандиты прощены и отпущены по домам. Срок добровольной явки истек. Все оставшиеся в рядах банд являются неисправимыми разбойниками – злейшими врагами рабочих и крестьян, а посему приказываю:

1. Всех бандитов, захваченных с оружием в руках, уничтожать.
2. Всех главарей и занимающих командные должности в полках до командиров взводов считать вне закона.
3. Всех задержанных по подозрению ... в пособничестве бандитам задерживать и с материалами сопровождать в Особый отдел армии.
4. Для целых отрядов, явившихся добровольно с оружием и приведших своих главарей, отношение должно

¹ Там же, Д. 81, Л. 171(об.), 176; Ф. 235, Оп. 5, Д. 193, Л. 27.

² 23 марта явно не оправдавший возлагавшихся на него надежд Михайлов-Березовский сдал командование своим потрепанным соединением бывшему комбригу 1^{-й} конной армии Семенову (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 110, Л. 39).

³ Там же, Ф. 7841, Оп. 1, Д. 81, Л. 171(об.), 247.

⁴ Там же, Л. 246, 246(об.); Д. 82, Л. 163 - 165.

⁵ Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 27.

⁶ Цит. по: Раkitин А. В. В. А. Антонов-Овсеенко. Документальный биографический очерк. Л., 1975, С. 266 - 267.

⁷ Донков И. П. Указ. соч., С. 77; РГВА. Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 2(об.).

быть доброжелательное и, после сдачи оружия, все такие добровольно явившиеся бандиты направляются в ближайший трибунал для военного суда, с зачетом их добровольной явки как смягчающего обстоятельства»¹.

Суровость этого приказа А. В. Павлова можно отчасти объяснить случившимся накануне ЧП – захватом антоновцами большого фабричного села Рассказово. 11 апреля Рассказовский гарнизон (свыше 800 красноармейцев при 1 орудии и 11 пулеметах), не оказав почти никакого сопротивления, сдался в плен частям 2^{-й} антоновской армии, вступившим, как на параде, в село. Лишь через несколько часов специально посланные из Тамбова четыре аэроплана из состава так называемых «Военно-воздушных сил войск Тамбовской губернии» подвергли мятежников основательной бомбардировке и вынудили их спешно оставить Рассказово².

Брошенные в погоню за 2^{-й} армией Антонова лучшие кавалерийские части красных в течение двух недель несколько раз настигали ее, отбили одно орудие, но нанести уничтожающий удар так и не смогли. А разделившаяся на части во время бегства 2^{-я} повстанческая армия вечером 24 апреля вновь собралась в одном месте – в селе Кобяки, что в десяти километрах северо-западнее города Кирсанова. По данным советской военной разведки, здесь сосредоточилось до семи тысяч повстанцев³.

Утром 25 апреля 250 конных повстанцев из 8^{-го} Пахотно-Угловского полка под командованием Василия Федоровича Селянского предприняли разведывательный налет на Кирсанов. Но сразу же наткнувшись на сильный пулеметно-артиллерийский огонь Кирсановского гарнизона и потеряв 18 человек убитыми, Селянский быстро ретировался обратно⁴. В этот же день 2^{-я} повстанческая армия вновь разделилась на полки и стала растекаться по Тамбовскому и Кирсановскому уездам.

Здесь надо сказать, что в апреле 1921 года 2^{-я} антоновская армия, несмотря на отдельные неудачи и даже поражения, была сильна как никогда. Полную противоположность ей представляла в эти дни 1^{-я} армия, переживавшая период сильнейшего разложения.

31 марта Колесников привел 1^{-ю} армию (не менее трех тысяч человек) из северной части Воронежской губернии на Тамбовщину, в район Каменки. Здесь повстанцы узнали об объявлении Полномочной комиссией ВЦИК двухнедельника добровольной явки с повинной. В полках началось дезертирство. И вот, чтобы спасти армию от окончательного развала, Колесников решил вновь вывести ее на время из пределов Тамбовской губернии.

4 апреля 1^{-я} повстанческая армия (около 2,5 тысяч человек) снялась из района Каменки и взяла направление на юг. Во второй половине дня она без единого выстрела перешла у станции Терновка железнодорожную ветку Грязи – Поворино. Здесь от Колесникова отделился отряд в 500 человек, который двинулся на запад и в ночь на 6 апреля был изрядно потрепан подразделениями 88^{-го} стрелкового полка у сел Кулешовка и Сергиевка Борисоглебского уезда⁵.

А основное ядро 1^{-й} армии, продолжая движение на юг, приблизилось к Новохоперску. 5 апреля, в тридцати километрах от города, антоновцы с ходу разбили высланный им навстречу из Новохоперска советский отряд в 90 человек. Из них спаслись только три красноармейца, прискакавшие обратно в Новохоперск и сообщившие о надвигающейся опасности.

В середине дня 6 апреля почти двухтысячная армия Колесникова была уже в трех – четырех километрах от города, гарнизон которого (вместе с мобилизованными в экстренном порядке коммунистами) насчитывал всего около двухсот человек при трех пулеметах⁶.

Спасти Новохоперск от захвата и разграбления мятежниками удалось буквально в последний момент. Командование 4^{-го} (Борисоглебского) боевого участка еще на рассвете 6 апреля отправило из Борисоглебска в Новохоперск бронелетучку с десантной ротой при пяти пулеметах, а также 250 курсантов 7^{-х} Борисоглебских кавалерийских командных курсов во главе с их начальником, бывшим полковником Генерального штаба старой русской армии Александром Николаевичем Гатовским. Вместе с бронелетучкой, для непосредственного руководства на месте операцией по спасению Новохоперска, выехал начальник 4^{-го} боеучастка Петр Николаевич Рябов. Им же был вызван к Новохоперску и бронепоезд № 1 из Воронежа⁷.

Первой к месту прибыла бронелетучка. Десантная рота под командованием военкома штаба 4^{-го} боеучастка Николая Ивановича Летуновского едва успела занять оборону на ближних подступах к Новохоперску, как тут же появились антоновцы. Встреченные сильным ружейно-пулеметным огнем десантников, мятежники отступили от города и ушли в деревню Алферовку, что в десяти километрах севернее Новохоперска. Здесь у них состоялся стихийный, но бурный митинг, на котором произошел раскол между основной частью антоновцев и колесниковцами. Большинство антоновцев (около 1 400 человек) решили возвращаться на Тамбовщину и, предводительствуемые заместителем командарма-1 Иваном Кузнецовым, стали лесами пробираться в родные места. А Иван Колесников со своим отрядом и незначительной частью антоновцев (всего около 450 всадников) попытался перейти железнодорожную ветку Лиски – Поворино у небольшой станции Некрылово, но был отогнан обратно все той же десантной ротой Летуновского и артиллерийским огнем как раз подошедшего бронепоезда № 1⁸. Преследуемый некоторое время борисоглебскими курсантами, отряд Колесникова зигзагами направился на юг Воронежской губерний, то есть туда, откуда он и пришел на Тамбовщину в феврале месяце.

8 апреля у станции Абрамовка Колесников проскочил без особых потерь через линию железной дороги и в середине месяца благополучно добрался до Старой Калитвы. С неделю отдохнув, колесниковцы вновь приступили к активным действиям. 21 апреля они попытались даже захватить уездный город Богучар, но были отбиты подразделениями 1^{-го} особого и 84^{-го} стрелковых полков Красной армии.

А 24 апреля в селе Стеценково (30 километров западнее Богучара) отряд Колесникова полностью вырубил сводную

¹ Там же, Ф. 7841, Оп. 1, Д. 151, Л. 28.

² Трутко И. Тактические примеры из опыта борьбы с бандитизмом. Применение аэропланов как резервов \\
«Красная Армия», № 5 - 6. 1921, С. 41 - 43; Леонидов Б. Эсэро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним \\
«Революция и война», № 14 - 15. 1922, С. 165.

³ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 39, 40.

⁴ Антоновщина... С. 129, 130.

⁵ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 95, Л. 2, 2(об.); Д. 129, Л. 211; Д. 131, Л. 230; ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 11.

⁶ ГАВО. Ф. Р-10, Оп. 1, Д. 359, Л. 70; РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 591, Л. 46(об.).

⁷ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 131, Л. 243.

⁸ Там же, Л. 255; ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 16.

спецгруппу по борьбе с бандитизмом¹.

Однако дни Ивана Колесникова были уже сочтены. Вечером 28 апреля в конце ожесточенного пятичасового боя с летучим кавалерийским отрядом красных у слободы Криничной он был убит выстрелом в спину кем-то из своих. Командование осиротевшими колесниковцами принял на себя его ближайший сподвижник Варавва. Но Емельяну Варавве как командиру и организатору было далеко до Ивана Колесникова, и к 15 мая еще совсем недавно такой грозный и воинственный отряд колесниковцев, потерпев несколько поражений подряд, совершенно распался, а сам Варавва в конце лета 1921 года добровольно сложил оружие и принес повинную².

Брошенная Колесниковым 6 апреля под Новохоперском 1^{-я} антоновская армия с этого дня практически перестала существовать как единое и крупное боевое соединение повстанцев. Всю оставшуюся часть апреля ее полки, вернувшиеся на Тамбовщину крайне деморализованными, поодиночке зализывали свои раны и никакой активности не проявляли. По сравнению с январем, к маю 1921 года число полков 1^{-й} армии несколько сократилось.

Первым «исчез» 11^{-й} Павлодарский полк, разгромленный во второй половине февраля отрядом 7^{-х} Борисоглебских кавалерийских курсов. 15 марта на милость советской власти сдался целиком, с оружием и комсоставом, 14^{-й} Архангельский повстанческий полк. Почти полностью разложился 12^{-й} Токайский полк. Правда, в апреле адъютанту штаба 1^{-й} антоновской армии, бывшему прапорщику Федору Петровичу Тюкову, удалось сформировать новый, 20^{-й} особый повстанческий полк³.

Из других уцелевших, но заметно поредевших и потерявших боевой пыл полков 1^{-й} армии к маю 1921 года более или менее реальную силу представляли 1^{-й} Каменский (командир полка А. В. Богуславский), 5^{-й} Пановский (командир – К. И. Баранов), 6^{-й} Савальский (командир – С. А. Шамов), 7^{-й} Тамбовский (командир – Я. Ф. Вислобоков) и 10^{-й} Волчье-Карачанский (командир – И. М. Кузнецов) повстанческие полки.

2^{-я} антоновская армия к началу мая насчитывала в своем составе 8 полков:

3^{-й} Кирсановский (им в основном командовал сам *А. С. Антонов*)

4^{-й} Низовской (командир полка *И. И. Башкарев*)

8^{-й} Пахотно-Угловский (командир – *В. Ф. Селянский*)

9^{-й} Семеновский (командир – *П. Е. Аверьянов*)

14^{-й} Нару-Тамбовский (командир – *И. С. Матюхин*)

15^{-й} сводный Казыванский (командир – *И. Е. Чернышев*)

16^{-й} Золотовский (командир – *М. А. Назаров*)

Особый (командир – *Я. В. Санфи́ров*).

С середины апреля, после того, как тяжелое ранение получил командарм-2 Митрофанович, 2^{-й} повстанческой армией командовал сам Александр Антонов⁴.

Кроме перечисленных выше полков 1^{-й} и 2^{-й} антоновских армий, существовало еще несколько повстанческих полков, как правило, довольно слабых и действовавших самостоятельно, на свой страх и риск. Такими «самостийными» полками были, например, 17^{-й} Текинский полк под командованием И. Ф. Рыжакова, оперировавший в районе села Текино Тамбовского уезда, 18^{-й} Волынский (командир Ф. А. Долгов) и 19^{-й} Козловский полки (командир С. А. Попов), составлявшие так называемую Козловскую отдельную повстанческую бригаду, действовавшую в основном на южной границе Тамбовского и Козловского уездов. Этой бригадой командовал Василий Васильевич Никитин-Королев, более известный в истории антоновщины под кличкой Васьки Карася. На границе Кирсановского уезда и Саратовской губернии действовал 1^{-й} Саратовский повстанческий полк Д. Микулина. И, наконец, в северо-восточной части Борисоглебского уезда оперировал Особый полк под командованием И. М. Ворожищева. Название этого полка, созданного на базе отколовшейся части 2^{-го} сводного Борисоглебского полка А. Б. Кулдошина, указывает не на то, что полк формировался из особо отбираемых людей (как это было при создании Особого полка Санфи́рова), а на то, что полк Ворожищева держался особняком, поддерживая оперативную связь лишь с действующим по соседству так называемым Летучим отрядом антоновцев под командованием Я. А. Чернова⁵. Численность постоянного состава большинства повстанческих полков колебалась от 350 до 500 человек. Лишь Особый полк Санфи́рова и 14^{-й} Нару-Тамбовский полк Матюхина насчитывали 700 и более всадников. А общая численность вооруженных повстанцев в Тамбовской губернии к 1 мая 1921 года, по данным военной разведки красных, составляла 21 тысячу человек. Причем примерно 9 тысяч из них находились в мелких повстанческих отрядах и отрядах, не упомянутых нами ввиду их великого множества⁶.

* * *

21 апреля 1921 года В. И. Ленин встретился в Кремле с командующим войсками Западного фронта М. Н. Тухачевским (пожалуй, самым талантливым советским военачальником периода гражданской войны, всего месяц назад успешно завершившим руководство известной операцией по взятию мятежного Кронштадта) и с глазу на глаз два часа обсуждал с ним проблему безотлагательной и быстрой ликвидации антоновщины⁷.

В этот же день в Тамбове состоялся пленум губкома РКП(б). После его окончания председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко сразу же выехал в Москву для доклада ЦК РКП(б) и Центральной межведомственной комиссии по борьбе с бандитизмом о ходе и перспективах борьбы с антоновщиной.

27 апреля вопрос о том, как побыстрее затушить «антонов огонь», продолжавший испепелять значительную часть Тамбовщины, рассматривался на заседании Политбюро ЦК РКП(б). И Политбюро жестко постановило: принять все возмож-

¹ РГВА. Ф. 235, Оп. 2, Д. 141, Л. 197, 204, 207; Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 86.

² Там же, Д. 535, Л. 191; Д. 591, Л. 184; Ф. 235, Оп. 2, Д. 293, Л. 29; ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 129.

³ Самошкин В. Слово о красных курсантах \ «Подъем», № 10. 1987, С. 121; РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 129, Л. 81(об.), 84, 202.

⁴ Там же, Оп. 2, Д. 337, Л. 43.

⁵ Там же, Оп. 5, Д. 23, Л. 10(об.); Д. 136, Л. 47; Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 20.

⁶ Там же, Д. 535, Л. 291; Ф. 235, Оп. 2, Д. 337, Л. 43.

⁷ Донков И. П. Указ. соч., С. 87, 88.

ные и необходимые меры для ликвидации Антоновского мятежа в месячный срок. По предложению В. И. Ленина, командующим войсками Тамбовской губернии было решено назначить М. Н. Тухачевского¹.

6 мая 1921 года, находясь еще в Москве, Михаил Николаевич Тухачевский официально вступил в командование войсками, действующими по подавлению мятежа в Тамбовской губернии.

В истории борьбы с антоновщиной наступил третий, последний период – период решающих военных операций, закончившийся полным и сокрушительным разгромом всех повстанческих полков и повсеместным восстановлением сельских органов советской власти на всей территории мятежной части Тамбовщины.

Глава 4. РАЗГРОМ

Новый командующий войсками Тамбовской губернии Тухачевский (его заместителем был назначен помощник командующего Киевским военным округом Иероним Петрович Уборевич, а начальником штаба – помощник командующего Западным фронтом Николай Евгеньевич Какурин) прибыл в Тамбов лишь 12 мая 1921 года. Однако припозднившийся вроде бы Тухачевский приехал с уже тщательно продуманным и готовым комплексным планом ликвидации антоновщины в самый короткий срок.

В Тамбове М. Н. Тухачевский встретил поначалу взаимопонимание и одобрение его плана со стороны председателя Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонова-Овсеенко (Тухачевский стал его заместителем) и двух других членов комиссии – председателя Тамбовского губисполкома А. С. Лаврова и секретаря губкома РКП(б) Б. А. Васильева.

Абсолютно не имея никакого намерения даже в самой незначительной степени умалить заслуги (и «заслуги») кого-либо из названной четверки лиц, составлявших Полномочную комиссию ВЦИК, нельзя не признать и бесспорного (по крайней мере – для автора этих строк) факта, что главным «мозговым центром» Полномочной комиссии ВЦИК был все-таки М. Н. Тухачевский.

Своего рода черновиком плана разгрома антоновщины стала написанная Тухачевским «Инструкция по искоренению бандитизма», которая в первый же день его пребывания в Тамбове была разослана по штабам боевых участков. В своем плане подавления мятежа Тухачевский главное значение придавал гармоничному и последовательному сочетанию военных операций частей Красной армии и внутренних войск с политическими, экономическими и административными мерами партийных, советских, чекистских и милицейских органов.

Однако «Инструкция по искоренению бандитизма» была все-таки документом служебным и секретным. Поэтому в тот же день 12 мая Тухачевский издал «знаменитый» на Тамбовщине двадцать первого года приказ № 130, широко доведенный до сведения личного состава красноармейских частей, местного населения и самих повстанцев. Одновременно с приказом № 130 и в дополнение к нему Полномочная комиссия ВЦИК опубликовала свое постановление «О высылке семей и конфискации имущества бандитов». Но так как приказ Тухачевского и это постановление Полномочной комиссии ВЦИК представляли собой два довольно объемных документа, написанных к тому же не совсем понятным для полуграмотного местного населения и рядовых повстанцев языком², Полномочная комиссия ВЦИК 17 мая опубликовала популярное изложение сути этих двух документов в виде одного «Приказа участникам бандитских шаек», который гласил:

«Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета вам объявляет:

1. Рабоче-Крестьянская власть решила в кратчайший срок покончить с разбоем и грабежом в Тамбовской губернии и восстановить в ней мир и честный труд.
2. Рабоче-Крестьянская власть располагает в Тамбовской губернии достаточными военными силами. Все поднимающие оружие против Советской власти будут истреблены.
3. Вам, участники бандитских шаек, остается одно из двух: либо погибать, как бешеным псам, либо сдаваться на милость Советской власти.
4. Именем Рабоче-Крестьянского правительства Полномочная комиссия вам приказывает:

Немедленно прекратить сопротивление Красной Армии, разбой и грабеж, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей.

5. К тем, кто сдаст оружие, приведет главарей и вообще окажет содействие Красной Армии в изловлении бандитов, будет широко применено условное осуждение и в особых случаях – полное прощение.
6. Согласно приказа красного командования за № 130 и «Правил о взятии заложников», опубликованных Полномочной комиссией 12 сего мая, семья уклонившегося от явки забирается как заложники, и на имущество накладывается арест.

Семья содержится две недели в концентрационном лагере. Если бандит явится в штаб Красной Армии и сдаст оружие, семья и имущество освобождаются от ареста. В случае неявки бандита в течение двух недель, семья высылается на Север на принудительные работы, а имущество раздается крестьянам, пострадавшим от бандитов.

7. Все, кто оказывает то или иное содействие бандитам, подлежат суровой личной и имущественной ответственности перед судом реввоен трибунала как соучастники измены трудовому народу. Только немедленным раскаянием, выдачей главарей и оружия они могут заслужить прощение.

Участники бандитских шаек !
Полномочная комиссия вам заявляет:

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10, С. 336, 351, 357.

² «Тамбовский пахарь». 1921, 12 мая.

**Ваши имена известны ЧК. Будете взяты либо вы, либо ваша семья и имущество.
Сдавайтесь !»¹.**

15 мая Полномочная комиссия ВЦИК приступила к созданию на каждом боевом участке своих местных органов – участковых политических комиссий (уполиткомиссий), которые должны были «согласовать работу советских и партийных органов с действиями военных частей для проведения в ударном порядке ликвидации бандитизма и создания устойчивой Советской власти». В состав участковых политкомиссий входили 6 человек: начальник боевого участка, начальник политотдела боеучастка, секретарь уездного комитета партии, председатель уездного исполкома, начальник особого отдела боеучастка и председатель ревтрибунала. Первые пять должностных лиц имели право решающего голоса, а предревтрибунала – совещательного².

К концу мая участковые политкомиссии, являвшиеся высшими чрезвычайными органами власти в пределах своих боевых участков, в основном завершили подготовку к проведению в жизнь приказа № 130. В Тамбове, Борисоглебске, Кирсанове, Козлове, Сампуре и Инжавино были спешно построены концлагеря, рассчитанные для приема, в общей сложности, 15 тысяч человек. А особые отделы боеучастков составили по каждому населенному пункту списки повстанцев (правда, далеко не полные). Кроме того, уполиткомиссиями были подобраны и проинструктированы так называемые «политтройки», предназначенные для непосредственного руководства на местах проведением операций по выполнению приказа № 130, а также партийные работники для организации сельских ревкомов. Забегая несколько вперед, скажем, что в проведении советизации тамбовских сел и деревень летом 1921 года участвовали свыше полутора тысяч коммунистов. В основном это были партийцы, прибывшие на Тамбовщину из других губерний в порядке спецмобилизации, проведенной ЦК РКП(б)³.

В конце мая войска Тамбовской губернии, значительно усиленные за последний месяц в количественном и качественном отношении⁴, завершили подготовку к нанесению решающих ударов по главным военным силам мятежников. К этому времени советские войска в губернии насчитывали 37,5 тысяч штыков и 10 тысяч сабель, которых своей огневой мощью поддерживали 9 артиллерийских бригад, 4 бронепоезда, 6 бронелетучек, 5 автобронепоездов и 2 авиаотряда. Численность войск, предназначавшихся для непосредственного участия в боях против антоновцев, достигала 53 тысяч бойцов. А вообще же численность войск Тамбовской губернии (со вспомогательными частями и обслуживающим персоналом) составляла свыше 120 тысяч человек⁵.

Первоначально все эти войска (за исключением четырех отдельных кавалерийских бригад, находившихся в прямом подчинении М. Н. Тухачевского) были разделены по пяти боевым участкам, границы которых в основном совпадали с границами следующих уездов: Кирсановского (1^{-й} боеучасток), Тамбовского (2^{-й}; штаб в селе Рассказово), Борисоглебского (3^{-й}), Козловского (4^{-й}) и Моршанского (5^{-й} боеучасток). Но в связи с тем, что 20 мая в южную часть Кирсановского уезда были направлены «для прохождения летнего лагерного сбора» свыше семи тысяч курсантов примерно двадцати военных училищ (курсов), то часть 1^{-го} боевого участка, где расположились курсанты, в начале июня выделилась в самостоятельный, 6^{-й} боевой участок со штабом на станции Инжавино⁶.

В мае 1921 года войска Тамбовской губернии получили из Центра прекрасный подарок – 100 человек отборнейшего и испытанного на фронтах гражданской войны комсостава, а в дополнение к ним – еще и 17 лучших слушателей Академии Генерального штаба Красной армии во главе с трижды краснознаменцем Иваном Федоровичем Федько⁷ (ко времени описываемых событий тремя орденами Красного Знамени, кроме И. Ф. Федько, был награжден лишь известный полководец гражданской войны В. К. Блюхер).

Но как ни старался М. Н. Тухачевский побыстрее завершить подготовку к решающим операциям, месячный срок, отведенный ему на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля для ликвидации антоновщины, неумолимо подходил к концу. 25 мая Тухачевскому об этом напомнил заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Складанский. Официальное, хотя и несколько странное напоминание Складанского, который был достаточно осведомлен о делах и заботах Тухачевского в Тамбове, объясняется, очевидно, неожиданно полученной им от Ленина запиской, в которой тот спрашивал Складанского:

«Как дела у Тухачевского ?

Все еще не поймал Антонова ?

Нажимаете ли Вы ?

Когда доклад в Политбюро ?»⁸.

Реагируя на «нажим», Тухачевский 25 мая ответил Складанскому:

«Месячный срок могу считать лишь начиная с 6 мая, когда вступил в командование. Сейчас заканчивается период подготовки. До сих пор меры по ликвидации банд носили лишь вспомогательный характер. Окончание подготовки задержали опоздание коммунистов, курсантов для лагерного сбора, 97 года для милиции⁹ и, наконец, различные организационные подготовительные мероприятия. Окончательно подготовка будет закончена к 1 июня. Советский аппарат довольно слабо укрепился, так как коммунисты прибыли более чем слабые. Подготовка ревкомов и их инструктирование – в полном ходу. Прибывшие коммунисты поделены на армию, на милицию, на формирование ревкомов и на укрепление местных органов.

¹ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1003, Л. 4.

² Там же, Л. 3.

³ РГВА. Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 56; Оп. 5, Д. 82, Л. 4, 35; Д. 217, Л. 5(об.).

⁴ В числе прибывших на Тамбовщину новых красноармейских частей оказалась и отборная кавбригада Г. И. Котовского, закончившая 1 мая выгрузку на станции Моршанск.

⁵ Донков И. П. Указ. соч., С. 91; «Военно-исторический журнал», № 9. 1968, С. 33; РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 632, Л. 8.

⁶ Мокеров В. Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной \ «Война и революция». 1932, Кн. 1, С. 61.

⁷ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 527а, Л. 16.

⁸ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52, С. 240.

⁹ 8 мая 1921 года Главком С. С. Каменев отдал распоряжение штабам Западного фронта, Московского, Петроградского и Приуральского военных округов отправить на работу милиционерами в мятежные уезды Тамбовщины 9 600 красноармейцев 1897 года рождения, не являвшихся уроженцами Тамбовской губернии (РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 496, Л. 3 - 6).

Разведка работает плохо, дает не то, что нужно. Она проинструктирована, и дело налаживается. Усиливается агентурный аппарат особотдела. Дополнительные меры нужны следующие: необходимо срочно дослать 7 500 человек 97 года для милиции ... и кроме того было бы желательно дополучить 2 – 3 бронестрелковых бригады и даже одну стрелковую бригаду. День окончания операций гораздо труднее определить, чем день окончания подготовки; однако наши действия будут настолько суровы, беспощадны и так методичны, что надо ожидать быстрых результатов»¹.

Уступая давлению из Москвы, Тухачевский перенес начало операций по разгрому основных вооруженных формирований антоновцев с 1 июня на 28 мая. Но фактически этот разгром начался еще 25 мая, когда в 50 километрах северо-западнее Кирсанова кавбригада неистового Григория Ивановича Котовского нанесла сокрушительное поражение 8^{мв} Пахотно-Угловскому и 15^{мв} Казыванскому повстанческим полкам под общим командованием В. Ф. Селянского, который в этом бою получил смертельное ранение². А остатки этих двух антоновских полков окончательно разгромили красноармейцы 137^{то} Тамбовского стрелкового полка 17 июня в бою у реки Хмелинки, в 18 километрах восточнее деревни Поганка (ныне Малиновка)³.

28 мая приступила к активным действиям специально созданная для непрерывного преследования и полного уничтожения основного ядра 2^й антоновской армии сводная кавалерийская группа под командованием заместителя Тухачевского – И. П. Уборевича⁴. Этой кавгруппе, состоявшей из бригады Г. И. Котовского и Тамбовской отдельной кавбригады В. И. Дмитриенко⁵, противостояли пять повстанческих полков (3^й Кирсановский, 4^й Низовской, 14^й Нарутаповский, 16^й Золотовский и Особый Я. В. Санфинова) общей численностью до трех тысяч всадников. К 28 мая они находились в южной части Кирсановского уезда, километрах в двадцати юго-западнее станции Инжавино⁶. Попытка Уборевича окружить и одним махом разгромить эту группировку повстанцев окончилась безрезультатно, и 31 мая он вынужден был доложить Тухачевскому: «Кавгруппа оказалась неподготовленной к выполнению столь серьезной задачи. Кавбригада т. Дмитриенко трижды выпустила Антонова из полного окружения и не по вине комбрига т. Дмитриенко, а ввиду того, что кавбригада – фактически ездящая пехота на скверных крестьянских лошадях. Кавбригада т. Котовского малочисленна и охватывает небольшой район действий, к тому же с истощенным конским составом. Ввиду такого состояния кавгруппы, для успеха операции необходима придача кавгруппе двух отрядов из полугрузовиков с пулеметами. Кавгруппа из двух или трех бригад, имея до 12 полугрузовых машин и фуража на три дня, в несколько дней может покончить с Антоновым окончательно»⁷.

М. Н. Тухачевский полностью согласился с этим предложением, и сводная кавгруппа И. П. Уборевича была тут же усилена 14^й отдельной кавбригадой под командованием А. А. Милонова и двумя автобронестрелковыми отрядами: № 1 имени Петровского (командир А. А. Васькин) и № 52 имени Я. М. Свердлова войск ВЧК (командир Ю. В. Конопко). 1 июня пополненная группа Уборевича продолжила преследование ядра 2^й антоновской армии уже по территории соседней Саратовской губернии.

Однако в скорый разгром Антонова верили не все даже среди членов Полномочной комиссии ВЦИК. 1 июня находившийся в Москве член Полномочной комиссии, секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б. А. Васильев направил В. И. Ленину следующее письмо:

«Товарищ Ленин !

Вместе с другими материалами⁸ я посылаю Вам адресованное мне письмо Антонова-Овсеевко с просьбой к товарищам, имеющим наибольший авторитет в Республике, надавить на соответствующие центральные органы, чтобы действительно срочно покончить с антоновщиной. Из письма явствует, что Антонов настолько окреп, что отбивает атаки наших непобедимых доселе частей, а с другой стороны, на почве продовольствия становятся железные дороги (Грязинский узел, волнения в Козлове, Тамбове, Ртищеве).

... Необходима на деле ударная помощь Центра, особенно в области снабжения. Грознее всего, конечно, будет, если армия останется без продовольствия. Уже сейчас имеются случаи, когда части, стреляя в воздух, требовали хлеба.

Мы просим Вас взять дело борьбы с антоновщиной также под Ваш персональный контроль и руководство»⁹.

В этот же день, 1 июня, В. И. Ленин написал новому секретарю ЦК РКП(б) В. М. Молотову записку, гласившую:

«Препровождая письмо ко мне тов. Васильева, прошу

1. либо поставить в Оргбюро проверку (исполнения поручения ЦК о том, чтобы кончить с Антоновым), либо секретариату ЦК произвести эту проверку путем ознакомления с документами и вызовом т. Скланского и еще кого-либо;
2. переслать прилагаемое *секретно* и *лично* т-щу Скланскому с тем, чтобы он прочел и вернул мне, добавив (Вам; копию мне), какие меры нажима он принял»¹⁰.

Заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Скланский потребовал немедленных объяснений от Главкома С. С. Каменева, который 2 июня отвечал в докладной записке:

«По вопросам, затронутым тов. Васильевым в его письме Председателю СТО¹¹ и приложенных к нему основных ука-

¹ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 511, Л. 16.

² «Тамбовский пахарь». 1921, 5 июня.

³ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 26, Л. 7(об.).

⁴ Там же, Ф. 32002, Оп. 1, Д. 5, Л. 4.

⁵ По состоянию на 10 мая 1921 года кавбригада Котовского насчитывала 890 сабель при 18 пулеметах и 3 орудиях, а кавбригада Дмитриенко – 1 200 сабель при 38 пулеметах (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 82, Л. 10).

⁶ Там же, Ф. 32002, Оп. 1, Д. 1, Л. 7.

⁷ Там же, Д. 4, Л. 32.

⁸ Речь идет в основном о приказе Тухачевского за № 130 и о его же «Инструкции по искоренению бандитизма», целесообразность и эффективность которых Васильев подвергал серьезному сомнению.

⁹ Письма Ильичу. Воронеж, 1968, С. 145 - 146.

¹⁰ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52, С. 240 - 241.

¹¹ СТО – Совет Труда и Оборона, его председателем был В. И. Ленин.

заний по проведению приказа № 130 и объявлений, докладываю:

1. Основные указания по проведению приказа № 130 были заблаговременно выработаны при непосредственном участии комвойск Тамбовской губернии тов. Тухачевского, по их содержанию донесено мне и известно ВЧК и, таким образом, эти указания никаких возражений не встречают.
2. Что касается того, что Антонов настолько окреп, что отбивает атаки наших непобедимых доселе частей, то я категорически возражаю против такого заключения. Бывший до 28 мая эпизод с 1^{-м} полком кавбригады Дмитриенко, неудачно атаковавшего банду Антонова и отошедшего с потерями на остальные два полка этой бригады, еще не знаменует увеличение стойкости Антонова: во-первых, в столкновении участвовал только один полк, а во-вторых, кавбригада Дмитриенко, хотя и представляет собою хорошую часть, однако не может считаться непобедимой...
3. Безусловно, острее стоит вопрос с продовольствием... До сих пор части Тамбовского района в общем дрались безотказно, что свидетельствует о полной их боеспособности; но не исключена возможность, что, если и дальше продовольственный вопрос здесь не будет налажен, боеспособность частей начнет резко понижаться¹.

Тут надо добавить, что красноармейские части, участвовавшие в подавлении антоновщины, снабжались хлебом и другим продовольствием главным образом за счет местного населения. Это делалось как из-за безвыходности положения, так и в целях экономического воздействия на тамбовских крестьян, которым постоянно втолковывалось, что постой и содержание частей Красной армии за их счет, а также подводная повинность и реквизиция лошадей прекратятся только тогда, когда мятеж будет полностью подавлен². И вот с 11 июня, явно в связи с письмом Б. А. Васильева В. И. Ленину и совершенно несмотря на то, что население многих мест мятежной части Тамбовщины само голодало, снабжение красноармейских частей местным хлебом было увеличено в несколько раз, что вызвало изрядное смущение у многих бойцов и командиров Красной армии³.

* * *

2 июня 1921 года у деревни Бакуры Сердобского уезда Саратовской губернии кавбригада Котовского и автобронеполк № 52 из семи машин настигли и окружили 4^{-й}, 14^{-й} и Особый повстанческие полки, ведомые самим Антоновым. Завязался упорный бой. Сначала бронемашин пулеметным огнем загнали 4^{-й} Низовской и Особый полки в Бакуры, непрерывно обстреливаемые конной батареей котовцев, а затем туда ворвался весь автобронеполк. Группы повстанцев, пытаясь покинуть пылающие Бакуры, перехватывали и уничтожали в поле два кавполка бригады Котовского.

Бой в деревне и вокруг нее, начавшийся около пяти часов вечера, затих лишь к полуночи. Антоновцы потерпели жесточайшее поражение, потеряв до 500 человек убитыми и ранеными. И хотя многим мятежникам, в том числе и самому Александру Антонову, удалось все-таки в наступившей темноте вырваться живыми из Бакур, 2^{-я} повстанческая армия с этого дня практически перестала существовать как крупное боевое соединение тамбовских повстанцев.

Деморализованные поражением и дрожащие от страха перед бронемашинами красных, антоновцы стали мелкими группами пробираться в родные кирсановские леса. Сам же Антонов с тысячьо всадников, сделав огромную дугу по Саратовской и Пензенской губерниям, 6 июня почти достиг Тамбовщины и остановился на отдых в пензенском селе Чернышево, что в 40 километрах северо-восточнее Кирсанова. Но толком отдохнуть Антонову не довелось. В полдень в село неожиданно ворвались три машины из чекистского автобронеполка № 52. После короткой, но ожесточенной схватки, потеряв до полусотни человек убитыми и ранеными, антоновцы стали группами и поодиночке покидать Чернышево⁴.

Несмотря на горячку боя, водитель одной из бронемашин Михаил Лаврентьевич Соловьев заметил выскочившую из села небольшую группу мятежников на хороших строевых лошадях. Среди быстро удалявшихся в сторону близкого Ширяевского леса всадников Соловьев приметил человека в белой бурке, по всем известным приметам очень уж походившего на Антонова (и это действительно был он). Направив машину в погоню за этой группой всадников, Соловьев сообщил пулеметчикам о своем «открытии». Моментально оба пулемета, находившиеся на борту машины, повели огонь исключительно на поражение Антонова. Почти сразу несколько человек из его окружения полетели наземь вместе с лошадьми, сраженные пулеметными очередями. Однако Александр Антонов, словно заговоренный, продолжал целым и невредимым уходить к лесу, быстро увеличивая разрыв между собой и машиной Соловьева. Лишь у самой кромки леса одна из пуль догнала-таки Александра Степановича, угодив ему по касательной в голову. И хотя ранение не представляло никакой угрозы для его жизни, Антонов (вероятно, потерявший на какое-то мгновение сознание) начал медленно заваливаться набок, но тут же был поддержан кем-то из скакавших рядом повстанцев, среди которых находился и его брат Дмитрий. А еще через несколько секунд густой Ширяевский лес спасительно сомкнулся за мятежниками, и погоня прекратилась⁵.

В полночь на 7 июня 150 конных повстанцев под командованием Дмитрия Антонова вышли из Ширяевского леса и, воспользовавшись отличным знанием местности и разыгравшейся непогодой, незаметно проскочили между красноармейскими частями, блокировавшими лес, и устремились на юг вдоль левого берега реки Вороны. Около полудня, также без выстрела перейдя железную дорогу у станции Скачиha, эта группа повстанцев скрылась в лесу возле деревни Чутановка, что в пяти километрах юго-восточнее Кирсанова.

А Александр Антонов, несмотря на ранение, собрал находившиеся в Ширяевском лесу остатки 2^{-й} армии (всего около 500 человек и обоз с ранеными) и выступил вслед за Дмитрием спустя четыре часа. Но на сей раз повстанцам явно не повезло, и до Чутановского леса Антонов добрался, имея уже не более 150 человек. Свыше сотни антоновцев погибли, около пятидесяти попали в плен, а остальные пропали без вести при прорыве у Васильевки, а затем и при отражении атак посто-

¹ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 127, 127(об.).

² Содержание частей Красной армии за счет местного населения было прекращено на Тамбовщине лишь в середине августа 1921 года («Голос пахаря» (Борисоглебск). 1921, 25 августа).

³ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 130, Л. 42.

⁴ Там же, Ф. 32002, Оп. 1, Д. 1, Л. 31 - 32(об.), 34, 43.

⁵ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 7(об.).

янно наседавших кавалеристов 2^{-го} полка 14^{-й} отдельной кавбригады и нескольких машин автобронепоезда № 1¹.

В 11 часов вечера 7 июня И. П. Уборевич докладывал М. Н. Тухачевскому по прямому проводу со станции Умет:

«Основное ядро Антонова рассеяно и разбито; последние группы противника под командованием Антонова и его брата, примерно по 150 сабель, разрозненные скрываются в лесах южнее Кирсанова. Бандиты потеряли все пулеметы, обоз и израсходовали почти все патроны... Полагаю, что сводную группу можно расформировать и дать ей отдых»².

Однако Тухачевский не согласился с разумным предложением своего заместителя и приказал Уборевичу продолжать преследование разбитых антоновских полков до полного их уничтожения.

Весь день 8 июня бронемашин и кавалерийские части группы Уборевича провели в утомительных, но бесплодных поисках противника. Лишь к вечеру один из антоновских отрядов был обнаружен 2^{-м} эскадронам 1^{-го} кавполка 14^{-й} отдельной кавалерийской бригады. Началась погоня.

Спустя много лет бывший командир этого эскадрона, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков вспоминал:

«Преследуя банду, мы неожиданно столкнулись с двумя бронемашинами, которые выскочили из соседнего села. Мы знали, что банда не имеет броневиков, а потому и не открывали по ним огня. Однако броневики заняли выгодную позицию, повернули в нашу сторону пулеметы. Что за оказия? Послали связных. Оказалось, что это наши и в головной машине сам И. П. Уборевич. Узнав об уходе банды в направлении леса, он решил перехватить ее на пути. Хорошо, что разобрались, а то могло бы плохо кончиться»³⁴.

Последовавшая затем попытка бронемашин Уборевича и эскадрона Жукова найти ускользнувших мятежников окончилась ничем.

Как выяснилось позже, в ночь на 8 июня Антонов с братом и несколькими ближайшими сподвижниками тайком от остальных мятежников покинул Чутановский лес и исчез в неизвестном направлении. Сам факт и необычные обстоятельства бегства Антонова, впервые оставившего рядовых повстанцев без каких-либо указаний на будущее, однозначно свидетельствовал о том, что «2^{-й} партизанской армии Тамбовского края» больше не существовало.

10 июня сводная группа Уборевича была расформирована, а входившим в ее состав кавбригадам и автобронепоездам предоставлялся кратковременный отдых⁵.

Однако уже 12 июня командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский отдал приказ о формировании новой, так называемой «Особой сводной группы», во главе которой был опять поставлен И. П. Уборевич. В состав этой группы войск вошли две кавалерийские бригады (Г. И. Котовского и 14^{-я} отдельная) и три автобронепоезда (№ 1, № 21 и № 52). На этот раз перед Уборевичем ставилась задача уничтожить группировавшиеся в районе Каменки четыре полка 1^{-й} повстанческой армии (1^{-й} Каменский, 5^{-й} Пановский, 7^{-й} Тамбовский и 20^{-й} Особый), а также находившиеся по соседству с ними два уцелевших полка 2^{-й} армии (9^{-й} Семеновский и 16^{-й} Золотовский)⁶.

К вечеру 12 июня обе кавбригады красных уже заняли исходные для нанесения будущего удара пункты: Никольское – Ржакса (14^{-я} отдельная кавбригада под командованием только что назначенного комбригом Михаила Прокофьевича Ковалева) и Уварово (отдельная кавбригада Г. И. Котовского).

Весь этот вечер Григорий Иванович провел в уваровском клубе, где сначала смотрел спектакль местного драмкружка, а потом, когда начались танцы, сразил всех присутствующих лихим отплясыванием «барыни»⁷. А на рассвете 13 июня его заместитель и одновременно командир 2^{-го} кавполка бригады Николай Николаевич Криворучко не менее лихо осуществил внезапный налет на «родовое гнездо» 9^{-го} Семеновского полка антоновцев – село Семеновку, где изрубил до сотни мятежников и захватил два пулемета. Остатки Семеновского полка бежали в северном направлении и вскоре соединились с 16^{-м} Золотовским полком, тем самым окончательно потеряв всякое взаимодействие с повстанцами Каменского района⁸.

В отличие от кавбригад, автобронепоезда сильно задержались и прибыли в назначенный им пункт сбора – железнодорожную станцию Сампур – лишь к вечеру 14 июня. А к ночи кольцо советских войск плотно сомкнулось вокруг Каменского района. С севера и юга выходы из него блокировали шесть полков 10^{-й} стрелковой дивизии Федора Петровича Кауфельдта. С востока на Каменку нацелились кавбригады Г. И. Котовского и М. П. Ковалева, а с запада – три автобронепоезда.

На рассвете 15 июня красные решительно атаковали район Каменки. Но, как это не раз случалось в истории антоновщины, повстанцев там не оказалось. Лишь к 10 часам утра удалось выяснить, что противник в составе четырех полков под общим командованием некоего Константина Васильевича Машкова еще в ночь на 14 июня скрытно покинул занимаемый район и двинулся на юг, в Борисоглебский уезд. Не вдаваясь здесь в подробности, заметим лишь, что главная вина за то, что красные так позорно «проморгали» уход антоновцев из района Каменки, лежит на Г. И. Котовском, которому командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский лично поручил наблюдение за всеми передвижениями мятежников.

Несмотря на наличие огромного, протяженностью в шесть километров обоза с семьями повстанцев, Машкову удалось каким-то образом проскользнуть без единого выстрела между блокировавшими Каменский район с юга двумя полками 10^{-й} стрелковой дивизии и утром 14 июня также безнаказанно перейти у станции Терновка железнодорожную ветку Грязи – Поворино. К вечеру этого же дня повстанческое соединение Машкова (1 500 сабель при 4 пулеметах) остано-

¹ РГВА. Ф. 32002, Оп. 1, Д. 1, Л. 46.

² Там же, Д. 4, Л. 40.

³ Кто знает, может быть при написании этих строк старому маршалу вспомнился и погожий весенний день 10 марта 1921 года, когда недалеко от Уварово красноезвездный аэроплан долго гонялся за их 1^{-м} кавполком, очевидно, приняв его за антоновский, и улетел только полностью израсходовав свой боезапас (РГВА. Ф. 8159, Оп. 1, Д. 8, Л. 9). Кстати сказать, это был всего лишь один из 465-ти боевых самолетов-вылетов, совершенных так называемыми «Военно-воздушными силами войск Тамбовской губернии» за все время борьбы с антоновщиной (*Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия* (2-е изд.). М., 1987, С. 21).

⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970, С. 68.

⁵ РГВА. Ф. 32002, Оп. 1, Д. 5, Л. 35.

⁶ Там же, Д. 6, Л. 3.

⁷ Культурное строительство в Тамбовской губернии (1918–1928). Сборник документов и материалов. Воронеж, 1983, С. 110–111.

⁸ РГВА. Ф. 32002, Оп. 1, Д. 7, Л. 2.

лось на ночлег в последнем тамбовском селе Костино-Отделец¹. Далее простиралась узкая полоска Новохоперского уезда Воронежской губернии, отделявшая Тамбовщину от недавно образованной Царицынской губернии, куда и держали свой путь антоновцы.

Узнав об этом, Уборевич лишь в одиннадцатом часу утра 15 июня с двадцатью боевыми машинами из всех трех бронеполков устремился в погоню за перехитрившим его Машковым. Вслед за бронемашинами выступила и конница Особой сводной группы. Но кавбригады не могли угнаться за автомобилями и сразу же начали отставать.

Догнать в тот день Машкова не удалось, и с утра 16 июня Уборевич продолжил преследование антоновцев силами одних бронеполков. Около шести часов вечера бронеполки настигли повстанцев в Васильевке (Поспеловке), что у слияния рек Карачан и Хопер. Появление бронемашин застало антоновцев в самый неподходящий момент: они только что начали переправу своего гигантского обоза с семьями на левый, поросший густым лесом берег Хопра.

После первых же пулеметных очередей, выпущенных ворвавшимися в село броневиками, на переправе началась невообразимая паника. Отчаянная попытка арьергарда антоновцев во главе с К. В. Машковым сдержать напор бронемашин успеха не имела. Через полчаса, потеряв до 150 человек убитыми и ранеными, бросив обоз и последние четыре пулемета, повстанцы беспорядочными толпами бросились к Хопру, ища спасения на другом берегу.

В вечерних сумерках около 1 200 антоновцев собрались в лесу за Хопром. Ввиду того, что сраженный пулеметной очередью Машков остался лежать в Васильевке², общее командование повстанцами принял на себя командир 1го Каменского полка Александр Васильевич Богуславский, который тут же объявил собравшимся о своем решении продолжать движение на юг.

В 4 часа утра 17 июня антоновцы перешли у станции Калмык железнодорожную ветку Лиски – Поворино и взяли курс на станцию Урюпинскую. Но уже около 10 часов утра у хутора Мохового (25 километров севернее Урюпинской) их настиг и атаковал бронеполк № 52. Вскоре к месту схватки подоспели и два других автобронеполка. А в результате состоявшегося затем шестичасового побоища, происходившего на совершенно открытой местности, 7^й Тамбовский и 20^й Особый повстанческие полки были почти полностью истреблены. Погибли и оба их командира – Яков Федорович Вислобоков и Федор Петрович Тюков. 1^й Каменский и 5^й Пановский полки тоже понесли большие потери, но все-таки сумели добраться до Хопра и переправиться на правый берег, тем самым оторвавшись, наконец, от преследовавших их бронемашин³.

Утром 18 июня автобронеполки возобновили поиск противника, и около полудня группа бронемашин, ведомая самим И. П. Уборевичем, обнаружила в десяти километрах севернее станции Урюпинской остатки 1го Каменского полка – не более 250 всадников.

В это же самое время, как выяснилось позже, уцелевшая часть 5го Пановского полка (около ста всадников) во главе со своим раненым накануне командиром К. И. Барановым уходила все дальше на запад от Хопра. Затем, разбившись на мелкие группы, отряд Баранова стал тайком пробираться на Тамбовщину. Далеко не все из пановцев вернулись живыми в родные села. Но и большинство из вернувшихся не захотели больше братья за оружие, а попрятались по укромным уголкам. На этом в основном и закончилась история 5го Пановского повстанческого полка. А последнюю точку в ней поставили сами бывшие мятежники, убив 7 июля 1921 года никак не желавшего «замиряться» Константина Ивановича Баранова⁴.

Судьба же антоновцев из 1го Каменского полка сложилась иначе. Окруженные в жиденьком прихоперском лесочке они, надо признать, сражались поистине с отчаянием обреченных. И неудивительно: ведь каменцам было уже известно, что всех взятых или даже сдавшихся в плен повстанцев бронеполки Уборевича все равно расстреливают после короткого допроса.

К четверем часам дня 18 июня у каменцев, зажатых бронемашинами на небольшом пятчке у Хопра, кончились патроны. Узнав об этом, экипажи остановили свои машины под охраной пулеметчиков и начали углубляться в лесок, уничтожая попадавшихся на пути антоновцев огнем из винтовок и револьверов. С каждой минутой положение мятежников становилось все более критическим. К тому же им нельзя было появиться и на хоперском берегу, так как с противоположного берега по ним сразу открывали стрельбу человек тридцать местных казаков, добровольно вызвавшихся помочь Уборевичу в разгроме антоновцев.

В пятом часу вечера около сотни еще оставшихся в живых повстанцев во главе с раненым в ногу Богуславским предприняли отчаянную попытку прорваться в конном строю сквозь цепочку въехавших в лес бронемашин и поискать спасения в чистом поле. Возможно, эта затея Богуславского и не была лишена смысла, но каменцам явно не повезло. Именно в том месте, которое они выбрали для прорыва, на их пути оказались два броневика и легковой бронеполк самого Уборевича. Встреченные шквальным пулеметным огнем в упор, антоновцы в ужасе повернули обратно и ошумело бросились в Хопер. Лишь нескольким каменцам удалось выбраться на левый берег и, избежав казачьих пуль, ускакать в поле. В числе этих счастливиц оказался и Богуславский.

Утром 19 июня И. П. Уборевич доложил М. Н. Тухачевскому, что за три дня боев бронеполками уничтожены 1^й Каменский, 5^й Пановский, 7^й Тамбовский и 20^й Особый повстанческие полки. Из 1 500 мятежников, входивших в состав этих полков, свыше тысячи убито в боях и расстреляно, а остальные – совершенно деморализованные и без патронов – рассеяны по большой территории и вылавливаются местными советскими отрядами. Сами же бронеполки потерь не понесли, если не считать двух тяжело раненых – адъютанта Уборевича и показывавшего дорогу местного милиционера⁵.

* * *

25 июня 1921 года, очевидно, пришедший окончательно в себя от недавнего ранения в голову, а главное – от оглушающего разгрома повстанческих армий, А. С. Антонов произвел реорганизацию остатков своих военных сил. Вместо двух прежних армий теперь создавалась одна – «Единая партизанская армия Тамбовского края». Последним в истории

¹ Там же, Л. 4; Д. 8, Л. 23(об.).

² Раненный, но не убитый в Васильевке К. В. Машков сумел каким-то образом скрыться с места боя и даже вернуться на Тамбовщину. Убедившись за время выздоровления в бесперспективности дальнейшей борьбы, он 28 июля 1921 года явился с повинной в соответствующие органы советской власти (РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 20).

³ Там же, Ф. 32002, Оп. 1, Д. 7, Л. 10; Д. 12, Л. 15, 15(об.).

⁴ Там же, Л. 16; Ф. 7, Оп. 2, Д. 509, Л. 46(об.).

⁵ Там же, Ф. 32002, Оп. 1, Д. 12, Л. 15(об.) - 16(об.).

антоновщины командармом был назначен бывший командир 10^{то} Волчье-Карачанского полка Иван Макарович Кузнецов, а его заместителем – командир 9^{то} Семеновского полка Петр Егорович Аверьянов. Однако единой эта армия была только на бумаге. На самом же деле она представляла собой несколько разобщенных территориально и самостоятельных в оперативном отношении вооруженных формирований, наиболее крупным из которых являлась так называемая «группа Аверьянова»¹.

В последних числах июня, выполняя приказ Антонова о создании группы, Аверьянов с превеликим трудом (был даже избит «при исполнении») собрал и подчинил себе бродившие по лесам вдоль реки Вороны остатки своего 9^{то} Семеновского полка и еще более мелкие осколки Особого полка Якова Васильевича Санфинова, уцелевшие после крайне неудачного для «особистов» боя с красными курсантами у озера Лебяжье, что в двадцати километрах севернее Уварово. Сначала остатки этих полков Аверьянов свел в один 9^{ти} особый Семеновский полк (командиром которого был назначен Кузьма Васильевич Леденев, он же «Леденец»), а затем присоединил в нему уцелевшую часть 14^{то} Нару-Тамбовского полка Ивана Сергеевича Матюхина и, наконец, 16^{ти} Золотодский полк Максима Архиповича Назарова. К 30 июня группа П. Е. Аверьянова насчитывала не менее 750 сабель и находилась в южной части Кирсановского уезда².

Второй крупной составной частью Единой партизанской армии Тамбовского края была группа самого командарма И. М. Кузнецова. Ее основным ядром стал не принимавший активного участия в июньских боях 10^{ти} Волчье-Карачанский полк Ивана Антоновича Бармина и остатки 2^{то} Борисоглебского полка Даниила Петровича Венедиктова. К 29 июня группа Кузнецова (до 500 сабель) сосредоточилась в селе Моисеево-Алабушка Борисоглебского уезда³.

Километрах в тридцати восточнее от нее активно действовал Особый повстанческий полк Ивана Максимовича Ворожищева численностью до 250 всадников.

На границе Тамбовской и Воронежской губерний, в междуречье Савалы и Вороны, практически беспрепятственно совершал нападения на создаваемые здесь ревкомы и сельсоветы 6^{ти} Савальский полк (свыше 200 человек) под командованием очень хитрого и осторожного человека – председателя Борисоглебского уездного комитета Союза трудового крестьянства Семена Алексеевича Шамова. По соседству с полком Шамова, а иногда и совместно с ним, действовал небольшой пришлый отряд П. И. Мотарыгина, состоящий из хоперских казаков⁴.

И, наконец, в южной части Тамбовского уезда, километрах в двадцати севернее железнодорожной станции Токаревка, серьезные помехи проведению советизации «своих» сел чинил 13^{ти} Битюгский полк Шандяпина⁵.

Все перечисленные военные формирования тамбовских повстанцев так или иначе (на самом деле или же только на словах) подчинялись командарму Кузнецову. А вот оперировавший по соседству с 13^{ти} Битюгским полком отряд Васьки Карася не признавал над собой никого – ни Кузнецова, ни самого Антонова. Этот отряд возник еще осенью 1920 года в селе Беломестная Двойня, что в двадцати километрах западнее Тамбова. Его главным организатором и первым командиром был местный эсер Степан Авксентьевич Попов, которого впоследствии сменил более решительный и менее «идейный» Василий Васильевич Никитин-Королев – злостный дезертир и разбойник с большой дороги по кличке Васька Карась. Под его началом этот повстанческий отряд, постепенно превращавшийся в полууголовную шайку разбойников без всякой политической окраски, придерживался ярко выраженной тактики пассивной обороны: не бесчинствовал на железных дорогах, не нападал на красноармейские части, не терроризировал налетами соседние местности, но в то же время решительно и беспощадно пресекал всякие попытки продотрядов и отрядов по борьбе с дезертирством появляться на той небольшой территории западной части Тамбовского уезда, которую отряд Карася считал «своей». Из-за отсутствия особой агрессивности в действиях Карася, а главное, из-за нехватки сил, тамбовское военное командование до поры до времени не занималось серьезно ликвидацией его отряда, но все же (ввиду его непосредственной близости к Тамбову) предприняло кое-какие меры, в результате которых шайка Карася оказалась вытесненной в восточную часть соседнего Козловского уезда, где она вскоре установила свой контроль над значительной территорией и заметно пополнилась – к весне 1921 года ее численность достигла полутора тысяч человек. Связи с антоновскими полками отряд Карася практически не имел и в совместных операциях почти не участвовал. Лишь в конце марта, узнав о мятеже кронштадтских моряков и подавшись агитации понаехавших эсеров, Карась примкнул к Антонову и во главе своего отряда, получившего в антоновской армии наименование Отдельной Козловской бригады, с месяц провоевал бок о бок с полками 2^{ти} повстанческой армии. В апрельских боях красные изрядно потрепали бригаду Карася, и к маю ее остатки возвратились в Козловский уезд. Однако прежнего спокойствия здесь Карась уже не нашел. А с образованием в конце апреля 4^{то} боевого участка советских войск, штаб которого разместился в Козлове, для отряда Карася и других, подобных ему, но более мелких отрядов Лобана (И. Я. Бучнев) и Монаха (Г. Сергеев) наступили тяжелые дни. Части 15^{ти} Сибирской кавалерийской дивизии в течение мая и июня ликвидировали отряды Лобана и Монаха (но не их самих), а также нанесли ряд чувствительных ударов по отряду Карася, вынудив его убраться за пределы 4^{то} боевого участка, то есть Козловского уезда. В начале июля Карась с тремя сотнями всадников скрывался в Воронцовском лесу, в двадцати пяти километрах южнее Тамбова⁶.

Кроме перечисленных выше шести крупных военных формирований мятежников, на Тамбовщине насчитывалось еще несколько десятков мелких повстанческих отрядов и полууголовных шаек дезертиров. По данным военной разведки красных, общая численность вооруженных мятежников к 29 июня 1921 года составляла 2 250 человек⁷.

29 июня войска Тамбовской губернии начали вторую серию последовательных операций по окончательному разгрому последних отрядов мятежников.

Первый удар, на острие которого выдвигался автобронеполк № 21, было решено нанести по отряду антоновцев, возглавляемому самим «командармом» И. М. Кузнецовым. Руководить этой операцией вызвался начальник 1^{то} (Кирсановского) боевого участка И. Ф. Федько – главный «отец» идеи использования автобронеполков против конницы мятежников. Как известно, результаты осуществления этой идеи И. П. Уборевичем превзошли все ожидания. Но двадцатитрехлет-

¹ Там же, Ф. 235, Оп. 2, Д. 311, Л. 66.

² Там же, Л. 63, 66; Д. 337, Л. 19; Ф. 32003, Оп. 1, Д. 1, Л. 97(об.).

³ Там же, Л. 63.

⁴ Там же, Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 57.

⁵ Там же, Оп. 2, Д. 293, Л. 109, 198.

⁶ Там же, Д. 308, Л. 608; Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 291.

⁷ Там же, Ф. 235, Оп. 2, Д. 337, Л. 19.

ний Иван Федько сам рвался в бой. И вот теперь, обосновывая свое право возглавить операцию против группы И. М. Кузнецова, он не без гордости писал М. Н. Тухачевскому, что мысль использовать бронемашину против антоновской кавалерии «возникла здесь, в Кирсанове, когда выяснилось, что население Кирсановского уезда от мала до велика боится автомобилей и что Антонов всегда уходит от нашей конницы»¹. 29 июня Федько с пятью машинами из бронеполка № 21 смело атаковал находившийся в Моисеево-Алабушке отряд Кузнецова. Ворвавшись в село, бронемашины открыли ураганный пулеметный огонь, стараясь выгнать мятежников из села в чистое поле и там полностью истребить. Но вопреки ожиданиям, повстанцы не стали разбегаться в панике в разные стороны, как это неоднократно бывало раньше, а заняли выгодные позиции в ключевых точках села и начали оказывать стойкое, умело организованное и на удивление грамотное сопротивление. Через час бой закончился. Потерпев явное поражение и бросив в селе три подбитые машины, Федько бесславно ретировался в Уварово. А повстанцы, быстро сняв с оставленных бронемашин пять исправных пулеметов и 30 тысяч патронов к ним, тоже покинули Моисеево-Алабушку и ушли в южном направлении². Что такое для испытывавших острейшую нехватку патронов антоновцев значил захват такого количества боеприпасов, можно судить хотя бы по следующему факту: до этого повстанцы в деревнях за 50 патронов отдавали лошадь³. На следующий день Федько уже с семью бронемашинами настиг Кузнецова у деревни Григорьевка, что на границе современных Тамбовской и Воронежской областей. Но завязавшийся бой опять протекал неудачно для красных. Подбив один броневик и сняв с него два пулемета, антоновцы организованно вышли из боя, воспользовавшись тем, что начавшийся проливной дождь резко ограничил возможность маневрирования машинами, которые вязли и застревали в разбухшем от избытка влаги черноземе.

Однако Иван Федько был из той породы людей, которые любое, пусть даже и неудачно начатое дело доводят до победного конца. Во второй половине дня 30 июня автобронеполк № 21, два полка 14^й отдельной кавбригады, два полка 10^й стрелковой дивизии и отряд из 75 милиционеров обложили со всех сторон около трехсот повстанцев Кузнецова у села Энгуразово Борисоглебского уезда. Заметавшись в поисках выхода из захлопнувшейся западни, Кузнецов все же нащупал слабое место в сжимающемся кольце красных и на стыке двух батальонов 87го стрелкового полка прорвался в сторону села Протасьево. Но встреченные здесь огнем местного гарнизона, антоновцы были вынуждены круто повернуть на запад. Постоянно преследовавшая редущий отряд Кузнецова 14^я отдельная кавбригада настигла мятежников у реки Карачан. В результате состоявшегося здесь беспощадного и кровопролитного боя повстанческая группа Кузнецова прекратила свое существование. Лишь немногим антоновцам удалось спастись бегством, но в их числе были И. М. Кузнецов и оба полковых командира – И. А. Бармин и Д. П. Венедиктов.

30 июня началась операция советских войск по разгрому повстанческой группы П. Е. Аверьянова. Основной удар поручалось нанести кавбригаде Г. И. Котовского и отряду 7^х Борисоглебских кавалерийских курсов⁴. На рассвете 1 июля котовцы, двигаясь с запада, а курсанты – с востока, начали поиск противника. Но тут случилось непредвиденное. Отряд борисоглебских курсантов в 123 сабли при четырех пулеметах на подходе к деревне Федоровка-Мордва (25 километров севернее станции Ржакса) попал в тщательно подготовленную повстанцами ловушку.

Как выяснилось позднее, антоновской разведке удалось каким-то образом добыть точные сведения о времени выступления и маршруте движения курсантского отряда. Для участия в уничтожении курсантов Аверьянов стянул к месту засады не только всю свою группу, состоящую из трех полков, но и несколько мелких повстанческих отрядов из близлежащих сел. Непосредственное руководство операцией он поручил своему заместителю, командиру 14го Наро-Тамбовского полка Ивану Сергеевичу Матюхину, который хорошо знал местность и в командирский талант которого еще верили многие рядовые повстанцы. Не последняя роль в предстоящей драме отводилась и командиру 16го Золотовского полка Максиму Архиповичу Назарову, являвшемуся, кстати, уроженцем этой самой деревни Федоровка-Мордва.

Именно Назаров во главе своего полка, экипированного в одинаковое новенькое кожаное обмундирование, встретил у Федоровки-Мордвы двигавшихся строго по предписанному маршруту борисоглебских курсантов. Пока остановившиеся в отдалении курсанты выясняли, что за диковинный отряд стоит перед ними, другие подразделения антоновцев из группы Аверьянова, воспользовавшись сильно пересеченной балками и оврагами местностью, завершили окружение курсантского отряда, открыли огонь и пошли в атаку.

Прекрасно обученные курсанты (7^е Борисоглебские кавкурсы считались лучшим кавалерийским военно-учебным заведением в Красной армии) сражались с исключительным мужеством, однако затянувшийся бой грозил окончиться полным истреблением их небольшого отряда. Спасло то, что в последний момент на помощь подоспел 2^й кавполк бригады Котовского, обративший мятежников в бегство. И хотя под Федоровкой-Мордвой отряд борисоглебских курсантов понес немалый урон (каждый третий погиб, а большинство из оставшихся в живых были ранены), потери антоновцев оказались еще большими: только убитых насчитывалось свыше двухсот человек. К тому же бросившийся в погоню кавполк котовцев настиг и изрубил у Золотовки еще около сотни повстанцев из 16го Золотовского полка. А окончательно группа Аверьянова прекратила существование 7 июля, когда бригада Котовского захватила ее врасплох в пятнадцати километрах юго-восточнее станции Сампур⁵.

4 июля несколько красноармейских частей во главе с начальником штаба войск Тамбовской губернии Н. Е. Какуриным приступили к ликвидации отряда Васьки Караса. Уже к вечеру 7 июля, после ряда боев в районе Воронцовского леса, отряд Караса был в основном уничтожен: из трехсот человек 226 были убиты, а 14 попали в плен. Остатки карасевского отряда бежали в Козловский уезд, где вскоре получили еще один уничтожающий удар от бойцов 15^й Сибирской кавалерийской дивизии Николая Дмитриевича Томина. Самого же Ваську Караса с его последними отрядниками красные кавалеристы настигли 18 июля уже в Усманском уезде, недалеко от станции Княжая Байгора (15 километров юго-восточнее узловой станции Грязи). Во время погони под Карасем убили коня, но сдаваться он не стал, а побежал по полю, отстреливаясь из маузера и непрерывно крича во всю глотку: «Васька Карась не сдастся! Васька Карась не сдастся!». Но в самый критический момент его маузер дал две осечки подряд, а третий раз нажать на спусковой крючок Карась не успел: красноар-

¹ Там же, Оп. 5, Д. 26, Л. 55.

² Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 535, Л. 78.

³ «Исторический архив», № 4. 1962, С. 204.

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 26, Л. 84, 84(об.), 88 - 89.

⁵ Самошкин В. Указ. соч., С. 124 - 127; Г. И. Котовский. Документы и материалы. Кишинев, 1956, С. 47.

мейский клинок молнией ударил в его бесшабашную голову¹.

11 июля сводный кавалерийский полк под командованием бывшего комбрига (и будущего начдива 15^{-й} Сибирской) В. И. Дмитриенко в пух и прах разгромил 13^{-й} Битюгский повстанческий полк Шандяпина. Сам Шандяпин, потеряв в бою коня и оказавшись в безвыходном положении, застрелился на глазах у собиравшегося зарубить его Варфоломея Ивановича Дмитриенко².

14 июля у села Верхний Шибряй Борисоглебского уезда кавалеристы 14^{-й} отдельной бригады почти целиком уничтожили Особый повстанческий полк Ивана Максимовича Ворожищева. Правда, самому Ворожищеву, его заместителю Михаилу Антоновичу Канищеву и нескольким рядовым повстанцам удалось оторваться от преследования и скрыться³.

Из всех шести проведенных в конце июня – первой половине июля 1921 года войсковых операций по разгрому последних крупных отрядов мятежников лишь одна не закончилась явной победой, одержанной на поле боя. Это – начатая 8 июля операция по уничтожению 6^{-го} Савальскро полка под командованием Семена Алексеевича Шамова, активно действовавшего на границе Борисоглебского и Новохоперского уездов. 2 июля Шамов даже попытался захватить в лесу у станции Терновка бронепоезд № 121. Специально созданный для борьбы с Шамовым сводный отряд красных под командованием начальника разведки 3^{-го} (Борисоглебского) боевого участка Михаила Васильевича Никольского никак не мог настичь Шамова в чистом поле, чтобы разом покончить с ним. А происходившие иногда стычки в лесах нужного результата не давали. И все же усилия красноармейцев отряда Никольского не пропали даром. В середине июля полк Шамова стал распадаться на мелкие группы, которые уже не представляли собой серьезной и организованной силы⁴.

И, наконец, наступило 20 июля – день, который можно считать (с известной долей условности, разумеется) днем завершения разгрома антоновщины. И дело здесь вовсе не в том, что именно 20 июля Г. И. Котовский провел свою знаменитую военно-чекистскую операцию по уничтожению отряда И. С. Матюхина, попытавшегося собрать вокруг себя остатки нескольких разбитых повстанческих полков.

Самое главное заключается в том, что к 20 июля 1921 года на всей территории мятежной части Тамбовщины завершилось восстановление низовых органов советской власти. К этому же времени местное крестьянство окончательно отшатнулось от Антонова и даже включилось в борьбу с нежелавшими сдаваться мятежниками. Но добиться этого перелома в настроении тамбовского мужика, почти год жившего в кошмарных условиях безвластия и самой настоящей гражданской войны, было очень и очень непросто.

* * *

Семья Абрам	60	в Духов.
Семья Антон	45	на место
Семья Григорий	15	в Духов.
" " Абрам	12	на место
Семья Григорий	14	в Духов.
" " Николай	12	на место
" " Григорий	6	" "
" " Михаил	4	" "
Семья Семён	60	на место
Семья Савва	30	" "
Семья Иван	18	" "
Семья Давид	14	" "
" " Александр	4	" "
Семья Иван	23	в Красной
Семья Абрам	40	на место
Семья Михаил	40	" "
Семья Александр	23	" "
Семья Антон	4	" "
" " Григорий	2	" "

Списки семей «бандитов»

Еще с 1 июня, сразу вслед за начавшимися военными операциями по разгрому главных сил Антонова, в селах Тамбовщины развернулась широкомасштабная и планомерная работа по восстановлению местных органов советской власти. Наряду с этим большое внимание уделялось «чистке» сел и их окрестностей от скрывавшихся мятежников и полному изъятию имевшегося у населения оружия. Без успешного осуществления этих мер создать устойчивую советскую власть на местах было просто невозможно.

Поначалу большинство местного населения отнеслось к операциям по «чистке» крайне отрицательно и оказывало молчаливое, но упорное противодействие, не давая никаких сведений о местонахождении антоновцев, их семей и домашнего имущества, отданного на сохранение соседям или другим односельчанам. И все же «чистка» продолжалась с неуклонной методичностью, по следующей, примерно, схеме.

Намеченное для «чистки» село сначала занималось сильным красноармейским отрядом, возглавляемым так называемой «политтройкой». Затем на спешно созванном в добровольно-принудительном порядке сходе всего взрослого населения зачитывались приказ № 130 командующего войсками губернии и постановление Полномочной комиссии ВЦИК от 12 мая 1921 года об аресте семей несдающихся мятежников и о последующей их высылке на Север, если в течение двух недель сам мятежник не явится с повинной. После зачтения этих зловещих документов, присутствующим на сходе категорически предлагалось тут же выдать всех родственников и односельчан, находящихся или находившихся ранее в антоновских полках, повстанческой милиции, отрядах сельской самообороны и различных комитетах Союза трудового крестьянства (СТК).

Комиссар 10^{-й} стрелковой дивизии и одновременно председатель политкомиссии 3^{-го} боевого участка Михаил Иванович Фиалковский так описывал в своем докладе Полномочной комиссии ВЦИК ход операции по «чистке» сел в период со 2 по 13 июня 1921 года:

«С первых же дней производства операций отмечалось:

¹ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 20; Д. 509, Л. 46(об.).

² Там же, Л. 44.

³ Там же, Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 57.

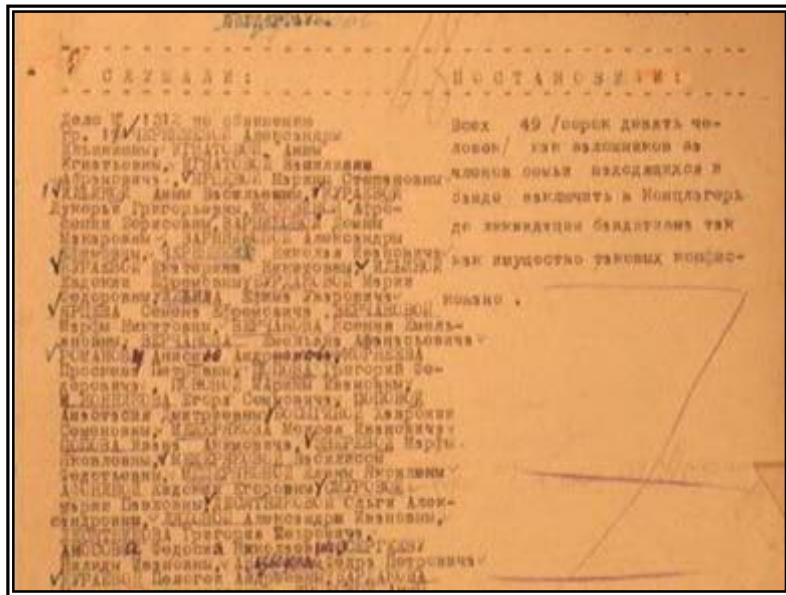
⁴ Там же, Оп. 5, Д. 26, Л. 89.

1. Массовое бегство семей бандитов, причем имущество расплылось (зарывалось в землю, бралось с собой, раздавалось односельчанам и родственникам). Зачастую оставались одни голые стены на попечение дряхлых стариков.
2. Списки населения в большинстве случаев отсутствовали или были уничтожены бандитами; добровольных сведений крестьяне, из-за боязни мести бандитов, в большинстве случаев не давали. Были случаи арестов целых сходов за отказ выдать бандитов.
3. Оружие в большинстве случаев, несмотря на тщательные обыски, обнаруживать не удавалось.

Отношение населения к проведению операций было самое разнообразное, начиная с резко враждебного и кончая самым положительным; в большинстве же случаев крестьянство относилось к операциям осторожно, выжидательно, упорно замалчивая все, что относилось к бандитизму. Как усматривается из всех донесений, крестьянство замучено, разорено, перебито, боится представителей Советской власти, кровавой расправы со стороны бандитов. Кроме того, крестьянство изнурено нашими и бандитскими постоями и тяжелой подводной повинностью.

На бандитов проведение операций подействовало ошеломляющим образом. Распад и развал среди банд замечался с первых дней проведения операций. Главари и руководители пытались парализовать действие приказа № 130 своими аналогичными мерами. В районе Туголуково был расклеен приказ Богуславского о явке к нему всех демобилизованных красноармейцев, а также всех бежавших из банд. В Токаревском районе распространялся циркуляр губкома СТК от 5 июня о применении террора к семьям коммунистов, красноармейцев и совслужащих. В Токаревском же районе банды подбивали граждан выносить приговоры с ходатайством перед красным командованием о прекращении взятия заложников, угрожая учинить кровавую расправу в случае отказа. Свои угрозы бандиты отчасти приводили в исполнение, и в уполиткомиссии к 15 июня было зарегистрировано 15 случаев убийства семей красноармейцев, кроме многих случаев порки и избиения. Наряду с этим бандитами распространялись слухи о восстании по всей Советской республике, о переходе армии Буденного на сторону повстанцев-партизан, о войне с Японией и т. д.

Войсковые части, оккупирующие районы, в отношении продовольствия и обмундирования находились в неудовлетворительном состоянии. Так же неудовлетворительно было санитарное состояние: не было белья, медикаментов и медперсонала. Несмотря на это, боеспособность частей была хорошая, красноармейцы горели ненавистью к бандитам и стремились как можно быстрее уничтожить бандитизм. Мародерства и грабежей со стороны войсковых частей, за исключением редких единичных случаев, не замечалось. Уполиткомиссией издан приказ ревкомом: немедленно сообщать о всех случаях грабежей и насилия; таких донесений пока не поступало. После операций практикуется осмотр вещей у красноармейцев и комсостава в присутствии представителей Особого отдела»¹.

Постановление о заключении заложников в концентрационный лагерь

убликовала свой жутковатый приказ № 171, который спустя несколько дней каждый тамбовский крестьянин знал уже наизусть. Этот приказ, подписанный председателем Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антоновым-Овсенко, командующим войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевским, председателем Тамбовского губисполкома А. С. Лавровым и секретарем губкома РКП(б) Б. А. Васильевым, гласил:

«Начиная с 1 июня, решительная борьба с бандитизмом дает быстрое успокоение края.

Советская власть последовательно восстанавливается, и трудовое крестьянство переходит к мирному и спокойному труду.

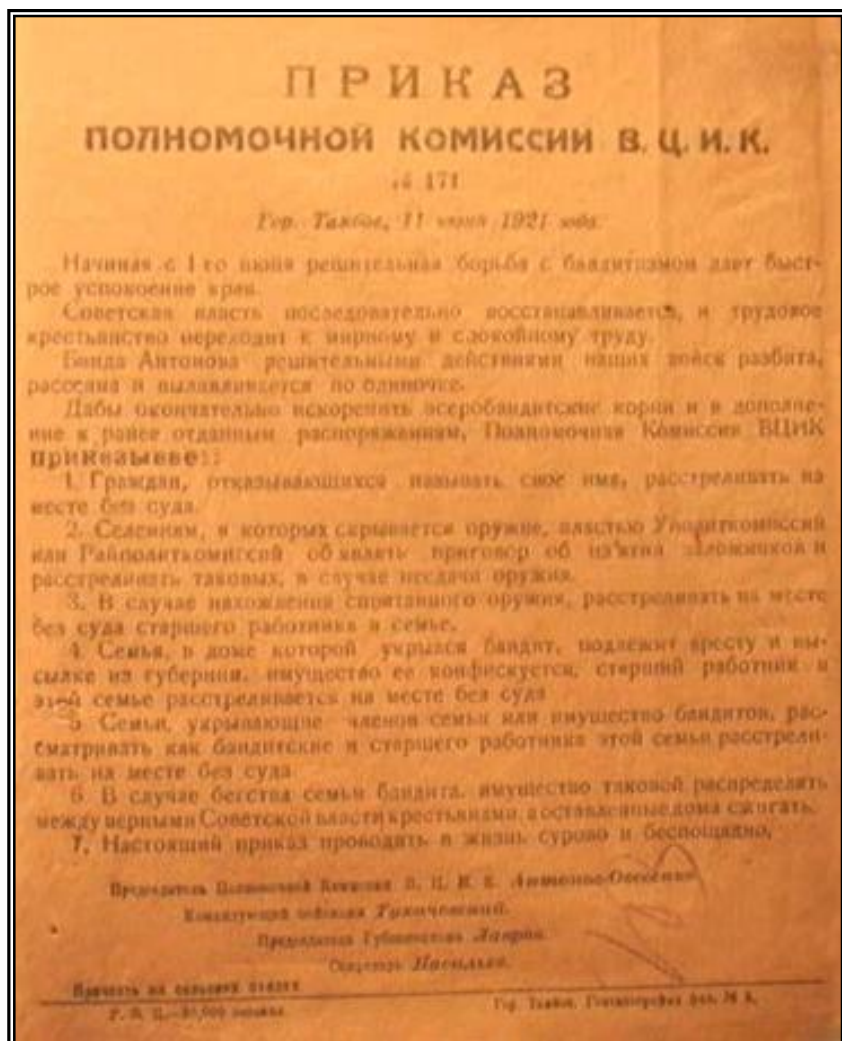
Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке.

Дабы окончательно искоренить эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее изданным распоряжениям, Полномочная комиссия ВЦИК приказывает:

1. Граждан, отказывающихся назвать свое имя, расстреливать на месте без суда.
2. Селениям, в которых скрывается оружие, властью уполиткомиссий и райполиткомиссий объявлять приказы об изъятии заложников и расстреливать таковых в случае несдачи оружия.
3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

¹ Там же, Л. 56, 56(об.).

4. Семья, в доме которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество ее конфискуется, старший работник в семье расстреливается на месте без суда.
5. Семьи, укрывающие членов семьи или имущество бандитов, рассматривать как бандитские и старшего работника этой семьи расстреливать на месте без суда.
6. В случае бегства семьи бандита, имущество таковой распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома разбирать или сжигать.
7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно»¹.

Что здесь можно сказать или добавить? Вероятно, только то, что еще 12 мая М. Н. Тухачевский в своей «Инструкции по искоренению бандитизма» категорически потребовал от подчиненных ему войск, органов ЧК и милиции:

«...

1. Никогда не делать невыполнимых угроз.
2. Раз сделанные угрозы неуклонно до жестокости проводить в жизнь до конца»².

Население же мятежных уездов, не знавшее, естественно, о существовании этих грозных пунктов секретной «Инструкции» Тухачевского и наивно полагавшее, что все самые крутые меры карательной политики с лихвой испробованы на нем еще осенью 1920 года, просто-напросто не поверило, что тамбовские власти теперь отважатся «проводить в жизнь», да еще «сурово и беспощадно», приказ № 171.

Но Полномочная комиссия ВЦИК не шутила, и вскоре с мест стали поступать первые донесения от так называемых «политпятерок», которые непосредственно руководили проведением «чисток» уже по приказу № 171. Вот пара типичных таких донесений.

«26 июня при занятии с. Туголуково особо организованной политпятеркой были взяты заложники и населению предложено немедленно выдать бандитов и оружие. По истечении двухчасового срока на глазах населения было расстреляно 5 заложников. Расстрел произвел на население сильнейшее впечатление, крестьянство приступило немедленно к выдаче бандитов и оружия. За 2 дня, 26 и 27 июня, явилось

добровольно бандитов без оружия – 231, с оружием – 8, дезертиров – 99, выдано населением бандитов – 68, дезертиров – 88. При содействии населения была устроена засада, в которую попал и был убит известный бандитский главарь Богуславский»³⁴.

«27 июня по занятии дер. Остроуховка Васильевской волости (Тамбовского уезда – В. С.) организованной пятеркой объявлено населению о сдаче оружия и выдаче бандитов, взято 30 заложников. В 19 часов за неисполнение приказа о сдаче оружия расстреляно 10 заложников. Расстрел произвел на граждан ошеломляющее впечатление. Все крестьяне в один голос заявили, что пойдут всем селом и представят все оружие; немедленно было выдано 5 бандитов. Операция продолжается. Крестьяне проявляют усердие в поисках оружия и бандитов»⁵.

Однако отнюдь не все села, где «проводился в жизнь» приказ № 171, так быстро, то есть после расстрела первой же партии заложников, осознавали поистине жизненную необходимость тут же встать на сторону красных. Так, например, в Борисоглебском уезде, в деревне Андриановке для этого «осознания» потребовался расстрел, в два захода, 16 заложников, а в соседней Кулябовке – даже трех партий заложников (всего 23 человека)⁶.

Беспощадное выполнение приказа № 171, надо признать, быстро достигло своей цели: местное население, начавшее выдавать скрывавшихся антоновцев, невольно оказалось втянутым в борьбу с остатками разбитых повстанческих полков. Ибо те из крестьян, кто сознательно или же под страхом расстрела взятых заложниками родственников принимал участие в выдаче мятежников-односельчан, а также те, кто добровольно или под принуждением брал себе домашнее имущество, скот и сельхозинвентарь сбежавших или высланных на Север семей несдавших антоновцев, были вынуждены теперь

¹ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1033, Л. 3.

² ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 541.

³ Вместе с А. В. Богуславским были убиты бывший начальник штаба 1-й антоновской армии И. А. Губарев и еще трое мятежников (ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 668, 686).

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 57.

⁵ ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 158, Л. 668.

⁶ Там же, Л. 736, 738.

как-то защищать себя, свои дома и семьи от неизбежных попыток мести со стороны уцелевших и зверевших буквально на глазах мятежников.

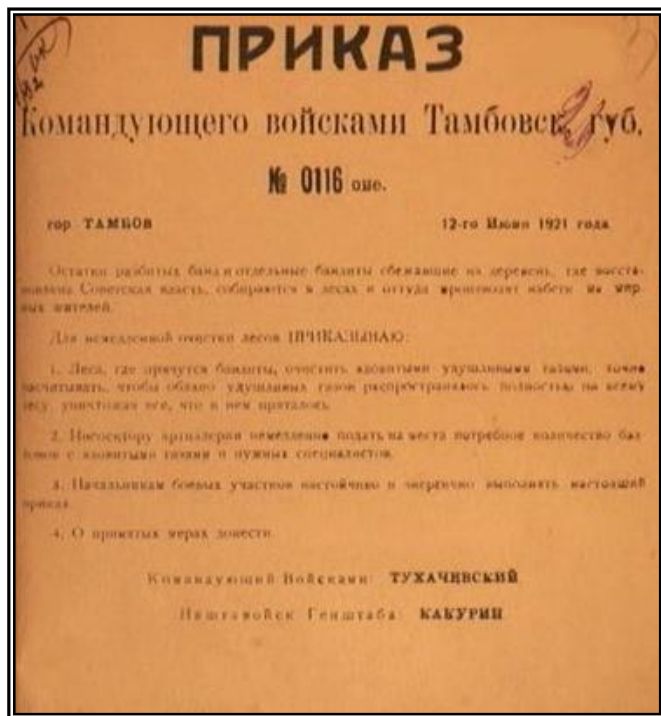
Отметим здесь, что Полномочная комиссия ВЦИК весьма оперативно учла это новое обстоятельство и, чтобы еще более отдалить население тамбовских сел от последних мятежников, издала 17 июня приказ № 178, в котором под страхом сурового наказания потребовала от населения создать отряды самообороны и не пускать антоновцев в свои села. «В случае появления банд и налета их на населенные пункты, – говорилось в приказе № 178, – местное население обязано оказать сопротивление, уничтожая бандитов всеми возможными средствами и немедленно сообщая об их появлении в ближайшую войсковую часть или ревком. Неоказание сопротивления бандитам и несвоевременное сообщение о появлении таковых ... будет рассматриваться как сообщничество с бандитами, со всеми вытекающими отсюда последствиями»¹.

И этот приказ Полномочной комиссии ВЦИК также дал скорые результаты. Например, в той же Кулябовке, где 4 июля за отказ выдать мятежников-односельчан красные расстреляли 23 заложника, отряд самообороны был создан по инициативе самих жителей и уже 11 и 12 июля успешно отразил две попытки Особого полка И. М. Ворожищева занять село².

Вот таким образом местное население втягивалось в вооруженную борьбу с последними группами антоновцев.

Разумеется, не бездействовали и красноармейские части. Во всех районах вслед за разгромом крупных отрядов мятежников тут же начинались планомерные войсковые операции по прочесыванию лесов, оврагов и прочих мест, где могли скрываться антоновцы. Правда, сначала эти операции давали крайне скудные результаты. Но по мере накопления опыта у красноармейских частей, а также с получением все более ощутимой помощи со стороны местного населения, дело заметно пошло на лад. К тому же операции по прочесыванию труднопроходимых лесов стали предваряться массированными артиллерийскими обстрелами по площадям и бомбардировками с воздуха. И хотя эти артобстрелы и бомбардировки не наносили сколько-нибудь значительного урона противнику, деморализующее воздействие их на повстанцев было достаточно велико.

12 июня в целях быстрейшего «выкуривания» антоновцев из заболоченных лесов по берегам реки Вороны командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский издал свой бесчеловечный оперативно-секретный приказ № 0116:

«Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.
4. О принятых мерах донести»³.

Чуть позднее Тухачевский к этому приказу добавил еще один пункт: «Во всех операциях с применением удушливого газа надлежит провести исчерпывающие мероприятия по спасению находящегося в сфере действия газов скота»⁴.

19 июня 1921 года в Москве состоялось заседание Центральной межведомственной комиссией по борьбе с бандитизмом. Заседание вел заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. М. Склянский. Со своими соображениями по

обсуждаемым вопросам выступили Главком С. С. Каменев и председатель Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии В. А. Антонов-Овсеенко. Принятое совещанием решение, в частности, гласило: «Предложить Тамбовскому командованию к газовым атакам прибегать с величайшей осторожностью, с достаточной технической подготовкой и только в случаях полной обеспеченности успеха»⁵. На следующий день, 20 июня, первый помощник начальника Штаба Красной армии Борис Михайлович Шапошников (будущий Маршал Советского Союза) телеграфировал в Тамбов Тухачевскому:

«Главком приказал срочно выслать в распоряжение Тамбовского губернского командования 5 химических команд с соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков»⁶.

24 июня инспектор (начальник) артиллерии войск Тамбовской губернии С. Касинов в своем рапорте Тухачевскому писал:

«Относительно применения газов в Москве я выяснил следующее: наряд на 2 000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му – 100. Инструкцию для применения представляю на Ваше рассмотрение, после чего разошлю ее начальникам артиллерии участков».

Вот эта инструкция.

¹ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1033, Л. 2.

² РГВА. Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 57.

³ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 943, Л. 3.

⁴ РГВА. Ф. 32002, Оп. 1, Д. 12, Л. 6.

⁵ Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 495, Л. 42.

⁶ «Российская газета». 1994, 29 июня.

«Для сведения и руководства объявляю краткие указания о применении химических снарядов.

1. Химические снаряды применяются в тех случаях, когда газобаллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например: при полном отсутствии или слабом ветре и если противник засел в лесах и в местах труднодоступных для газов.
2. Химические снаряды разделяются на 2 типа: удушающие и отравляющие.
3. Быстродействующие снаряды употребляются для немедленного воздействия на противника, испаряются через 5 минут.
Медленно действующие употребляются для создания непроходимой зоны, для устранения возможности отступления противника, испаряются через 15 минут.
4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт, т. к. снаряды, попадая в мягкую почву, не разрываются и никакого действия не производят. Местность для применения лучше закрытая, поросшая густым лесом. При сильном ветре, а также в жаркую погоду стрельба становится недействительной.
5. Стрельбу желательно вести ночью. Одиночных выстрелов делать не стоит, т. к. не создается газовой атмосферы.
6. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всей батареей). Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снаряда 20 – 25 квадратных шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде и в случае, если до противника не более 300 – 400 шагов и ветер в нашу сторону.
7. Весь личный состав батарей должен быть снабжен противогазами¹.

На сегодняшний день известно несколько документально зафиксированных фактов применения газов против антоновцев, скрывавшихся в лесах и болотах по берегам реки Вороны. Однако, как выясняется, во всех этих случаях стрельба химическими снарядами велась совершенно вопреки вышеприведенной инструкции, то есть исключительно в страшную жару и по сильно заболоченной местности. Одним словом, антоновцы так и не поняли, сколь страшное оружие было применено против них.

* * *

К середине июля 1921 года под воздействием множества самых различных факторов тамбовское крестьянство окончательно приняло сторону советской власти. Под влиянием такой позиции местного населения началась массовая сдача в плен антоновцев, скрывавшихся до этого по лесам и болотам. Так, 6 июля в селе Козьмодемьянское Кирсановского уезда организовано и с оружием сдались на милость советской власти остатки Особого повстанческого полка во главе со своим командиром Я. В. Санфирковым². А не желавших сдаваться мятежников выдавали властям сами крестьяне. Именно с помощью местного населения 1^{-й} кавалерийский полк Н. А. Переведенцева провел 22 – 26 июня в районе Каменки успешную операцию по ликвидации губкома Союза трудового крестьянства. В результате этой операции были пойманы 8 членов губкома, а около семидесяти других работников аппарата губкома СТК попали в плен или были убиты при задержании³. Жители той же Каменки указали и место лесной землянки у хутора Журавлиная Вершина, где скрывался главный идеолог антоновщины, председатель Тамбовского губкома партии правых эсеров Григорий Наумович Плужников (убит вместе со своим сыном при задержании 11-го, а по другим данным – 12 июля)⁴. А еще раньше, скорее всего 22 июня, в результате удачной совместной операции московских, воронежских и тамбовских чекистов в Москве был арестован и 26 июня расстрелян председатель Тамбовского губкома СТК Иван Егорович Ишин.

К 15 июля 1921 года общая численность мятежников в Тамбовской губернии сократилась, по сравнению с численностью на 1 мая, в семнадцать с половиной раз и составила около 1 200 человек⁵ – совершенно деморализованных, голодных, почти без патронов и разбросанных мелкими группами по огромной территории. Держать и дальше для борьбы с ними на вконец разоренной Тамбовщине 120-тысячную группировку отборных частей регулярной Красной армии и внутренних войск становилось бессмысленным, ибо воевать, по существу, было уже не с кем.

16 июля командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский писал в докладной записке на имя В. И. Ленина:

«В результате методически проведенных операций на протяжении сорока дней, крестьянское восстание в Тамбовской губ. ликвидировано.

СТК разгромлен.

Советская власть восстановлена повсеместно.

...Громадное количество главарей банд уничтожено.

Крестьянство скомпрометировано в глазах бандитов и ищет от них вооруженной защиты Красной Армии.

Но вместе с тем крестьяне определенно не верят в искренность декрета о продналоге. Среди них ходят слухи о том, что к осени наши войска будут выведены из Тамбовской губ. и тогда бандиты вновь начнут действия и, наконец, кое-где еще сидят волостные комитеты СТК.

Ввиду этого я считаю необходимым проведение нижеследующих мероприятий:

1. Не выводить из Тамбгуб ныне действующих в ней войск в течении одного года.
2. Оставить оккупационное командование Тамбгуб по крайней мере до зимы, не увлекаясь сокращением штабов.
3. Всех коммунистов, присланных по мобилизации в Тамбгуб, закрепить за последней, а также произвести перегруппировку засидевшихся коммунистов.

¹ Там же.

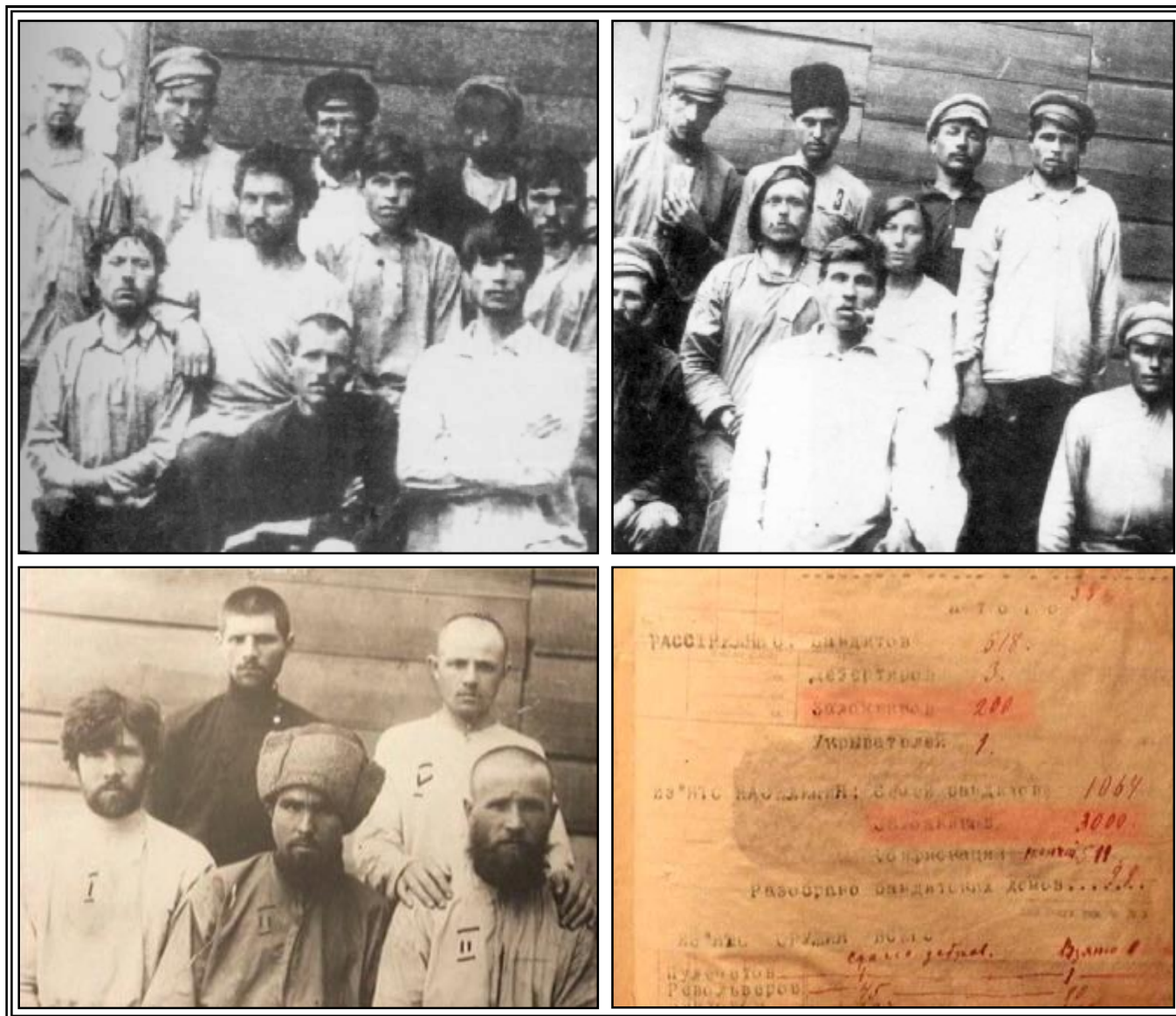
² РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 20.

³ Там же, Д. 308, Л. 506.

⁴ Там же, Ф. 7841, Оп. 1, Д. 7, Л. 18; ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 30(об.).

⁵ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 52, С. 420.

4. Не налагать на Тамбгуб никаких дополнительных продовольственных налогов»¹.

Взятые в плен повстанцы и сводка о расстрелах «бандитов», дезертиров, заложников и укрывателей

20 июля председатель Полномочной комиссии ВЦИК В. А. Антонов-Овсеенко рапортовал в ЦК РКП(б):

«Банды Антонова разгромлены... Бандиты массами сдаются, выдавая главарей. Само крестьянство окончательно отшатнулось от эсеров-бандитского предательства. Оно само вступает в решительную борьбу с разбойными шайками»².

В этот же день 20 июля 1921 года Полномочная комиссия ВЦИК, знаменуя победу над антоновщиной, известила войска и население Тамбовской губернии, что «окончательный развал эсеров-бандитизма и полное содействие в борьбе с ним со стороны крестьян позволяет Полномочной комиссии ВЦИК приостановить применение исключительных мер приказа № 171, направленных против упорствующих бандитов»³. Это постановление убедительно свидетельствовало о том, что полыхавший ровно одиннадцать месяцев Антоновский мятеж подавлен.

Наступала пора подведения итогов.

25 – 28 июля в Тамбове проходила 1^{-я} общепартийная конференция коммунистов войск Тамбовской губернии. С большими, достаточно содержательными и довольно правдивыми докладами о причинах возникновения антоновщины и архитрудном процессе ее подавления выступили заместитель председателя Полномочной комиссии ВЦИК, командующий войсками Тамбовской губернии М. Н. Тухачевский и начальник военно-исторического отделения штаба войск Тамбовской губернии А. С. Казаков.

В частности, Тухачевский сообщил, что за период с 28 мая по 26 июля 1921 года в Тамбовской губернии обезврежено 16 369 мятежников. Из них: в боях взято в плен 985 и убито 4 515 человек; поймано в облавах 572 человека с оружием и 4 713 без оружия; принесли добровольную явку с повинной 1 244 мятежника с оружием и 4 005 без оружия; и, наконец, явились в обмен на арестованные по приказу № 130 семьи 16 повстанцев с оружием и 319 без оружия. А всего по приказу № 130 было арестовано 1 895 семей антоновцев. Что же касается «проведения в жизнь» приказа № 171, то Тухачевский сказал лишь, что, по неполным сведениям, было расстреляно 274 заложника⁴. На самом деле, конечно, число расстрелянных заложников было значительно больше. И это объясняется не только неполнотой сведений, поступивших в Полномочную комиссию ВЦИК от участковых политкомиссий, но и тем, что некоторые командиры красноармейских частей и председатели местных ревкомов сами присваивали себе право проведения карательных акций по приказу № 171, а

¹ Архив Л. Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США, документ Т-685.

² Трифонов И. Я. Указ. соч., С. 257.

³ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 130, Л. 74.

⁴ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 6(об.).

сведений о результатах этих незаконных «мероприятий» в Полномочную комиссию ВЦИК, естественно, не представляли. Справедливости ради надо отметить, что Полномочная комиссия ВЦИК делала кое-что для прекращения подобных безобразий и даже объявила «всем предрайревкомам, командирам и комиссарам частей, что они головой отвечают за правильное проведение приказов № 130 и 171»¹.

В своем докладе на партконференции Тухачевский сообщил и о том, что за период с 28 мая по 26 июля у мятежников и местного населения отобрано 3 орудия, 34 пулемета, 2 221 винтовка и 285 револьверов. Однако, заявил М. Н. Тухачевский, еще предстояло найти по меньшей мере 4 тысячи винтовок. А говоря об уцелевших руководителях мятежа, командующий войсками Тамбовской губернии особо выделил троих – самого А. С. Антонова, его последнего командарма И. М. Кузнецова и председателя Борисоглебского уездного комитета СТК С. А. Шамова².

* * *

В августе 1921 года начался постепенный вывод частей Красной армии из пределов «успокоенной» Тамбовщины. Едва ли не первым в самом начале месяца уехал М. Н. Тухачевский. Вместо него командующим войсками Тамбовской губернии стал видный советский военачальник Михаил Карлович Левандовский. Однако в дальнейшем фактическое руководство войсками губернии находилось в руках нового начальника штаба Михаила Васильевича Молкочанова.

Список заложников

В итоге войсковых, военно-чекистских и сугубо чекистских операций, проведенных в течение двух месяцев после отмены приказа № 171, то есть в период с 21 июля по 20 сентября 1921 года, все сколько-нибудь организованные отряды мятежников были окончательно ликвидированы. Что касается командиров бывших повстанческих полков, то к 21 сентября один из них (М. А. Назаров) раненым попал в плен, другие (П. Н. Чумичев, Д. Микулин, И. И. Башкарев, И. Ф. Рыжаков, И. С. Матюхин, Монах) были убиты или сами застрелились при задержании, а третьи (А. Б. Кулдошин, Д. П. Венедиктов, И. М. Ворожищев, И. Е. Чернышев, И. А. Бармин) добровольно сложили оружие и сдались на милость советской власти³. Однако наиболее видные руководители мятежа (А. С. Антонов, И. М. Кузнецов и С. А. Шамов) продолжали оставаться на свободе, и это обстоятельство еще долго не давало покоя тамбовским чекистам.

Надо сказать, что в Тамбове никогда не жалели сил и средств, чтобы поймать или хотя бы убить эту троицу. Меры по обезвреживанию Антонова, Кузнецова и Шамова предпринима-

лись самые разнообразные: от засылки чекистов и бывших мятежников с заданием уничтожить любой ценой, до личных письменных заверений советских военачальников и высокопоставленных чекистов (М. Н. Тухачевского, уполномоченного ВЧК по Тамбовской губернии Я. Б. Левина и других) о гарантировании жизни в случае немедленного прекращения вооруженной борьбы и добровольной явки с повинной вместе со своими отрядами⁴.

Но жизнь распорядилась по другому.

В начале октября 1921 года неутомный «командарм» Кузнецов, которому в августе удалось все-таки сколотить вокруг себя отряд в 500 всадников, после нескольких поражений подряд вдруг бросил все и куда-то бесследно исчез. По слухам, ходившим тогда на Тамбовщине, Иван Кузнецов подался за границу, в Польшу, к Борису Савинкову.

А Семен Шамов, оставшийся после исчезновения Кузнецова за главного у скрывавшихся в борисоглебских лесах антоновцев, всю зиму лютовал до самой зимы. Но отряд его таял прямо на глазах. 8 декабря Шамов отпустил сдаваться последних восьмерых отрядников⁵, а сам утром 6 января 1922 года весьма странным образом угодил в руки отряда местной самообороны села Ржавец, что в тридцати километрах северо-западнее Борисоглебска⁶.

И, наконец, вечером 24 июня 1922 года в селе Нижний Шибряй (ныне Уваровского района Тамбовской области) в ходе ожесточенной, продолжавшейся два часа перестрелки с оперативной группой Тамбовского губотдела ГПУ погибли братья Александр и Дмитрий Антоновы. Тем самым в затянувшейся истории антоновщины была поставлена последняя точка.

¹ ГАВО. Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 125, Л. 32.

² РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 217, Л. 5(об.), 6(об.), 7.

³ Там же, Ф. 7, Оп. 2, Д. 485, Л. 20.

⁴ Там же, Ф. 235, Оп. 1, Д. 56, Л. 57(об.).

⁵ Там же, Ф. 7709, Оп. 1, Д. 233, Л. 5.

⁶ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. Г-15267, Л. 4.

В. САМОШКИН

АЛЕКСАНДР АНТОНОВ

(страницы биографии)

Предлагаемый вниманию читателей историко-биографический очерк является первой попыткой рассказать о жизненном пути человека, имя которого – хотим мы того или нет – навсегда останется в отечественной истории.

В документальную основу очерка легли неизвестные ранее материалы об Антонове, найденные автором в Государственном архиве Российской Федерации (бывший Центральный государственный архив Октябрьской революции), Российском государственном военно-историческом архиве (бывший Центральный государственный военно-исторический архив), Российском государственном военном архиве (бывший Центральный государственный архив Советской Армии), Центральном государственном архиве Москвы (бывший Центральный государственный исторический архив г. Москвы), Центре документации новейшей истории Тамбовской области (бывший Партийный архив Тамбовского обкома КПСС), Архиве Л. Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США, а также в государственных архивах Владимирской, Воронежской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей.

Часть первая

ПАРЕНЬ В КОСОВОРОТКЕ

Александр Степанович Антонов родился 26 июня¹ (8 июля) 1889 года в Москве, в семье отставного фельдфебеля из мещан Тамбовской губернии Степана Гавриловича Антонова и портнихи Наталии Ивановны (в девичестве Соколовой). Крещеный 30 июня в знаменитой московской церкви Преподобного Сергия Радонежского Александр был третьим ребенком в небогатой семье Антоновых. Старше его были сестры Валентина и Анна, а младше – брат Дмитрий, родившийся уже в уездном городе Кирсанове Тамбовской губернии, куда в 90-х годах переехали жить Антоновы².

Здесь Степан Гаврилович открыл небольшую слесарную мастерскую по починке домашней утвари. Однако дела его шли не ахти, и поэтому основной вклад в семейный бюджет вносила супруга, быстро приобретая в захолустном Кирсанове репутацию лучшей портнихи-модистки. Именно благодаря стараниям Наталии Ивановны, обе ее дочери-красавицы и младший сыночек ходили всегда наряженными и опрятными.

А вот Александр с самых юных лет не любил наряжаться и ходил в скромной ситцевой косоворотке, подпоясанной ремнем, и в дешевых бумажных брюках, заправленных в сапоги. Именно таким он запомнился своим одноклассникам по Кирсановскому городскому трехклассному училищу, где всех учебных дисциплин и было-то: русский язык, арифметика с геометрией, да неизбежный тогда Закон Божий³.

Трудно сказать почему, но явно неглупый Антонов учился плохо, а во 2-м классе даже умудрился остаться на второй год за неуспеваемость. В 1905 году он должен был окончить училище, но вот окончил ли – достоверно пока неизвестно. Отметим попутно, что в нашей исторической литературе, как научной, так и художественной, еще с 1922 года прочно бытует легенда о том, что Антонов, не окончив учебы, был исключен из училища за сильное хулиганство и слабую успеваемость. Причем утверждающие это пишут, что Антонова выгнали из 5-го класса реального училища⁴. Однако сейчас точно

¹ Другая дата рождения А. С. Антонова (26 июля 1889 г.), содержащаяся в одном из документов, опубликованных в сборнике «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы» (Тамбов, 1994, С. 264), не соответствуют действительности.

² Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 629, Оп. 4, Д. 651, Л. 238; Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 272, Оп. 1, Д. 1160, Л. 249; Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 235, Оп. 5, Д. 133, Л. 36.

³ ГАТО. Ф. Р-414, Оп. 1, Д. 23, Л. 20; Сборник-календарь Тамбовской губернии на 1903 год. Тамбов, 1903, С. 36.

⁴ См.: Казаков А. Партия с.-р. в Тамбовском восстании 1920 – 21 гг. М., 1922, С. 2; Донков И. П. Антоновщина: замыслы и действительность. М., 1977, С. 23 и др.

установлено, что в 1905 году в Кирсанове еще не было реального училища¹. К тому же, напомним, Антонов учился в трехклассном училище, и поэтому его никак не могли выгнать из 5-го класса.

Впрочем, как бы там ни было, факт остается фактом: 1905 году школьная пора для Антонова закончилась. О том, чем занимался Александр Антонов до конца 1907 года, известно немного. Какое-то время он работал в Кирсанове у местного хлеботорговца Милохина, затем сблизился с эсерами, вступил в их партию, перешел на нелегальное положение и якобы начал принимать участия в ограблениях («экспроприациях», «эксах») государственных учреждений и заведений (волостных правлений и казенных винных лавок), а также официальных должностных лиц (сборщиков налогов). И хотя у Кирсановской полиции не имелось на сей счет никаких конкретных доказательств, она, тем не менее, в начале 1908 года уже однозначно характеризовала Антонова как «известного грабителя» и вела – пусть и весьма пассивно – его розыск².

Любопытная деталь. Наши историки и писатели с завидным единодушием именуют Антонова «кирсановским мещанином». А ведь на самом деле он был мещанином города Тамбова. Так, например, в сугубо официальной справке Тамбовской мещанской управы от 12 декабря 1908 года говорится: «Александр Степанович Антонов принадлежит к обществу мещан г. Тамбова, рожден 26 июня 1889 года ... При получении им паспорта 6 октября 1907 года за № 2437 жительство свое показал в г. Кирсанове, Тамбово-Саратовская ул., д. Гриднева... По документам управы, под судом и следствием не состоял»³.

* * *

Общеизвестно, что Антонов был эсером, и обычно пишут, что в партию социалистов-революционеров он вступил в 1906-м или даже в 1905 году. Однако здесь, на наш взгляд, нужны некоторые уточнения и дополнения.

Фотография А. С. Антонова до ареста в 1909 г.

Дело в том, что летом 1906 года в Тамбове, в дополнение к существовавшей с 1905 года губернской организации партии эсеров, возникла так называемая «Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров». По данным тамбовских жандармов, в числе первых и наиболее активных ее членов были Александр Антонов (партийная кличка «Шурка») и Николай Киселев («Миша»). Тщившаяся выдавать себя за часть какой-то новой партии, группа «независимцев» фактически являлась спецподразделением при эсеровском губкоме и занималась в основном добычей денег и документов для партийных нужд, а при случае – и приведением в исполнение смертных приговоров, вынесенных эсерами «провинившимся» должностным лицам, провокаторам и предателям⁴.

В начале сентября 1907 года, в связи с ростом числа членов и расширением сферы деятельности, «Тамбовская группа независимых социалистов-революционеров» преобразуется в «Тамбовский союз независимых социалистов-революционеров». «Союз» не ограничивается при проведении «экссов» и других своих акций пределами Тамбовщины и все чаще переносит их на территории Саратовской и Пензенской губерний, а потому вскоре начинает именовать себя уже «Поволжским союзом независимых социалистов-революционеров»⁵.

В конце 1907-го – начале 1908 года особую активность развивает группа «независимцев», действующая в Кирсановском уезде. В состав этой группы входит и Антонов, однако всех затмевает своей сверхактивностью крестьянин деревни Тафинцево Борисоглебского уезда Алексей Матвеевич Негодяев. Стараясь загладить свою вину – растрату 300 рублей партийных денег – Негодяев совершает целый ряд дерзких «экссов», сопровождавшихся убийствами. К середине мая 1908

года за ним числилось уже не менее восьми трупов⁶. В отличие от Негодяева, Антонов проводит свои «экссы» без пролития крови и не оставляет полиции никаких улик против себя.

Длительное отсутствие серьезных доказательств участия Антонова в «эксах» и его неуловимость начинают постепенно, но не на шутку раздражать кирсановского уездного исправника (начальника уездной полиции) Терехина – человека отчаянной храбрости и к тому же весьма неглупого. В результате предпринятых им мер полицейское кольцо вокруг Антонова, чувствовавшего себя до этого в Кирсановском уезде как рыба в воде, начинает медленно, но неумолимо сжиматься. И вот, дабы не угодить в лапы полиции, Антонов вынужден в апреле 1908 года бежать в Тамбов, где его, кстати, пожелало увидеть губернское эсеровское начальство, решившее поручить «растущему» Антонову более серьезное дело и перевести его из «экспроприаторов» уездного значения в разряд боевика межгубернского (областного) масштаба⁷.

Однако, вслед за Антоновым, из Кирсанова в Тамбов пришла и полицейская «ориентировка», которую внимательно прочитали не только в Тамбовской полиции, но и в губернском жандармском управлении (ГЖУ).

Узнав о приезде Антонова, помощник (заместитель) начальника Тамбовского ГЖУ, заведующий жандармской агенту-

¹ «Тамбовский край» (Тамбов). 1908, 26 июня.

² ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1160, Л. 249; Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 97, Л. 51, 56.

³ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 4, Д. 651, Л. 206.

⁴ ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 97, Л. 178(об.); Д. 40, Л. 43; ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1279, Л. 2.

⁵ Там же, Д. 1147, Л. 146; ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 97, Л. 58(об.).

⁶ Там же, Л. 57, 58, 58(об.), 75, 75(об.); ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1147, Л. 146; «Тамбовский край». 1908, 27 мая.

⁷ ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 97, Л. 51.

рой в губернии ротмистр Петр Николаевич Чистяков 1 мая запросил кирсановского исправника о прошлых «делах» и внешних приметах Антонова. Ответ исправника был таков, что в поиск Антонова тут же включился и другой помощник начальника Тамбовского ГЖУ – заведующий жандармским розыском в губернии ротмистр Александр Николаевич Дурново¹.

Надо сказать, что начальник Тамбовского губернского жандармского управления полковник Владимир Семенович Устинов имел в лице своих заместителей Чистякова и Дурново весьма толковых и расторопных помощников. Уже к 10 мая Антонов был обнаружен и взят под скрытое, но неусыпное наблюдение жандармских филеров. В течение недели они установили, что «Румяный» (такой клички наблюдения удостоился Антонов от тамбовских шпииков) проживает в доме № 9 по 1-й Долевой (ныне К. Маркса) улице, что на пересечении ее с Тезиковской (ныне ул. Сергеева-Ценского). В этом доме Антонова навещали небезынтересные с жандармской точки зрения люди, в том числе и его товарищ по «Тамбовской группе независимых социалистов-революционеров» Николай Александрович Киселев, перешедший теперь на чисто аппаратную работу – заведование кассой «Поволжского союза независимых социалистов-революционеров». Сам же Антонов не только нанес ответные визиты многим из тех, кто приходил к нему, но и (что еще больше усилило внимание жандармов) встретился на конспиративной квартире с более видной, чем Киселев, фигурой – ответственным работником Центрального комитета эсеровской партии Иосифом Николаевичем Белоусовым².

Чтобы пресечь деятельность опасно активизировавшихся тамбовских эсеров, начальник губернского жандармского управления полковник В. С. Устинов решил провести в ночь на 22 мая обыски и аресты в Тамбове сразу по двадцати адресам. Операция прошла весьма успешно, попались почти все видные эсеры и «независимцы». В их числе оказались представитель ЦК партии эсеров И. Н. Белоусов, член Тамбовского эсеровского губкома Александр Александрович Несмелов и сам глава «Поволжского союза независимых социалистов-революционеров» – сын статского советника Август Августович Лейтен. И лишь в одном месте, в доме № 16 по улице Араповской (ныне М. Горького), где, по агентурным данным, ночевал Антонов и уже упоминавшийся Негодяев, жандармы и полиция встретили вооруженное сопротивление. Во время перестрелки в доме Негодяев смертельно ранил старшего городского Никифора Федоровича Пятова, но и сам был убит жандармским унтер-офицером Любимовым. Второй же боевик, после прибытия к месту происшествия казачьей сотни 1^{-го} Волгского полка, давшей по окнам дома два хороших залпа, сдался лично жандармскому полковнику Устинову. В своем рапорте на имя директора Департамента полиции Владимир Семенович Устинов очень красочно и подробно изложил эпизод пленения «разбойника Шурки»³. О том, что, наконец, пойман «давно разыскиваемый революционный «деятель» Александр Антонов», не замедлили протрубить и тамбовские газеты⁴.

Но каково же было удивление, а затем и вполне понятное негодование полковника Устинова, когда через две недели ему доложили, что «Румяный» – Антонов с нахальным спокойствием разгуливает по улицам Тамбова.

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Ночь с 12 на 13 июня Александр Антонов, уже вновь выслеженный тамбовскими шпииками, провел в доме № 69 по Теплой (ныне Лермонтовской) улице, в квартире Нины Феликсовны Скаржинской – недавней выпускницы Ольгинской школы при тамбовском Вознесенском женском монастыре. И хотя Антонов подлежал немедленному аресту, брать его на квартире Скаржинской и даже поблизости от дома полковник Устинов категорически запретил, так как тамбовским эсерам сразу же стало ясно, кто из них работает на жандармов. Поэтому арестовать Антонова было решено лишь после того, как он покинет квартиру и достаточно далеко отойдет от дома.

По агентурным данным, «Румяный» должен был часов в 10 утра отправиться на железнодорожный вокзал для отъезда в Кирсанов с целью создания там группы боевиков-«экспроприаторов» и проведения нескольких «эксов», а также какого-то террористического акта. Непосредственный арест Антонова поручался специально вызванной из Самары группе опытных филеров Поволжского районного охранного отделения, осуществлявшего жандармский розыск на территории девяти губерний, включая Тамбовскую.

Однако утром 13 июня Антонов так и не покинул место своего ночлега. Уже около четырех часов дня руководитель тамбовских шпииков, старший филер унтер-офицер Петр Иванович Сертаков, проходя по Теплой улице, повстречал неподалеку от дома № 69 группу самарских филеров. Их старший, унтер-офицер Романович, заявил Сертакову, что он и его люди не ели с самого утра и предложил на время обеда подменить их тамбовцами. Сертаков немедленно выполнил просьбу-приказ Романовича и с четырьмя своими филерами остался поджидать выхода «Румяного».

Едва самарцы ушли, как на улице появился Антонов и, сопровождаемый невесть откуда взявшимся недавним тамбовским семинаристом Пантелеймоном Васильевичем Светловым, направился в сторону полотна железной дороги. Сертаков и его филеры осторожно двинулись следом за ними. Тем не менее, быстро заметив слежку, Антонов, сунул правую руку в карман брюк и уже не вынимал ее оттуда.

В это время впереди, на углу Теплой и Базарной, стоял на посту городской Сергей Павлович Тихонов – участник русско-японской войны, награжденный за храбрость Георгием. Увидев двух приближавшихся молодых людей и группу следовавших за ними филеров, Тихонов заметил также, как известный ему лично старший филер Сертаков жестами показывает, что они сейчас будут брать преследуемых и желательна его помощь. Из жестов Сертакова Тихонов понял, что филеров в первую очередь интересует Антонов.

Едва молодые люди, по дуге обходя городского, поравнялись с ним, Тихонов бросился к Антонову. В тот же миг полуполуденную тишину улицы разорвали выстрелы. Это Антонов, резко выхватив револьвер, трижды выстрелил в городского, и тот мешком рухнул на землю. Как выяснилось позже, Тихонов получил ранения левой руки, правой ноги и шеи с повреждением ключицы. Однако ни одна из этих ран, ни все они вместе, не представляли никакой угрозы для жизни храброго городского.

¹ Там же.

² Там же, Л. 51, 74(об.), 84(об.), 87(об.).

³ Там же, Л. 74, 74(об.).

⁴ «Тамбовский край». 1908, 27 мая.

Явно опешив от такого поворота событий, филеры замешкались и даже не предприняли попытки тут же схватить Антонова, который, не долго думая, перемахнул через забор и зайцем побежал по огородам. Лишь упустив драгоценные секунды, шпики рванулись в погоню за ним. И совершенно забыли о Пантелеймоне Светлове, который беспрепятственно скрылся с места происшествия, и которого впоследствии жандармам и полиции так и не удалось разыскать.

Увидев, что Антонов забежал в небольшой, но очень густой сад, филеры открыли огонь по зарослям, чем быстро вынудили «Румяного» покинуть это не спасающее от пуль укрытие. Выскочив, как ужаленный, из сада, Антонов расстрелял в преследователей весь револьверный барабан – мимо! – и побежал дальше. Вслед за ним, стреляя на ходу, но тоже не попадая, устремилась вся группа филеров. На чьем-то огороде запыхавшийся Антонов сбросил с себя пиджак, в карманах которого потом нашли поддельный паспорт за номером 1559 на имя мещанина города Скопина Рязанской губернии Василия Ивановича Раузова и мешочек с тридцатью двумя револьверными патронами.

В поисках спасения Антонов забегал в несколько дворов, но тут же опять выскакивал из них. Позднее очевидцы рассказывали, что в одном дворе он успел повздорить с какой-то старухой и якобы даже отстегать ее ремнем. Наконец, уже выдыхаясь из сил, Антонов достиг большого и густого сада у Петропавловского кладбища. Все попытки филеров найти его здесь оказались тщетными.

Через час два квартала, представляющие из себя фактически сплошной сад и где мог скрываться Антонов, были оцеплены и тщательнейшим образом прочесаны прибывшими сюда казаками и усиленными нарядами полиции. Но Антонов как сквозь землю провалился.

В тот же день полиция арестовала хозяйку квартиры, в которой ночевал Антонов. Вместе с Н. Ф. Скаржинской, схваченной прямо на улице, были арестованы и находившиеся с ней в момент задержания Серафима Ефимовна Рысцова и Алексей Яковлевич Овчинников. Как быстро выяснилось, Рысцова была подругой Скаржинской еще по Ольгинской школе, а Овчинников оказался недавним выпускником тамбовского Екатерининского учительского института. Все трое побывали уже в тюрьме за принадлежность к эсеровской партии и за хранение нелегальной литературы антиправительственного содержания¹.

Стрельба в городе среди бела дня, не увенчавшаяся к тому же успехом, принесла одни неприятности жандармскому полковнику Устинову и даже самому тамбовскому губернатору Николаю Павловичу Муратову, которые были вынуждены теперь письменно объясняться перед своим петербургским начальством. Особенно в неловком положении оказался Владимир Семенович Устинов, как известно, уже отправивший победный рапорт о личной поимке Антонова во время облавы на эсеров в ночь на 22 мая. Короткое разбирательство с задержанным тогда «разбойником Шуркой», отказавшимся сразу назвать свое имя, показало, что это не Антонов, а лишь внешне похожий на него беглый административноссыльный крестьянин села Чернавки Кирсановского уезда Максим Иванович Жуликов. И хотя за Жуликовым ничего существенного не оказалось, полковник Устинов выхлопотал-таки ему 4 года ссылки в далекий Туруханский край².

14 июня 1908 года следователь по особо важным делам Тамбовского окружного суда статский советник Николай Густавович фон Арнольд начал следствие по делу о нанесении огнестрельных ранений городскому С. П. Тихонову. В августе того же года, в связи с тем, что Тамбовская губерния находилась на положении усиленной охраны, а также, ввиду особой тяжести преступления, дело было передано в прокуратуру Московского военно-окружного суда и вскоре приостановлено из-за розыска Антонова³.

ВТОРАЯ КРОВЬ

Счастливо отсидевшись 8 дней в какой-то норе в Тамбове, Антонов в полдень 21 июня без происшествий выбрался из города и направился пешком по Моршанской дороге. У пригородной Донской слободы (ныне село Донское Тамбовского района) его догнала запряженная гнедой лошадей телега, в которой сидел неизвестный ему молодой парень. Остановив подводу и узнав у парня, что тот едет к себе домой в село Пахотный Угол (40 километров северо-восточное Тамбова), Антонов представился учителем и попросил подвезти его до этого села. Возница (как выяснилось впоследствии, это был 16-летний Михаил Николаевич Савельев) не возражал.

Проехав километров двадцать, они остановились немного передохнуть и попить чаю в большом селе Горелое у знакомых парня – супругов Василия Тихоновича и Прасковьи Осиповны Мещеряковых, а затем продолжили путь по лесной дороге, ведущей в Пахотный Угол.

Отъехав километров пять от Горелого, они около 9 часов вечера проезжали через Хомутляевский лесной кордон. Здесь все и случилось.

В это время возле своего дома, выходящего фасадом на проезжую дорогу, стоял 23-летний лесной кондуктор Владимир Иванович Шипилов и разговаривал с лесником Алексеем Никитичем Федоровым и объездчиком Даниилом Филипповичем Яготинным. В их разговоре принимала участие и сидевшая в доме у открытого окна жена Шипилова, Анастасия Дмитриевна.

Тут они увидели, что по дороге со стороны села Горелое показалась подвода. По приближении ее Шипилов разглядел (уже смеркалось), что в телеге сидел молодой человек, а другой, молодой же парень, шел рядом с лошадей.

Здесь лесной кондуктор Шипилов вдруг забеспокоился. Как он сам позднее объяснил, в тот день (то есть 21 июня) у него в доме находилось около трех тысяч рублей казенных денег (очень большая по тем временам сумма), а кроме того он вспомнил, что несколько минут назад через кордон проехали на двух подводах пятеро неизвестных ему людей. Поэтому появление на ночь глядя еще одной подводы с двумя опять-таки неизвестными молодыми парнями, к тому же одетыми «по-городскому», показалось ему весьма подозрительным.

Недолго думая, Шипилов послал к приближающейся подводе лесного объездчика Ягодина спросить у проезжающих, кто они такие и куда направляются. В ответ на вопрос подошедшего к телеге Ягодина Антонов довольно грубо послал его,

¹ Там же, 1908, 15 июня; ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1144, Л. 570; ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 97, Л. 112 - 113(об.), 115.

² Там же, Л. 113 - 115(об.); ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1149, Л. 49, 50, 201(об.), 202, 360; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102, 7 делопроизводство (д - во), 1908 г., Д. 4859, Л. 1, 1(об.).

³ Там же, Л. 3; «Тамбовский край». 1908, 15 июня.

что называется, куда подальше.

Услышав такой «исчерпывающий» ответ, Шипилов приказал Яготину задержать молодых людей и вместе с Федоровым направился к подводу. В этот момент сидевший в телеге Антонов выхватил из кармана браунинг и громко крикнул: «Не подходите, а то буду стрелять!».

Видя, что его угроза не дала никакого результата, он с расстояния 3 – 4 метров выстрелил в подхитившего первым Шипилова, ранив его в левый бок. К счастью, ранение оказалось легким, и Шипилов, развернувшись, довольно резво побежал к своему дому. Оторопевшие на какой-то миг от увиденного Яготин и Федоров тоже бросились спасаться бегством. А за ними, соскочив с телеги и страшно ругаясь, зачем-то побежал Антонов. Однако увидев, что крайне напуганный происходящим его возница вскочил на подводу и пытается ускакать с места происшествия, Антонов тут же прекратил бессмысленное по существу преследование убежавших и, догнав отъезжающую телегу, прыгнул в нее, отобрал у трясущегося от испуга Мишки Савельева вожжи и сам стоя стал яростно погонять лошадь.

Бешеной рысью отмахав от кордона километра полтора, Антонов передал вожжи Савельеву, спрыгнул с телеги и скрылся в лесной чаще.

27 июня местный полицейский урядник Александр Ефимович Кутузов, проводивший расследование инцидента на Хомуляевском лесном кордоне, арестовал в селе Пахотный Угол Михаила Савельева, который честно рассказал о том, как все было, но вот о молодом «учителе», коего он подвозил в тот злополучный день 21 июня, не смог сообщить ничего, кроме внешних примет¹.

* * *

Немного отойдя от недавних потрясений, Антонов направился в Саратов, к вышестоящему (надгубернскому) эсеровскому начальству, в Поволжский областной комитет партии эсеров, где получил высокую оценку своих «боевых действий». А в порядке награды – крайне ответственное задание, связанное со смертельным риском. Но так как обком не дал и рубля на выполнение задания, Антонов решил вернуться на Тамбовщину и быстренько «экспроприировать» там необходимую сумму денег.

«ЭКС» НА СТАНЦИИ ИНЖАВИНО

31 октября 1908 года в село Коноплянку Красивской волости Кирсановского уезда, к местному крестьянину Ивану Ивановичу Рогову приехали Антонов и Гавриил Иванович Ягодкин – двадцатидевятилетний административносильный крестьянин села Молоканщины Пригородно-Слободской волости Кирсановского уезда. Приезжие предложили Рогову принять участие в ограблении кассы железнодорожной станции Инжавино, что по соседству с Коноплянкой. Рогов согласился, а через него к участию в будущем «эксе» были привлечены еще два коноплянца – Федот Захарович Лобков и Григорий Степанович Поверков.

Вечером 3 ноября пятеро «экспроприаторов» прибыли на станцию Инжавино и, оставив Поверкова при лошадях, в 18⁴⁵ вошли в здание вокзала. Все грабители были вооружены револьверами, полученными от Антонова. Он и командовал налетом.

В зале ожидания вошедшие обнаружили лишь дремавшего там станционного сторожа Ивана Федоровича Синякина и шесть девушек-крестьянок из села Инжавино, пришедших на станцию засветло, чтобы встретить брата одной из них, приезжающего с пассажирским поездом около полуночи. Выхватив оружие, налетчики приказали всем не двигаться с места и соблюдать тишину и спокойствие.

Лобков и Рогов остались в зале ожидания, а Антонов с Ягодкиным прошли в контору станции, где работали весовщик Павел Иванович Коршунов и конторщик-практикант Иван Васильевич Коноваликов – сын станционного жандарма. Скомандовал «Руки вверх! Ни с места!», Антонов оставил с ними Ягодкина, а сам вошел в кабинет начальника станции Василия Борисовича Петрова.

Направив на начальника револьвер, Антонов спросил, имеет ли тот оружие, а услышав отрицательный ответ, сразу же предложил достать ключи и открыть сейф с деньгами. Реакция Петрова на это банальное требование грабителя была достаточно своеобразной. Не обращая никакого внимания на чуть ли не упирившийся в его грудь револьвер «экспроприатора», начальник в сердцах стукнул кулаком по столу, неожиданно залился горячими слезами и тут же закатил такую истерику, что Антонов просто оторопел. Из не совсем внятных слов рыдающего Петрова он понял только то, что начальник станции – самый несчастный человек на свете, который очень болен и стар, но у которого шесть человек детей мал мала меньше, которые не увидят больше своего бедного отца, ибо теперь его посадят в тюрьму, откуда он уже вряд ли выйдет.

И тут зашедшийся в истерику Петров вдруг рухнул на пол в глубоком обмороке, что, как ни странно, вывело наконец Антонова из состояния оцепенения и бездействия. Мигом достав из кармана начальника ключи, он открыл несгораемый сейф и извлек оттуда все деньги. «Экспроприация», по существу, была завершена, но Антонов не покинул кабинет, а позвал сюда конторщика Коноваликова и приказал ему оказать необходимую помощь валявшемуся на полу без чувств Петрову.

Вскоре стараниями обоих начальник очнулся и стал быстро приходить в себя. Собираясь уже уходить, Антонов все-таки не удержался и спросил начальника станции: почему он считает, что обязательно попадет в тюрьму, да еще на большой срок?

Дело в том, объяснил Петров, что два месяца назад касса этой станции уже была ограблена. Грабителей не нашли, а его предшественника арестовали и посадили в тюрьму, обвинив в том, что это он сам взял деньги².

А посему, лепетал Петров, не сжалится ли над ним такой добрый и интеллигентный молодой человек и не напишет ли

¹ ГАСО. Ф. 9, Оп. 1, Д. 2601, Л. 2, 4, 7-9(об.).

² Действительно, архивные документы свидетельствуют, что 4 сентября 1908 года из кассы станции Инжавино было похищено 9 531 руб. 87 коп. Однако следствие доказало, что кражу совершил сам начальник станции Чекашев с помощью своего приятеля Волкова. Во время обысков у них были найдены почти все украденные деньги (ГАРФ. Ф. 102, 4 д-во, 1908 г., Д. 72, часть 6, Л. 41).

расписочку в том, что деньги «экспропрированы» им, а не самим начальником станции.

Явно польщенный словами начальника Антонов ответил, что ничего против расписки не имеет и даже обязательно пришлет ее, как только в более спокойной обстановке подсчитает «выручку». А сейчас ему, к сожалению, некогда.

Но тут Василий Борисович опять начал подозрительно всхлипать, вспоминать своих малых детей и в конце концов дошел до того, что упрекнул Антонова в том, что вот, мол, и господа революционеры норовят обидеть не кого-нибудь, а именно его – бедного и старого железнодорожного служащего. На эту жалостливую тираду Петрова Антонов ответил, что, во-первых, революционеры идут не против служащих, а против правительства, а во-вторых, он прекрасно понимает сложное положение начальника и даже сочувствует ему, ибо у самого старик-отец бедствует¹, а потому и соглашается немедленно дать расписку, хотя отдает себе отчет, что рискует головой. И Антонов вывалил все деньги на стол начальника, который тут же деловито принялся их считать. Два раза.

Как только Петров назвал итоговую сумму, Антонов сгрэб обратно деньги и без колебаний написал следующую расписку (орфография подлинника):

«Четыре тысячи триста шестдесят два рубля 85 коп взято партией анархистов индивидуалистов Член партии».

Сознательно исказив в расписке свою партийную принадлежность, «грамотей» Антонов совершенно не изменил своего обычного почерка, образец которого уже имелся в губернском жандармском управлении.

И хотя Антонов выдал расписку на названную выше сумму, позднее выяснилось, что фактически им было «экспроприровано» лишь 4 340 руб. 25 коп. То есть начальник станции обесчитал его на 22 руб. 60 коп.

По завершении формальностей Антонов и его сообщники согнали и заперли всех находившихся на станции в помещении конторы, приказав не предпринимать попыток выхода в течение ближайшего получаса, оборвали телефонные провода (телеграфа тупиковая станция Инжавино еще не имела) и покинули вокзал².

На следующий день (4 ноября) станция Инжавино была буквально запружена прибывшими сюда чинами полиции и железнодорожной жандармерии. Не осталось в стороне и губернское жандармское управление, начальник которого, узнав о подробностях ограбления, сразу же заподозрил об участии в нем Антонова. Именно полковник Устинов прислал в Инжавино фотографию Антонова, в котором свидетели ограбления признали человека, руководившего налетом на станцию. К тому же почерковедческая экспертиза подтвердила, что дарственная надпись на фото и текст расписки, оставленной грабителем, написаны рукой одного и того же человека³.

5 ноября в соседнем с Инжавино селе Карай-Салтыково полиция арестовала одного из грабителей (Лобкова), который не только сам сознался в совершенном преступлении, но и выдал имена всех остальных его участников. Тут же были арестованы еще два «экспроприатора» (Рогов и Поверков), а также коноплянские крестьяне отец и сын Дмитрий Дмитриевич и Гавриил Дмитриевич Любины, в доме которых два дня после ограбления скрывались Антонов и Ягодкин. Все арестованные признали свою вину, а при обысках у них было изъято 347 рублей и два револьвера. Кроме того, в доме тещи Ягодкина в пригороде Кирсанова полиция изъяла еще 496 рублей «экспропрированных» в Инжавино денег, а сам Ягодкин успел скрыться только благодаря грубой оплошности полицейских⁴. Забегая несколько вперед, скажем, что Ягодкина арестуют лишь в августе 1909 года⁵.

Что же касается Антонова, то было установлено, что 5 ноября он пешком ушел из Коноплянки в неизвестном направлении. Полицейская версия, что Антонов направился на станцию Мучкап (Борисоглебский уезд Тамбовской губернии), где проживала замужем за начальником станции его старшая сестра Валентина, проверкой не подтвердилась⁶.

А вот жандармы почему-то посчитали, что Антонов поехал в Пензу, к другой своей сестре, Анне, работавшей там продавщицей в музыкальном магазине. Анна Антонова (на 2 года старше Александра) была уже давно и хорошо известна тамбовским жандармам своей политической неблагонадежностью и близостью к эсерам. В донесениях тамбовских филеров проходила под кличкой наблюдения «Умная»⁷.

В Пензе же она и вовсе стала заметной активисткой местной эсеровской организации, превратив свою квартиру на Московской улице в место постоянных тайных встреч виднейших пензенских эсеров, что, естественно, не осталось незамеченным жандармами, установившими жесткое филерское наблюдение за «Пластинкой» (кличка наблюдения Антоновой в Пензе)⁸.

Предупрежденные из Тамбова о возможном появлении в Пензе «разбойника Шурки», здешние жандармы усилили наблюдение за Анной Антоновой, но разыскиваемый брат ее так и не попался на глаза пензенским филерам⁹. Да и не мог попасть.

ПРИГОВОР ГЕНЕРАЛУ

Как выяснилось позже, из Коноплянки, с деньгами, Антонов направился в Саратов, в распоряжение Поволжского областного комитета партии эсеров, готовившего убийство командующего войсками Казанского военного округа генерал-лейтенанта Александра Генриховича Сандецкого. Смертный приговор генералу эсеры вынесли год назад за его жесто-

¹ Антонов не лгал. Его вдовый (с 1907 года) отец действительно был уже стариком и жил со своим младшим сыном Дмитрием отнюдь не в роскоши и не где-нибудь, а здесь же, в Инжавино, где у него была небольшая слесарная мастерская (ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1160, Л. 249).

² Там же, Л. 196 - 197; ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 56, 56(об.), 60(об.); ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г., Д. 6552, Л. 2, 4, 5; 4 д-во, 1908 г., Д. 72, ч. 6, Л. 68(об.).

³ Там же, Л. 68, 68(об.).

⁴ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 57, 57(об.), 59(об.), 60.

⁵ ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1147, Л. 228, 231.

⁶ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 57(об.).

⁷ ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г., Д. 6552, Л. 5; 1909 г., Д. 269, Л. 26, 116, 124, 124(об.).

⁸ Там же, Л. 26, 74.

⁹ Там же, 4 д-во, 1908 г., Д. 72, ч. 6, Л. 68(об.).

кость при подавлении крестьянских выступлений в Поволжье во время первой русской революции¹.

Для приведения в исполнение этого приговора были отобраны три человека: сбежавший из пермской ссылки крестьянин деревни Крутец Сердобского уезда Саратовской губернии Иван Яковлевич Коротков (в будущем известный поволжский чекист), учитель села Шевыревка Саратовского уезда Тимофей Иванович Мерзлов и Антонов, который должен был первым попытаться убить генерала Сандецкого².

Разумеется, согласившись пойти на такой террористический акт, девятнадцатилетний Антонов не мог не понимать, что тем самым подписывает себе смертный приговор.

От бдительного ока саратовских шпииков не ускользнуло появление в городе невысокого (164,5 см) молодого человека, вступившего в контакт с лицами, известными жандармам своей принадлежностью к Поволжскому эсеровскому обкому. В поле зрения филеров Саратовского охранного отделения этот молодой человек попал 23 ноября 1908 года. Еще не определив в нем разыскиваемого Антонова, саратовские шпиики окрестили его не очень-то интеллигентной кичкой наблюдения «Осиновый»³.

Казалось, судьба Антонова была предрешена, и ему уже не избежать скорого ареста. Однако думать, что арест Антонова был предопределен исключительно на берегах Волги, было бы неверно. Ибо жандармские щупальца тянулись к нему не только из Саратова или Тамбова, но и из самого Парижа.

Дело здесь в том, что после завершившейся в августе 1908 года Лондонской общепартийной конференции, ЦК партии эсеров решил принять экстренные меры к восстановлению или же укреплению своих областных комитетов в России, и в первую очередь – Поволжского обкома. Для непосредственного руководства на месте восстановлением нормальной деятельности Поволжского обкома эсеровский ЦК выделил своего особоуполномоченного – видного эсера Осипа Соломоновича Минора, находившегося в парижской эмиграции, будущего председателя Московской городской Думы при Временном правительстве.

В течение сентября Минор подобрал из эсеров-эмигрантов десятка полтора человек, которым предстояло нелегально переправиться в Россию, осесть в Поволжье и приступить к реанимации эсеровских губкомов в Саратове, Казани, Нижнем Новгороде, Тамбове и Пензе. В октябре 1908 года эмиссары Минора прибыли в Саратов, восстановили кое-какие партийные связи и, наивно посчитав, что их прибытие осталось жандармам неизвестно, просигнализировали Минору в Париж о своем благополучном прибытии и обустройстве.

В конце ноября выехал в Россию и Минор. Но еще в Париже, благодаря установившейся связи со своими эмиссарами в Саратове, он был в курсе всех дел поволжских эсеров. Знал Минор и о готовящемся покушении на генерала Сандецкого. Об этом не стоило бы и упоминать, если бы перед отъездом из Парижа Минор не беседовал подолгу и не консультировался с главным боевиком эсеровской партии Евно Фишелевичем Азефом – печально знаменитым оберпровокатором в российском революционном движении, уже 15 лет работавшим на Департамент полиции.

Бедный Антонов! Мог ли он думать, что где-то далеко, в парижском кафе «Дюмесниль», что на Монмартре, его за чашкой кофе отдадут на заклятие жандармам и фактически набрасывают петлю на его бесшабашную голову. Но самое досадное было то, что до скандального разоблачения Азефа оставались считанные дни⁴!

20 декабря Минор «благополучно» прибыл в Саратов. А четырьмя днями раньше, в связи с поступившей от Азефа информацией, в Самаре состоялась совещание начальников жандармских управлений семи поволжских губерний (включая Тамбовскую) и Уральской области. Основными обсуждавшимися вопросами были: выявление и арест участников готовящегося покушения на генерала Сандецкого, а также ход подготовки операций по ликвидации эсеровских организаций в Поволжье.

Жандармам было уже известно, что организацией убийства Сандецкого руководит член Поволжского эсеровского обкома, личный эмиссар Минора в Саратове Борис Владимирович Бартольд, прибывший недавно из Парижа. Знали жандармы и о существовании трех потенциальных убийц. Но если о двух из них – Короткове и Мерзлове – было известно практически все, то о причастности Антонова к готовящемуся покушению охранка еще не подозревала.

Совещание начальников жандармских управлений завершилось договоренностью умножить усилия по выявлению и задержанию третьего, самого опасного террориста, после чего начать повальные аресты эсеров по всему Поволжью⁵.

АРЕСТ

Особую активность в установлении личности третьего террориста проявил начальник Саратовского охранного отделения ротмистр Александр Павлович Мартынов – Шерлок Холмс российского политического сыска, будущий полковник и последний начальник Московского охранного отделения. Уже 20 декабря он установил и сообщил, куда и кому следует, что этим террористом является «прибывший в Саратов в ноябре сего года нелегальный из Тамбовской губернии, уроженец Кирсановского уезда, настоящее имя и фамилия его Отделению не известны; ... Отделению известен под кличкой наблюдения «Осиновый»»⁶.

Лучшим своим филерам ротмистр Мартынов приказал не спускать глаз с «Осинового». Но и «Осиновый» оказался не так-то прост. 22 декабря, применив так и не разгаданный шпииками конспиративный прием, он на железнодорожном вокзале ушел из-под наблюдения. Ротмистр Мартынов, которому, в случае убийства «Осиновым» генерала Сандецкого, грозили серьезные неприятности, был вне себя от ярости. Но все попытки его опростоволосившихся филеров найти «Осинового» в Саратове, ни к чему ни привели. Антонов как в воду канул.

Истекали последние дни 1908 года, а сведений о «всплытии» где-либо «Осинового» все не поступало.

А Антонов был уже в Самаре, куда приехал по делам, связанным с подготовкой покушения на Сандецкого. С этой же

¹ ГАСО. Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Т. 1, Л. 317; Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 40, Л. 16.

² Там же, Л. 162, 162(об.), 167(об.); Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Л. 317.

³ Там же, Л. 421.

⁴ Минор О. С. Отрывки жизни (из воспоминаний) \\\ «Воля России» (Прага), № 4. 1924, С. 1 - 4, 6, 14, 15.

⁵ ГАСО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1143, Л. 42(об.), 43, 45; ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 40, Л. 162, 162(об.).

⁶ Там же, Л. 167(об.).

целью сюда прибыл руководитель пензенских эсеров Александр Иванович Метальников и вот-вот должен был приехать из Саратова Бартольд¹.

Как раз в эти дни в Россию из-за границы пришло известие о разоблачении Азефа, которое вызвало в эсеровской среде настоящий шок, переросший затем в психоз излишней подозрительности и недоверия эсеров друг к другу. В особо острой форме это проявилось по отношению к боевикам и недавно вернувшимся из-за границы нелегалам.

Поэтому неудивительно, что прибывший в Самару и никому неизвестный здесь лично боевик-нелегал Антонов был встречен на явочной квартире более чем прохладно. Явившись с рекомендательным письмом от Бартольда к некоей Кричевской, он был попросту выгнан из квартиры.

Оказавшемуся в лютый декабрьский мороз на улице незнакомой Самары Антонову не оставалось ничего другого, как, в нарушение всех правил конспирации, отправиться ночевать в гостиницу «Ташкент» и ждать приезда Бартольда². Но Бартольд в Самару не приехал.

Подгоняемые разоблачением своего суперагента Азефа, жандармы начали серию повальных арестов эсеров в Поволжье. 2 января 1909 года в Саратове был арестован почти в полном составе Поволжский обком во главе с Минором и Бартольдом³. 5 января жандармы провели ликвидацию Пензенской эсеровской организации; в числе семнадцати арестованных оказалась и Анна Антонова. В тот же день в Самаре был схвачен лидер пензенских эсеров Метальников⁴. 11 января волна арестов прокатилась по Тамбовской губернии⁵.

Быстро сгустились тучи и над Антоновым. 27 декабря жандармы узнали, что «Осиновый» находится в Самаре и имеет фальшивый паспорт на имя Александра Дмитриевича Полякова, сына отставного коллежского асессора. А 1 января саратовский ротмистр Мартынов сообщил начальнику Самарского губернского жандармского управления полковнику Алексею Павловичу Критскому, что «Осиновый» – это «Александр Степанович Антонов, участник ограбления в Инжавино»⁶.

Эта идентификация ничего хорошего Антонову не предвещала. На него тотчас же был объявлен всероссийский розыск, а за его поимку установили награду в 1 000 рублей – годовой оклад начальника губернского жандармского управления⁷.

*«Разбойник Шурка»
Фотография из следственного дела, 1909 г.*

Найти Антонова в Самаре жандармам не удалось. Очевидно, его спасло то обстоятельство, что отвергнутый с порога местными эсерами, он так и не установил с ними связь, а вдобавок вовремя успел перебраться из гостиницы на квартиру некоей Варвары Леонтьевой, с которой познакомился в совершенно приватном порядке⁸.

Пробыв в Самаре до середины января, но так и не дождавшись Бартольда, Антонов решил вернуться в Саратов, чтобы узнать в чем дело и что ему, в конце-то концов, делать дальше?

В Саратове Антонов сразу понял, что здесь произошло что-то неладное, и поэтому вел себя предельно осторожно. Это позволило ему какое-то время остаться вне поля зрения ищек ротмистра Мартынова. А вот погубила Антонова, на наш взгляд, его излишняя настырность в попытках установить связь с остатками разгромленной Саратовской эсеровской организации. Видных и хорошо знавших его эсеров Антонову найти не удалось. А те, кого он все-таки нашел, были напуганы недавними арестами и поэтому потребовали от него доказательств своей принадлежности к эсеровской партии. Антонов с горя согласился и дал фамилии и адреса трех знакомых эсеров в Тамбове⁹.

Подтверждение несомненной принадлежности А. С. Антонова к партии эсеров и его столь же бесспорных заслуг перед ней пришло в Саратов 18 февраля 1909 года. Однако подтверждение это пришло от начальника Тамбовского губернского жандармского управления В. С. Устинова и адресовано было начальнику Саратовского охранного отделения А. П. Мартынову¹⁰.

Остальное, как говорится, было уже делом техники.

Вечером 19 февраля лучшие саратовские филеры, держась на почтительном расстоянии, проводили Антонова на ночлег в дом № 24 по Покровской (ныне Лермонтова) улице. А утром 20 февраля его без звука взяли прямо в доме. Причем арест произошел для Антонова настолько внезапно, что он не успел даже выхватить из кармана свой шестизарядный «бульдог»¹¹.

Из рапорта ротмистра А. П. Мартынова директору Департамента полиции от 21 февраля 1909 г.:

«...Антонов прибыл в Саратов в конце минувшего года, вошел в состав местной организации партии соц.-рев., наблюдался под кличкой «Осиновый»; был зачислен Поволжским областным комитетом названной партии в боевую областную

¹ Там же, Л. 210, 216.

² Там же, Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Т. 1, Л. 269(об.).

³ Там же, Л. 376.

⁴ ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1909 г., Д. 269, Л. 72(об.), 74.

⁵ ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1288, Л. 46.

⁶ ГАСО. Ф. 51, Оп. 1 (1908 г.), Д. 40, Л. 216, 219.

⁷ ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1160, Л. 249; Д. 1165, Л. 56.

⁸ ГАСО. Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Т. 1, Л. 296(об.).

⁹ Там же, Л. 296(об.), 298(об.), 317.

¹⁰ Там же, Л. 315, 315(об.).

¹¹ Там же, Ф. 53, Оп. 1 (1909 г.), Д. 37, Л. 5, 5(об.).

организацию и считался 1-м исполнителем по подготовлявшемуся в то время покушению на жизнь генерала Сандецкого.

...Антонов выехал без наблюдения в Самару, где проживал до середины января сего года. В Самаре взят в наблюдение не был и остался Самарскому жандармскому управлению неизвестен. После прибытия в Саратов вошел немедленно в наблюдение и 20 сего февраля арестован. По обыску у него отобран заряженный револьвер и паспорт на имя крестьянина Куриловской волости Новоузенского уезда Самарской губ. Петра Трофимовича Куликова и шифрованная запись.

По имеющимся у меня агентурным сведениям, Антонов предполагал в непродолжительном времени выехать в Тамбовскую губернию и совершить там ряд террористических покушений.

Вместе с Антоновым задержаны братья-крестьяне Оренбургской губ., Покровской вол., села Черепановки Куприян и Алексей Осиповичи Михалева, у которых Антонов находил себе приют, и не имевший определенных занятий крестьянин (села Куликовки, Юловской волости – В. С.) Вольского уезда Павел Федорович Лексин, проживающий совместно с Михалевыми и замеченный в сношениях с Антоновым. По обыску у Лексина найден рисунок печати для фальшивых паспортов Покровского волостного правления Оренбургской губ.; рисунок этот приобретает большое значение ввиду того, что по обыску у Антонова оказалась выпись на отдельном клочке паспортных сведений самого Лексина, очевидно, данная им Антонову для сфабрикования в будущем дубликата паспорта.

Все эти сведения к задержанным переданы в распоряжение начальника Саратовского губернского жандармского управления»¹.

Сразу после ареста Антонов был отправлен в Саратовскую губернскую тюрьму, где подвергся жесточайшим пыткам с использованием «фирменной» смирительной рубашки начальника тюрьмы Гумберта, а братья Михалева и Лексин попали в кулузку 3-го полицейского участка².

На первом же допросе Михалева показали, что Антонова к ним вечером 19 февраля привел с просьбой оставить переночевать однокашник Алексея Михалева – учащийся Саратовского среднетехнического училища Григорий Федорович Нечипай. Было названо и имя еще одного учащегося этого же училища – Леонида Алексеевича Кинчина, также имевшего контакты с Антоновым. После проверки показаний Михалевых, они были отпущены домой, и больше к ним жандармы претензий не имели³.

В ночь на 22 февраля, по личному указанию ротмистра Мартынова, полиция арестовала Г. Ф. Нечипая и Л. А. Кинчина и произвела у них обыски. Дальнейшее расследование показало, что Нечипай и Кинчин имели связи с Саратовской эсеровской организацией, хранили у себя запрещенную литературу, организовали в своем училище эсеровскую ячейку, а также были главными укрывателями Антонова в Саратове. Отыскивали жандармы эсеровские грешки и за арестованным крестьянином Лексиным⁴.

Подводя итог дознанию в отношении Нечипая, Кинчина и Лексина, начальник Саратовского губернского жандармского управления полковник Владимир Константинович Семигановский писал, что эти молодые люди представляют собой уже вполне созревших партийных работников и в будущем окажут вредное влияние не только на учащихся Саратовского среднетехнического училища, но «и вообще на сохранение общественного спокойствия»⁵.

В апреле 1909 года вся эта троица была в административном порядке выслана из пределов Саратовской губернии⁶.

А Александра Антонова 15 апреля того же года отправили под усиленным конвоем в Тамбовскую губернскую тюрьму, где им вплотную занялись гражданские и военные следователи по особо важным делам⁷.

СЛЕДСТВИЕ

Как только в Тамбове стало известно о поимке Антонова, то были немедленно возобновлены следствия по делам о нанесении им огнестрельных ранений городовому С. П. Тихонову, лесному кондуктору В. И. Шипилову и об ограблении кассы станции Инжавино.

На первом же допросе Антонов твердо заявил следователям, что виновным себя ни в чем не признает, а от дачи всяких показаний и объяснений категорически отказывается⁸.

Кроме вышеназванных дел, участие Антонова в которых является действительно бесспорным, жандармы и полиция попытались «навесить» на него и такие дела, к которым он не имел никакого отношения. Об этом можно было бы и не говорить, если бы два таких дела не упоминались – пусть и очень глухо – в нашей исторической литературе. Речь идет об убийстве сельского старосты Бирюкова и об ограблении Ржаксинской винной лавки⁹.

Автор этих строк приложил немало усилий, прежде чем нашел в архивах Тамбова и Москвы следственные дела по этим преступлениям. И в результате тщательного изучения этих дел пришел к совершенно однозначному выводу: Александр Степанович Антонов не имеет ни малейшего отношения к ограблению 9 ноября 1907 года казенной винной лавки в поселке Ржаксинские Выселки Кирсановского уезда и к нанесению 11 ноября того же года смертельного огнестрельного ранения старосте села Лукино Кирсановского уезда Ивану Александровичу Бирюкову. Собственно, к такому же выводу пришли в свое время и следователи по особо важным делам, которые расследовали и перерасследовали эти преступле-

¹ Там же, Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Т. 1, Л. 317(об.), 318.

² Там же, Ф. 53, Оп. 1 (1909 г.), Д. 37, Л. 5(об.).

³ Там же, Ф. 57, Оп. 1 (1909 г.), Д. 10, Т. 1, Л. 325, 329.

⁴ Там же, Л. 325; Ф. 53, Оп. 1 (1909 г.), Д. 37, Л. 19.

⁵ Там же, Л. 56, 56(об.).

⁶ Там же, Л. 75(об.).

⁷ Там же, Оп. 8 (1908 г.), Д. 49, Т. 1, Л. 354.

⁸ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 60.

⁹ См.: Лобозкий А. По следу «Главного». Документальная повесть. Воронеж, 1973, С. 27; Он же. В схватке с антоновщиной \\\ Пароль – мужество. Очерки о тамбовских чекистах (изд. 2-е, доп. и перераб.). Воронеж, 1986, С. 68.

ния¹. Также, кстати, считала и достаточно информированная о делах своего брата Анна Антонова².

Объективности ради надо сказать и о том, что на Антонова пытались «списать» и еще два дела: ограбление 2 сентября 1906 года в лесу у села Чернавка Кирсановского уезда сборщика налогов Феона Архиповича Насонова на сумму около 5 000 рублей и ограбление в том же уезде Балыклейского волостного правления в ночь на 25 марта 1908 года³. Имел ли Антонов отношение к этим двум преступлениям – достоверно пока неизвестно.

СУД ГРАЖДАНСКИЙ

12 марта 1910 года выездная сессия Саратовской судебной палаты рассмотрела в Тамбове дело по обвинению Александра Степановича Антонова в нанесении им огнестрельных ранений городовому Сергею Павловичу Тихонову 13 июня 1908 года и лесному кондуктору Владимиру Ивановичу Шипилу 21 июня того же года. Суд постановил: лишить мещанина А. С. Антонова всех прав состояния и сослать на 6 лет в каторжные работы.

Предстал перед судом и крестьянин Михаил Николаевич Савельев, который, как известно, помог Антонову скрыться с места преступления. Суд постановил: признать участие М. Н. Савельева в вышеупомянутом преступлении недоказанным и считать по суду оправданным⁴.

СУД ВОЕННЫЙ

В понедельник, 15 марта 1910 года, в 11 часов утра А. С. Антонов вместе с другими участниками ограбления кассы железнодорожной станции Инжавино Г. И. Ягодкиным, И. И. Роговым, Г. С. Поверковым, Ф. З. Лобковым и укрывателем грабителей Г. Д. Любиным (его отец умер в Кирсановской тюрьме 2 февраля 1909 года⁵) предстал перед так называемым «Временным военным судом в г. Тамбове», а по существу – выездной сессией Московского военно-окружного суда.

Процесс проходил при закрытых дверях в здании Тамбовского уездного земского съезда. Все обвиняемые имели назначенных судом казенных защитников. Антонова защищал присяжный поверенный князь Василий Петрович Ишеев – виднейший тамбовский кадет. Кроме Поверкова и Любина, все обвиняемые признали себя виновными.

В тот же день этот военный суд из трех человек (генерал-майор Дубле и подполковники расквартированного в Тамбове 7го запасного кавалерийского полка Владимир Сергеевич Попов 1-й и Алексей Михайлович Попов 2-й) признал всех подсудимых виновными и вынес приговор: Антонова, Ягодкина, Лобкова и Рогова – к смертной казни через повешение, Поверкова – к бессрочной каторге, а Любина – к 15 годам каторжных работ⁶.

Никто из приговоренных к смертной казни прошений о помиловании не подал.

Однако смертный приговор, поглотивший собой для Антонова приговор Саратовской судебной палаты, еще не был окончательным и подлежал утверждению командующим войсками Московского военного округа.

РАПОРТ

*командующего войсками Московского военного округа
генерала от кавалерии П. А. Плеве
министру внутренних дел П. А. Столыпину*

26 марта 1910 г.

Временный военный суд в г. Тамбове 15 сего марта приговорил мещанина Александра Антонова и крестьян Ивана Рогова, Федота Лобкова и Гавриила Ягодкина к смертной казни через повешение, признав их виновными в разбойном нападении 3 ноября 1908 года на станцию Инжавино Рязано-Уральской железной дороги, во время которого нападения из стационной кассы было похищено 4 340 руб. 25 коп.

Принимая во внимание: 1) полное чистосердечное сознание всех названных осужденных на суде, а трех из них (кроме Антонова – В. С.) и на следствии, тотчас же по задержании, и 2) то, что во время вышеупомянутого нападения злоумышленниками никому не было причинено никакого физического вреда, признавал бы возможным заменить названным осужденным смертную казнь ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина – без срока, а Рогова и Лобкова – на 20 лет каждогого.

...О таком предположении своем уведомляю Ваше Высокопревосходительство и прошу не отказать в сообщении Вашего по сему предмету мнения⁷.

29 марта российский премьер-министр и одновременно министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин телеграфировал ответ: «Смягчению участи Александра Антонова, Ивана Рогова, Федота Лобкова, Гавриила Ягодкина [в] предположенном размере препятствий не встречаю»⁸.

4 апреля 1910 года командующий войсками Московского военного округа генерал Павел Адамович Плеве утвердил,

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 1614, Оп. 1, Д. 164; ГАТО. Ф. 66, Оп. 1, Д. 828.

² Государственный архив Пензенской области. Ф. 202, Оп. 1, Д. 8, Л. 94.

³ ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1165, Л. 198(об.), 199(об.), 218(об.); ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 75.

⁴ «Тамбовский край». 1910, 17 марта.

⁵ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 58.

⁶ РГВИА. Ф. 1614, Оп. 1, Д. 147, Л. 61(об.); Оп. 2, Д. 739, Л. 32, 32(об.); ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г., Д. 6552, Л. 20, 22.

⁷ Там же, Л. 20.

⁸ Там же, Л. 21.

наконец, приговор Временного военного суда в г. Тамбове от 15 марта «с заменой мешанину Александру Антонову и крестьянам Ивану Рогову, Федоту Лобкову и Гавриилу Ягодкину смертной казни ссылкой в каторжные работы: Антонова и Ягодкина без срока, а Рогова и Лобкова на двадцать лет каждого с установленными законом последствиями и крестьянину Григорию Поверкову ссылки в каторжные работы без срока ссылкой в таковые же работы на пятнадцать лет»¹. В отношении Гавриила Любина приговор (15 лет каторги) был оставлен без изменения².

КАТОРГА

Вот так Александр Степанович Антонов «загрел» на каторгу (а не в ссылку, как утверждают наши энциклопедии³), отбывать которую начал тут же, в Тамбовской губернской тюрьме. Однако, как очень быстро выяснилось, отсиживать до конца свой бесконечный срок Антонов явно не собирался. Деятельная натура, он еще в июле 1909 года разработал детальный план побега и обратился в Поволжский эсеровский обком с просьбой занять ему 700 рублей для подкупа нескольких тюремщиков. Обком немедленно командировал в Тамбов товарища Антонова – кирсановского эсера Константина Николаевича Баженова, но тот поступил не совсем по-товарищески, когда, вернувшись, доложил обкому, что побег абсолютно невозможен.

Но и брошенный родной партией на произвол судьбы Антонов не угомонился. 14 апреля 1910 года он перепилил кандалы и решетку на окне своей камеры № 3 на первом этаже, вылез наружу, но был схвачен бдительной тюремной охраной. За попытку побега и порчу казенного имущества (кандалов и решетки) начальник тюрьмы Михаил Алексеевич Чековский посадил Антонова на неделю в темный карцер⁴.

Выйдя из карцера, Антонов все равно не стал образцовым обитателем Тамбовской губернской тюрьмы. Но то, что он совершил утром 28 июня 1910 года, привело в изумление даже выдавшую виды тюремную администрацию. Находясь опять-таки в «любимом» карцере № 8, Антонов совершенно непонятным образом умудрился пробить дыру в потолке, проник через нее в тюремную церковь, где и был случайно обнаружен⁵.

Желая поскорее избавиться от такого беспокойного «клиента», начальник тюрьмы с первым же каторжным этапом отправил Антонова в Московскую центральную пересыльную тюрьму, куда тот и прибыл 6 августа 1910 года⁶.

11 февраля 1911 года Антонов был этапирован (как всегда, «под особо бдительным надзором») в «родную» Тамбовскую губернскую тюрьму для участия в качестве свидетеля «по делу некоего Турусова и других»⁷.

В Тамбове Антонов задержался до апреля 1912 года и, судя по всему, успел там что-то отчубучить, после чего был тут же этапирован обратно в Московскую центральную пересыльную тюрьму, где и отсидел с 20 апреля по 1 мая десять суток карцера, определенные ему Тамбовским окружным судом⁸.

Не пришелся Антонов по душе и начальнику Московской пересыльной тюрьмы, ибо уже 24 мая 1912 года оказался в печально знаменитом Владимирском центре, или – официально – Владимирской временной каторжной тюрьме⁹, откуда, как известно, за все время (от «введения в строй» и до наших дней) был совершен всего лишь один побег – большевика Михаила Васильевича Фрунзе.

В первый же день своего пребывания во Владимирском центре Антонов получил семь суток карцера за нанесение телесных повреждений некоему арестанту Вержбицкому, который опрометчиво попытался ознакомить новичка с правилами поведения в «своей» камере. Правда, тюремное начальство быстро разобралось в сущности произошедшего конфликта, и Антонов был выпущен из карцера уже через 18 часов¹⁰.

Как свидетельствуют архивные документы, до конца своего сидения во Владимирском центре он еще четыре раза попадал в темный карцер. А вообще-то, по правде сказать, начальство тюрьмы относилось к нему не совсем справедливо, а порою и совсем уж не по закону. Так, например, по существовавшим тогда тюремным правилам, кандалы с Антонова должны были снять 15 мая 1915 года, однако об этом ему официально объявили лишь 23 декабря, а фактически «расковали» только 28 мая 1916 года¹¹.

* * *

Свободу Александру Степановичу Антонову принесла Февральская революция. И случилось это 4 марта 1917 года, когда накануне во все тюрьмы и каторги России пришла из Петрограда телеграмма министра юстиции Временного правительства А. Ф. Керенского, гласившая, что «все политзаключенные и политкаторжане амнистируются и немедленно выпускаются на свободу»¹².

Путь Антонова лежал в Тамбов.

¹ ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 2, Д. 578, Л. 89(об.).

² ГАРФ. Ф. 102, 7 д-во, 1908 г., Д. 6552, Л. 22.

³ См., напр.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия (2-е изд.). М., 1987, С. 39.

⁴ ГАТО. Ф. 272, Оп. 1, Д. 1146, Л. 408, 408(об.), 414.

⁵ Там же, Ф. 716, Оп. 2, Д. 544, Л. 79, 79(об.), 136.

⁶ Государственный архив Владимирской области. Ф. 705, Оп. 1, Д. 87, Л. 19.

⁷ Там же, Л. 20.

⁸ Там же, Л. 8.

⁹ Там же, Л. 29.

¹⁰ Там же, Л. 30.

¹¹ Там же, Л. 33, 39.

¹² ГАТО. Ф. Р-414, Оп. 1, Д. 24, Л. 13.

Часть вторая

В ТАМБОВЕ

В Тамбове Антонов «пошел», как известно, по милицейской линии. 15 апреля 1917 года он начал работать младшим помощником начальника 2-й части (райотдела) Тамбовской городской милиции. 20 мая сюда же устроился и его младший брат Дмитрий, учившийся в свое время в Кирсановском мужском приходском училище, а будучи призван в 1916 году в армию, окончил там ускоренный курс военно-фельдшерской школы¹.

Интересная деталь. Первым председателем Тамбовского городского Совета оказался адвокат Антонова на военном суде 15 марта 1910 года князь Василий Петрович Ишеев. А защитник двух других поделщиков Антонова (Любина и Поверкова) эсер Константин Николаевич Шатов вознесся еще выше, став комиссаром Временного правительства в Тамбовской губернии².

Однако, несмотря на наличие таких высокопоставленных знакомых, Александр Антонов за полгода не продвинулся ни на одну ступеньку по служебной лестнице, а все ходил в младших помощниках. Правда, теперь уже начальника 1-й части³. Что же касается встречающихся в нашей исторической литературе утверждений, что Антонов дослужился в Тамбове до начальника всей городской или даже губернской милиции, то они не имеют под собой абсолютно никаких оснований.

Кто знает, сколько бы еще прозябал Антонов в младших помощниках, не позаботясь о нем его старые товарищи по до-революционному эсеровскому подполью: Петр Егорович Булатов – дворянин из села Семеновки Кирсановского уезда, возглавивший в сентябре 1917 года Тамбовскую городскую милицию, и Константин Николаевич Баженов – комиссар Временного правительства в Кирсановском уезде, как раз подыскивавший толкового начальника уездной милиции. Ибо нынешний – корнет Орест Орестович Турау (как, впрочем, и его предшественник корнет Ю. А. Давидайтис) – явно не справлялся со своими сложными обязанностями⁴.

Надо отметить, что Баженов довольно ловко организовал и провел заочное выдвижение и назначение Антонова начальником Кирсановской, уездной милиции. Кстати, Баженову в этом очень помог известный кирсановский эсер Виктор Николаевич Михневич. В результате их совместных действий в Тамбов посыпались ходатайства отпустить Антонова в Кирсанов в связи с назначением его начальником уездной милиции.

Первым на эти просьбы в Тамбове откликнулся начальник городской милиции Булатов, произведя 23 октября 1917 года Антонова в свои вторые помощники и тут же откомандировав его в распоряжение губернского инспектора милиции⁵, который уже через несколько часов получил от Кирсановской уездной земской управы телеграмму следующего содержания:

«Просим срочно откомандировать Антонова ввиду назначения его начальником уездной милиции. Уезд спешно нуждается в его приезде»⁶.

Более подробно причины перевода Антонова изложил председатель Кирсановской уездной земской управы Василий Тимофеевич Окунев в своем письме, направленном 24 октября на имя губернского инспектора милиции:

«Уездная земская управа честь имеет просить Вас откомандировать в г. Кирсанов помощника начальника Тамбовской городской милиции А. С. Антонова. Просьба эта вызвана тем, что Кирсановская милиция по настоящее время совершенно не организована и, несмотря на принятые меры со стороны управы, до сего времени нельзя найти человека, которому можно поручить организацию милиции.

Ввиду того, что и в городе, и в уезде царит полнейший беспорядок, управа ходатайствует разрешить Антонову командировку в срочном порядке; дальнейшее промедление очень невыгодно отразится на общем положении дела»⁷.

Через несколько дней согласие губернского инспектора милиции на перевод Антонова в Кирсанов было получено.

В самом начале ноября 1917 года в жизни 28-летнего Александра Антонова произошло естественное, но все же неординарное событие – женитьба на 25-летней тамбовчанке Софии Васильевне Орловой-Боголюбской, о которой достоверно известно очень мало: окончила 5 классов гимназии, беспартийная, проживала с матерью в доме № 20 по улице Красной, имела неродных по отцу сестру и брата – Клавдию и Александра Алексеевичей Боголюбских⁸.

Сразу же после свадьбы супруги Антоновы выехали в Кирсанов, где поселились в доме Апоницких по улице Почтовой. А не позднее 8 ноября Александр Степанович уже вступил в должность начальника Кирсановской уездной милиции⁹.

¹ Там же, Д. 22, Л. 2; Д. 24, Л. 22(об.).

² Там же, Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 10, Л. 31; ЦГАМ. Ф. 629, Оп. 4, Д. 651, Л. 53.

³ ГАТО. Ф. Р-414, Оп. 1, Д. 9, Л. 11.

⁴ Там же, Д. 23, Л. 6, 11, 15.

⁵ Там же, Д. 9, Л. 11.

⁶ Там же, Д. 23, Л. 13.

⁷ Там же, Л. 14, 14(об.).

⁸ Лобозкий А. По следу «Главного»... С. 13.

⁹ ГАТО. Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 3, Л. 211.

НАЧАЛЬНИК УЕЗДНОЙ МИЛИЦИИ

Нелегкое место службы досталось Антонову. Ведь что представлял собой огромный Кирсановский уезд, раскинувшийся на 6 тысяч квадратных километров ? 4 района с 37-ю волостями и 438 населенных пунктов с 350-ю тысячами сельских жителей¹.

А какими силами располагал начальник уездной милиции ? Один заместитель (уже упоминавшийся эсер В. Н. Михневич, которого через пару месяцев сменил беспартийный Николай Адамович Дыбовский), 4 начальника районных милиций, 37 старших волостных милиционеров, плюс 17 конных да 40 пеших милиционеров и, наконец, канцелярия из пяти человек². То есть к моменту прихода Антонова Кирсановская уездная милиция насчитывала всего 100 «активных штыков».

А вот оперативная обстановка в уезде была хуже некуда. Уголовная преступность распускалась махровым цветом. Не отставала от нее и так называемая классовая борьба – разгром и грабеж помещичьих имений и богатых хуторов. Малочисленная уездная милиция была просто не в состоянии сколько-нибудь эффективно противодействовать безудержному разгулу преступности и беззакония и, в лучшем случае, старалась держать с грабителями и разбойниками вооруженный нейтралитет. Но и это удавалось далеко не всегда и не везде. Да и что тут говорить о распыленной по огромной территории уездной милиции, если куда относительно более сильная городская милиция, попытавшаяся навести хоть какой-то порядок в самом Кирсанове, была 1 июня 1917 года разгромлена самым беспощадным образом³.

Так как же проявил себя Александр Степанович Антонов на посту начальника Кирсановской уездной милиции, который он бесменно занимал до середины июля 1918 года, когда ушел в отпуск ?

Явно некабинетный работник, он сразу же начал мотаться по всему уезду с небольшим отрядом конных милиционеров, гоняясь за шайками грабителей, конокрадов и прочих разбойников с большой дороги, которые со временем, надо отметить, заметно присмирели. Поймал Антонов и знаменитого на Тамбовщине разбойника и конокрада Васюку Селянского – крестьянина села Пахотный Угол Тамбовского уезда, будущего командира 8го Пахотно-Угловского антоновского полка. Правда, пойманный в районе Инжавино и отправленный, ввиду губернского масштаба своей «деятельности», в Тамбов, Селянский⁴ сбежал там от конвоя на железнодорожном вокзале⁵.

Немало сил и нервов потратил Антонов, борясь с беззастенчивым разграблением помещичьих имений и экономий (будущих коммун и совхозов) крестьянами, что, естественно, вызывало у последних сильное недовольство начальником уездной милиции. Известней тамбовский чекист Михаил Иванович Покалюхин, сыгравший свою роковую роль в судьбе Антонова, вспоминал в 1923 году:

«Помню один характерный случай. В моем родном селе (Нижние Пески Васильевской волости Кирсановского уезда) крестьяне выгнали свою барыню М. И. Олив и не дали ей ничего, даже из движимого домашнего обихода.

– Мы тут всю жизнь трудились, мы и будем всем пользоваться, – говорили наши мужики.

Обиженная барыня обратилась тогда к кирсановскому комиссару Временного правительства Баженову (правый эсер, друг Антонова). Дело это было в конце 1917 г., уже после Октябрьской революции, но власть в Тамбовской губ. еще оставалась в руках эсеров. Баженов поручил начмилиции Антонову «одернуть» песковских мужиков и защитить «свободу личности» барыни Олив. Приказание было исполнено – в Пески прислали отряд милиции. Сперва мужики и местные большевики, пришедшие с фронта, хотели было воспрепятствовать милиции выступить в защиту барыни. Для этого было приготовлено даже несколько винтовок. Но дело не взялось, антоновцы пересилили и заставили мужиков на собственных же лошадах отвезти барыню в Кирсанов нужную ей обстановку. Подобных случаев «ревностного» отношения Антонова к службе – немало⁶.

Однако самым ярким событием в милицейской биографии Антонова является, бесспорно, разоружение им нескольких эшелонов чехословацкого экспедиционного корпуса, следовавших на восток через станцию Кирсанов. А ведь известно, что дело это было весьма сложным и почти нигде не удавалось. Вероятно, поэтому Кирсановский Совет и наградил Антонова маузером, совершенно не интересуясь, куда же потом девалось отобранное у чехословаков оружие. Ведь, как выяснилось позже, доблестный начальник уездной милиции его никому не сдавал⁷.

Следует сказать и о том, что, по некоторым недокументальным сведениям, Антонов был замечен в «собираательстве» оружия еще в Тамбове. Так, секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Борис Афанасьевич Васильев написал в своих воспоминаниях, что Антонов причастен к произошедшим в октябре 1917 года похищению трех возов винтовок со двора Тамбовской городской управы и ограблению артиллерийского склада в Тамбове.

В первом случае, на запрос большевистской фракции горсовета, председатель городской управы (видный эсер, в кабинете которого частенько видели Антонова) и начальник Тамбовской городской милиции Булатов официально ответили,

¹ Сборник очерков по вопросам экономики и статистики Тамбовской губернии. Тамбов, 1922, С. 6.

² ГАТО. Ф. Р-414, Оп. 1, Д. 23, Л. 16; Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 10, Л. 17.

³ «Тамбовские губернские ведомости». 1917, 26 июля.

⁴ 18 декабря 1920 года отряд антоновцев под командованием В. Ф. Селянского выбил красных из села Анастасьевское (Бондари) Тамбовского уезда, после чего местные жители разграбили находившийся здесь филиал одной из Рассказовских суконных фабрик. Информация о случившемся дошла до В. И. Ленина. Но в таком искаженном виде, что он понял ее так, что антоновцы захватили и разграбили все фабрики в Рассказово – центре суконной промышленности Тамбовской губернии. Разгневанный Ленин потребовал от наркома внутренних дел Ф. Э. Дзержинского немедленно объявить строгий выговор командующему внутренними войсками В. С. Корневу, отдать под трибунал виновных тамбовских губисполкомовцев и чекистов и вообще принять самые решительные меры к подавлению антоновщины. В результате этого вмешательства Ленина, против антоновцев были впервые двинуты части регулярной Красной армии, а подавление восстания было взято под жесткий контроль Москвы.

Вот так бывший конокрад Селянский «отомстил» бывшему начальнику милиции Антонову за свой арест в июле 1918 года.

⁵ ГАТО. Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 15, Л. 536; Д. 31, Л. 115.

⁶ Антоновщина. Статьи, воспоминания и другие материалы к истории эсеров-бандитизма в Тамбовской губ. (Антоновщина...). Тамбов, 1923, С. 65 - 66.

⁷ «Союз», № 11. 1990, С. 14, 15.

что никакого оружия во дворе городской управы вообще не было, а запрос большевиков – их обычная провокация. Во втором же случае Тамбовский горсовет создал специальную следственную комиссию, председателем которой оказался все тот же Булатов, а одним из ее членов – Антонов. Естественно, пишет Васильев, что такая следственная комиссия не нашла ни грабителей, ни оружия, а лишь установила, что ограбление было совершено какими-то «приезжими из-за города»¹.

«Большой ошибкой» кирсановских коммунистов назвал Васильев то, что они, придя к власти в феврале 1918 года, оставили левого (а не правого, как принято считать) эсера Антонова на посту начальника уездной милиции, а не поступили по примеру Тамбова, где начальника гормилиции эсера Булатова заменили коммунистом уже на второй день большевистской власти. Такую терпимость к Антонову Васильев объясняет тем, что председателем Кирсановского уисполкома, а затем и уездным комиссаром внутренних дел (до 20 марта 1918 года) был приятель Антонова К. Н. Баженов – левый эсер, перекрасившийся позднее в «революционного коммуниста», что, впрочем, не спасло его в будущем от нескольких арестов, в том числе и «за участие в антоновщине»².

Конечно, при Баженове Антонов чувствовал себя поуверенней. Однако объяснять его «непотопляемость» только поддержкой Баженова было бы неверно. Дело в том, что за те 9 месяцев, в течение которых Антонов возглавлял Кирсановскую милицию, он показал себя отличным начальником. При нем уездная милиция окончательно сформировалась, значительно увеличилась численно и весной 1918 года представляла собой серьезную силу, не считаться с которой в уезде уже никто не мог.

А тем временем кирсановские коммунисты продолжали укреплять свою власть. «Сбросив» Баженова, они тут же принялись за командира формирующегося 1^{-го} Кирсановского социалистического полка В. Н. Михневича – бывшего заместителя Антонова, недавнего эсера, а теперь меньшевика-интернационалиста. 31 марта, по ложному обвинению в «агитации против Советской власти», Михневич был арестован. И хотя через две недели его пришлось освободить, дело было сделано: к командованию полком Михневич уже не вернулся³.

Антонову не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что отныне в Кирсанове единственной реальной, то есть вооруженной силой, не находящейся еще под контролем коммунистов, оставалась лишь вверенная ему милиция.

Поэтому уже 1 апреля Антонов явился на заседание уездного исполкома, где выразил резкий протест по поводу незаконного ареста Михневича и недвусмысленно пригрозил силой освободить его, если немедленно не будут приняты соответствующие меры. Исполком же под председательством большевика И. М. Авербаха отказался сразу освободить Михневича, но пообещал быстро разобраться в его «деле», а чтобы охладить воинственный пыл Антонова, единодушно выразил ему и всей его милиции «полное доверие»⁴.

В конце апреля Антонов еще раз проверил на лояльность к себе Кирсановский уисполком и его нового (с 9 апреля) председателя – большевика Агеева, заявив, что отказывается работать «за такую мизерную зарплату» – 425 рублей в месяц. Исполком моментально «положил» ему 500 рублей, но Антонов, вместо слов благодарности, категорически объявил, что примет эту подачку лишь в том случае, если зарплата будет повышена всем его подчиненным и, в первую очередь, рядовым милиционерам. Тут же обсудив это требование и придя к выводу, что если Антонов уйдет, то держащаяся исключительно на его авторитете милиция «вся разбежится», исполком, скрепя сердце, согласился на повышение зарплаты всем работникам уездной милиции.

Однако, несмотря на кажущуюся прочность своего положения, Антонов с каждым днем становился все более задумчивым и скрытным. Эсеровские партийные собрания почти не посещал, а если и бывал на них, то сидел тихо и только слушал, что говорят другие. Чаще и дольше обычного Александр Степанович стал пропадать в служебных поездках по уезду, в основном по южной его части. Особенно он зачастил в села Иноковку и Инжавино, к начальникам 3^{-го} и 4^{-го} районов милиции Ивану Семеновичу Заеву и Василию Казьмичу Лоцилину.

Что, кроме службы, связывало Антонова с бывшим каптенармусом Заевым и бывшим учителем и прапорщиком военного времени Лоцилиным? Да то, что именно Заев и Лоцилин помогали своему непосредственному начальнику прятать в глухих уголках южной части Кирсановского уезда все то оружие, что отбиралось Антоновым у чехословаков, бывших фронтовиков и уголовного элемента. Прятали оружие главным образом в труднодоступных лесах и болотах по берегам реки Вороны, между селами Иноковка и Чернавка. Другим местом тайного складирования оружия была юго-западная часть уезда (треугольник сел Калугино – Золотовка – Трескино)⁵.

Тогда же, во время этих манипуляций с оружием, пересеклись жизненные пути-дороги Антонова и будущего командующего «2^{-й} партизанской армией Тамбовского края» П. М. Токмакова. Однако антоновским командармом Петр Михайлович Токмаков станет лишь через два с половиной года. А пока, в середине восемнадцатого, он был рядовым милиционером конного отряда 3^{-го} района уездной милиции. Но это официально, а фактически же Токмаков являлся командиром этого отряда и правой рукой Заева. И все же самое главное было в том, что Токмаков сумел завоевать полное доверие Антонова, а затем и навсегда, до гроба, сдружиться с ним⁶.

Дела и делишки молчаливого начальника уездной милиции шли вполне терпимо, и кто знает, сколько бы это еще продолжалось, не будь создана в Кирсанове 11 апреля 1918 года уездная ЧК во главе с коммунистом-фронтовиком Казьмой Николаевичем Сатаниным, которого вскоре сменил большевик-железнодорожник Павел Варсановьевич Овчинников⁷.

Едва ли не с первого дня своего существования Кирсановская ЧК (почти сплошь большевистская) начала «копать» под уездную и городскую милиции (почти сплошь левозсеровские). А кроме того, кирсановские коммунисты резко активизировали свои усилия по занятию руководящих постов в милиции. И что же Антонов? На первый взгляд он нисколько не противодействовал ни явному «подкопу» чекистов, ни столь же очевидному напору коммунистов. Более того, он даже заменил не в меру активного эсера Герасима Петровича Перекальского – начальника милиции 1^{-го} района не менее актив-

¹ Антоновщина... С. 9.

² Там же, С. 11; ГАТО. Ф. Р-414, Оп. 1, Д. 24, Л. 13; Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 21, Л. 25.

³ Там же, Ф. Р-17, Оп. 1, Д. 31, Л. 13, 15, 15(об.), 24(об.), 26, 26.

⁴ Там же, Л. 15(об.); Антоновщина... С. 127.

⁵ ГАТО. Ф. Р-17, Оп. 1, Д. 31, Л. 34, 36(об.).

⁶ Там же, Ф. Р-400, Оп. 1, Д. 9, Л. 30, 41; Антоновщина... С. 66, 67.

⁷ ГАТО. Ф. Р-17, Оп. 1, Д. 31, Л. 24; Д. 42, Л. 9.

ным коммунистом¹ В. И. Соболевым².

Этот и другие подобные поступки Антонова несколько сбивали с толку чекистов, которые, однако, не только не ослабили своих усилий по сбору «компромата» на эсеров-милиционеров, но и даже заметно форсировали их, что напрямую было связано с произошедшими в начале июля в Москве и других городах вооруженными выступлениями левых эсеров против большевиков. Первое, во что сразу же мертвой хваткой вцепились кирсановские чекисты, было раскрытие ими нескольких случаев злоупотребления властью, допущенных начальником 3^{-го} района милиции Заевым и его ближайшим сподвижником Токмаковым. Проступки эти нельзя было квалифицировать как преступления, и поэтому чекисты стали добиваться от уездного комиссара внутренних дел большевика Сатанина увольнения со службы Заева и Токмакова³.

Сатанин тут же известил об этом Антонова и запросил его мнение. В своем ответе не шибко грамотный начальник уездной милиции писал (орфография и пунктуация подлинника):

«Принимая во внимание долгосрочную службу, со дня основания милиции, начальника милиции 3^{-го} участка Заева и милиционера Токмакова, а также знание своего дела, точность и аккуратность возложенных на них обязанностей я нахожу с своей стороны увольнение таковых со службы очень отразится в интересах государственной службы, занимаемого ими участка. Прошу Вашего разрешения об оставлении их на своих постах или же назначения следственной комиссии для выяснения виновности их»⁴.

Вполне возможно, что этот документ, написанный Антоновым, оказался последним в его милицейской биографии. Ибо в начале второй половины июля 1918 года он ушел в разрешенный ему месячный отпуск и вместе с женой уехал на отдых в бывшее помещичье имение Дашково, что в 10 километрах севернее Инжавино⁵.

* * *

Три вроде бы безмятежных недели провели супруги Антоновы в Дашково. Правда, сам Александр Степанович за отдыхом не забывал следить и за событиями в уезде. Все было спокойно, и ничто, казалось, не предвещало скорой грозы. Дело Заева и Токмакова, своевременно предупрежденных им об опасности, явно застопорилось. Лишь 14 августа, под большим нажимом ЧК, уездный комиссар внутренних дел Сатанин согласился на проведение официального расследования деятельности Заева и Токмакова. В этот день он писал в Кирсановскую уездную ЧК:

«Возвращая при сем переписку от 18-го прошлого июля за № 746, предлагаю для выяснения и расследования деятельности начальника милиции 3^{-го} участка Заева и милиционера Токмакова назначить в непродолжительном времени особую комиссию в составе: 1) одного представителя Уездной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, 2) одного представителя уездного комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) и 3) одного представителя городских служащих милиции.

По производстве названной комиссией дознания, протокол такового, вместе с настоящей перепиской, прошу прислать мне»⁶.

Но в ЧК от этой записки Сатанина попросту отмахнулись. Дело в том, что как раз 14 августа произошла смена руководства Кирсановской уездной ЧК. Вместо уволившегося по собственному желанию П. В. Овчинникова – человека слабоумного, психически больного, но отнюдь не агрессивного, председателем был назначен его заместитель Петр Степанович Зудин⁷. Однако фактически руководство уездной ЧК оказалось на несколько дней в руках нового зама, Георгия Тимофеевича Меньшова – бывшего сотрудника уездной милиции, уволенного Антоновым за пьянство и у которого страшные запои мирно чередовались с приступами неистовой служебной активности.

Если верить воспоминаниям Меньшова, опубликованным в Тамбове в 1923 году, то уже 15 августа в руки чекистов попал потерянный кем-то в Кирсанове портфель, содержимое которого тут же подняло по тревоге всю уездную ЧК и находившийся при ней так называемый Карательный отряд под командованием Г. В. Шарапова. Ибо в портфеле была обнаружена переписка эсеров о подготовке ими контрреволюционного заговора в Кирсанове с целью «разгрома уездного Совета» и проведения «планового террора на ответственных работников». Меньшов вспоминал далее:

«В переписке высказывалась уверенность заговорщиков, что милиция поголовно будет с ними. Мы, получив этот материал, немедленно командировали взвод из Карательного отряда для поимки Антонова, который, по слухам, жил в то время в Инжавино, Лощина и Заева – начальников милиции 4^{-го} и 3^{-го} районов, – назначенцев Антонова. В Инжавино отправился я, а за Заевым – тов. Шарапов. По приезде в Инжавино я вечером взял с квартиры Лощина, который был хорошо вооружен. Затем я бросился искать Антонова в Соловковом лесу, но все поиски были тщетны. Лощина я отпра-

¹ Там же, Д. 23, Л. 17; Ф. Р- 400, Оп. 1, Д. 9, Л. 36, 36(об.).

² Вячеслав Иванович Соболев оказался на редкость усердным служакой. Вскоре он перевелся начальником 4^{-го} района милиции в Инжавино, а в сентябре 1919 года занял пост начальника Кирсановской уездной милиции и тут же почему-то, но вполне официально, сменил свою фамилию на Птицына. Правда, в апреле 1920 года его несколько понизили в должности – до заместителя нового начальника уездной милиции Мина Семеновича Маслакова. На этом посту Птицын пробыл до марта 1921 года, когда был неожиданно вызван в Тамбов, где и бесследно исчез. Известно лишь, что это случилось сразу после того, как губ. ЧК получила от кирсановского чекиста Георгия Антоновича Аникина сведения о давних и тесных связях Соболева-Птицына с Антоновым (ГАТО. Ф. Р-427, Оп. 2, Д. 38, Л. 44, 45(об.); Д. 44, Л. 2, 17, 21, 70). Насколько был прав Аникин – судить трудно. Но в пользу того, что все это время (1918 – 1921 гг.) Соболев-Птицын «работал» на Антонова, говорит такой, например, факт, как поразительная информированность Антонова об оперативных замыслах кирсановских «органов», которые могли быть известны лишь очень ограниченному кругу руководящих работников ЧК и милиции. Чем, если не явным предательством кого-то из этих лиц, можно объяснить, в частности, то, что уже в первые дни антоновщины, 4 сентября 1920 года, кирсановский сводный чекистско-милицейский отряд попал в антоновскую засаду-ловушку у села Трескино и был наголову разгромлен? В числе погибших в этом бою оказался и глава кирсановских чекистов Андрей Демьянович Сачко. А начальник уездной милиции Маслаков спасся лишь благодаря своей храбрости, мастерскому владению ручным пулеметом и быстрым тогам (РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 63, Л. 197, 232).

³ ГАТО. Ф. Р-17, Оп. 1, Д. 31, Л. 24; Ф. Р- 400, Оп. 1, Д. 1, Л. 124.

⁴ Там же, Ф. Р- 427, Оп. 2, Д. 2, Л. 664.

⁵ Там же, Ф. Р- 400, Оп. 1, Д. 9, Л. 33.

⁶ Там же, Д. 68, Л. 124.

⁷ Там же, Ф. Р- 17, Оп. 1, Д. 42, Л. 6, 9.

вил в Кирсанов с конвоем, а через день был приведен и Заев, окруженный в своем районе отрядом ЧК. Через день Заев и Лоцилин, по постановлению ЧК, были расстреляны»¹.

Погорячился, ой, погорячился товарищ Меньшов! Впрочем, вскоре он и сам понял это и ушел в очередную серию заповей, которые привели его сначала на должность начальника отдела по борьбе со спекуляцией, затем сделали завхозом и, наконец, в декабре 1918 года окончились его увольнением из ЧК². А ведь не начини тогда, в августе, Меньшов пороть горячку с арестами милицейских начальников и их «приспешников» и не подними тем самым шумиху на весь уезд, стоять бы Антонову (дня через три он должен был выйти из отпуска на службу) у одной стенки вместе с левым эсером Лоцилиным и «сектантом-коммунистом» Заевым. Упустили чекисты в Иноковке и будущего антоновского командарма Токмакова, который, по словам помощника Заева, «16 августа скрылся неизвестно куда, захватив с собой наган»³. Сбежал, от греха подальше, и начальник Кирсановской городской милиции Никита Григорьевич Гридчин⁴.

Его «подвиг» тут же повторил шурин (брат жены) Антонова – начальник 2^{-го} района Кирсановской городской милиции Александр Алексеевич Боголюбский. Еще раньше распрощался со своей милицейской должностью замешанный в неудачной попытке антисоветского переворота в Тамбове 17 – 18 июня младший брат Антонова – Дмитрий, служивший до этого младшим помощником начальника милиции 4^{-го} района города Тамбова. Однако никем пока особо не преследуемые, младший брат и шурина Антонова, сойдясь вскоре вместе, порешили за благо устроиться на небольшой лесопильный завод в Тамбовском уезде, где тихо-мирно и проработали почти до конца 1918 года⁵.

А Александр Антонов, кем-то вовремя предупрежденный об опасности, быстренько отправил жену из Дашково в Тамбов, к ее матери, после чего сам бесследно исчез.

Напрасно почти десять дней караулили чекисты пустую квартиру Антоновых на Почтовой улице в Кирсанове. Александр Степанович и не думал возвращаться туда. Как, впрочем, и в свой служебный кабинет. Наконец поняв это, новый уездный комиссар внутренних дел Тихон Акимович Климов в конце августа издал приказ об освобождении начальника Кирсановской уездной милиции А. С. Антонова от занимаемой должности «за неявку из отпуска»⁶.

Часть третья

ОПЯТЬ В ПОДПОЛЬЕ

Нежданно-негаданно оказавшемуся на нелегальном положении Антонову волей-неволей пришлось вспомнить свою докаторжную молодость, когда ему, еще неоперившемуся толком эсеровскому боевику-экспроприатору, приходилось скрываться от полиции и жандармов. Вероятно, помимо элементарных приемов конспирации, Антонову вспомнились и те эсеры, которых он знал по дореволюционному подполью.

Ведомо было Антонову и то, что один из таких знакомцев (по Тамбовской тюрьме 1909 года⁷), виднейший российский эсер Владимир Каземирович Вольский возглавляет теперь «Самарскую учредилку» – Комитет членов Учредительного собрания (Комуч) – альтернативное коммунистам эсеровское правительство, объявившее себя в июне 1918 года временной (до созыва Учредительного собрания) властью на территории Самарской губернии. В августе власть Комуча распространялась уже на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и часть Саратовской губернии. Вся эта территория была объявлена «территорией Учредительного собрания». Комуч признали Уральское и Оренбургское казачьи войска. Была у него и своя Народная армия.

Вот туда, в Самару, к Вольскому и решил поехать Антонов, чтобы в рядах Народной армии с оружием в руках сражаться против большевиков. Но не в добрый час отправился Антонов в Самару. С сентября дела Комуча и его Народной армии неудержимо покатились под уклон. А 19 ноября «Съезд членов Учредительного собрания» (так теперь стал именоваться Комуч), переехавший сначала в Уфу, а затем в Екатеринбург, вовсе был разогнан колчаковцами. И проболтавшийся без толку три месяца по бурлящему гражданской войной Поволжью Антонов был вынужден несолоно хлебавши возвратиться в Кирсановский уезд⁸.

Но, видно, в недобрый час Антонов не только уезжал в Самару, но и вернулся обратно. Дело в том, что как раз накануне его возвращения домой по Тамбовской губернии прокатилась волна стихийных крестьянских восстаний. Причем наиболее сильное восстание, протекавшее в два этапа, произошло на границе Кирсановского и Моршанского уездов, в районе сел Рудовка, Вышенка, Никольское, Глуховка.

Сначала в ночь на 24 октября 1918 года произошло выступление крестьян Рудовской волости в северной части Кирсановского уезда. Однако оно было быстро, в течение трех-четырех дней, подавлено силами милиции, чекистов и местных

¹ Антоновщина... С. 128.

² ГАТО. Ф. Р- 17, Оп. 1, Д. 42, Л. 93, 93(об.).

³ Там же, Ф. Р- 427, Оп. 2, Д. 31, Л. 13.

⁴ Там же, Д. 2, Л. 284.

⁵ Там же; ГАРФ. Ф. 391, Оп. 3, Д. 18, Л. 494.

⁶ ГАТО. Ф. Р- 400, Оп. 1, Д. 431, Л. 9.

⁷ Там же, Ф. 4, Оп. 1, Д. 6743, Л. 570 - 574.

⁸ «Революционная Россия» (Юрьев), № 6. 1921, С. 24.

коммунистов. Проведенное тут же кирсановскими властями расследование причин восстания показало, что оно было вызвано вопиющей бесцеремонностью продотрядов, откровенным произволом местных властей, а также из рук вон плохо организованной мобилизацией в Красную армию нескольких возрастов крестьян.

Созданный в процессе подавления восстания «Военно-революционный штаб» вскоре вынес Рудовской волости свой приговор: расстрел шести «зачинщиков» во главе с Ильей Давыдовичем Галыгиным (исполнено 29 октября на виду у всей Рудовки), миллион рублей контрибуции и конфискация нескольких сотен лошадей и коров. Но мало того, что военревштаб назначил явно невыполнимые размеры контрибуции и конфискации, так он (по мнению проводившего позднее расследование нового председателя Кирсановской уездной ЧК Эрнеста Эрнестовича Рожкалнса) еще и вел себя по отношению к «побежденным» рудовцам недопустимо грубо и провокационно. Дикие пьяные оргии и насилия «победителей» возмутили и всколыхнули всю округу, которая 9 ноября вспыхнула огнем нового восстания. На этот раз местных коммунистов и милиции оказалось уже недостаточно, пришлось вызывать войска. 20 ноября, после ряда ожесточенных и кровопролитных боев, восстание было жестоко подавлено¹.

И хотя все требования конспирации Антонов вроде бы соблюдал, слух о его появлении на юге Кирсановского уезда моментально облетел весь Инжавинский район. Но какое же было удивление, а затем и вполне понятное возмущение Александра Степановича, когда до его ушей дошло, что это якобы он был главным подстрекателем и руководителем крестьянского восстания в районе Рудовки. Однако все было бы ничего, не поверь этим всем вымыслам инжавинские коммунисты, которые на своей районной партконференции не только заклеили позором «лжесоциалиста Антонова», но и приговорили его к смерти. Более того, среди делегатов конференции нашлись и добровольцы, пожелавшие лично привести этот приговор в исполнение².

Такой жестокой несправедливости к себе – человеку с эсеровско-каторжным прошлым, партийный стаж которого насчитывал больше лет, чем у этих инжавинских коммунистов месяцев – Антонов безнаказанно спустить не мог. Не тот был человек.

В декабре 1918-го и январе 1919 года он сколачивает вокруг себя и вооружает «Боевую дружину» из 10 – 15 человек, в преданности которых сомневаться не приходилось. В их числе оказались бросившие свой лесопильный заводик под Тамбовом младший брат Дмитрий и шурин Александр Алексеевич Боголюбский, бывшие милиционеры Петр Михайлович Токмаков, Петр Михайлович Давыдов и другие, тоже в основном бывшие милиционеры, избежавшие в августе ареста или же арестованные, но в конце концов выпущенные чекистами на свободу «за неимением обвинительных материалов»³.

Едва ли не единственным немилитционером в боевой дружине Антонова был его старый знакомый по дореволюционному эсеровскому подполью, будущий глава Тамбовского (вернее, антоновского) эсеровского губкома Иван Егорович Ишин – 43-летний говорун и весельчак из села Калугино Кирсановского уезда. Сын кулака-богатей, владельца 28 десятин земли, Иван Ишин не унаследовал от отца тяги к земле и в 1905 году, вступив в партию эсеров, занялся революционной пропагандой среди крестьян. Его недюжинный агитаторский талант был отмечен тогдашними властями следующим образом: 2 месяца Тюрьмы в 1906 году – от кирсановского уездного исправника, 4 месяца тюремного заключения в 1907 году – от губернского жандармского управления и 4 месяца тюрьмы плюс 2 года ссылки в 1909 году – от Саратовской судебной палаты⁴.

В нашей исторической литературе об антоновщине давно уже сложилась такая традиция: упоминая имя Ишина, непременно поведать о присвоении им огромной суммы партийных (эсеровских) денег – 40 тысяч рублей, на которые он якобы открыл промтоварную лавку в своем селе и начал богатеть. Как выяснилось, историкам эти сведения попали от тамбовских чекистов Георгия Антоновича Аникина и Михаила Ивановича Покалюхина. На вопрос о том, какой конкретно эсеровской организации принадлежали эти деньги, первый отвечал, что, возможно, Кирсановской, а второй – что той сибирской, где Ишин отбывал ссылку⁵.

Увы, нельзя согласиться ни с одним, ни с другим. Ибо, во-первых, ссылку Ишин отбывал не в Сибири, а в Архангельской губернии, где «водились» только ссыльные эсеры, у которых вряд ли были такие бешеные деньги. А во-вторых, надо совершенно не знать внутрипартийных эсеровских порядков, чтобы всерьез предположить, что кирсановские эсеры, зная о таком преступлении Ишина, позволили бы ему сколько-нибудь долго оставаться в живых и вдобавок нагло богатеть у них на глазах. Тот же Антонов, не моргнув глазом, первым бы разрядил в Ишина свой наградной маузер и потом искренно считал бы, что поступил благородно. Однако Александр Степанович, будучи начальником уездной милиции, не только не сделал этого, но и неоднократно противодействовал калугинским коммунистам в их попытках арестовать Ишина. Поэтому неудивительно, что сразу после ухода Антонова из милиции, Ишина обложили такой контрибуцией, что он мигом сбежал из села и долго скрывался у своих многочисленных родственников и знакомых, пока, наконец, не оказался в боевой дружине Антонова, которая в начале 1919 года приступила к проведению террора против местных коммунистов⁶.

По данным уполномоченного ЦК партии правых эсеров по Тамбовской губернии Юрия Николаевича Подбельского, Антонов первым делом расправился с теми коммунистами, которые на районной партконференции в Инжавино сами выжились найти и убить его⁷.

Одновременно с террором Антонов занялся и «экспроприациями» советских учреждений. Заметим, что наши писатели и историки, дабы показать Антонова закоренелым злодеем, на протяжении семидесяти с лишним лет упорно приписывают ему гнусное ограбление детской колонии в Дашково, где находились дети голодающих питерских рабочих и где антоновскими дружинниками под командованием Токмакова якобы было «экспроприровано» 110 тысяч рублей⁸.

Однако найденные автором этих строк архивные документы убедительно свидетельствуют о полной непричастности Антонова к этому позорному «кэксу». На самом деле ограбление Дашковской детской колонии совершил (в сговоре с не-

¹ ГАТО. Ф. Р- 17, Оп. 1, Д. 42, Л. 36; Ф. Р- 400, Оп. 1, Д. 18, Л. 3, 9 - 11, 15; Д. 159, Л. 30, 30(об.), 58; Д. 431, Л. 35, 60.

² «Революционная Россия», № 6. 1921, С. 24.

³ Антоновщина... С. 67; «Союз», № 11. 1990, С. 14; ГАТО. Ф. Р-400, Оп. 1, Д. 18, Л. 14.

⁴ Там же, Ф. 272, Оп. 1, Д. 24, Л. 43, 43(об.), 54(об.), 81, 96; Ф. 6, Оп. 1, Д. 6966, Л. 59, 60, 62.

⁵ Антоновщина... С. 27, 67; РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 133, Л. 36(об.).

⁶ Антоновщина... С. 27, 67.

⁷ «Революционная Россия», № 6. 1921, С. 24.

⁸ См., напр.: Стрыгин А. Расплата. Роман. Воронеж, 1965, С. 266; «Союз», № 11. 1990, С. 14 и др.

сколькими работниками колонии) некто Семен Васильевич Коновалов, у которого при обыске нашли 90 тысяч рублей и украденные из колонии вещи. Но самое удивительное: находясь уже под следствием, Коновалов умудрился вступить в ряды коммунистической партии¹.

Из «экспроприаций», действительно совершенных дружиной Антонова, наибольшую известность получили ограбления Утиновского (Верхне-Шибряйского) сельсовета в северной части Борисоглебского уезда и Золотовского волысполкома в Кирсановском уезде. Причем в последнем случае, произошедшем в начале февраля 1919 года, антоновскими дружинниками были убиты четыре волысполкомовских коммуниста. Забегая несколько вперед, скажем, что самым дерзким «эксом» Антонова было ограбление вечером 1 декабря 1919 года Инжавинского райпродуправления, во время которого антоновцы расстреляли трех коммунистов и одного австрийского военнопленного, работавшего в райпродуправлении конюхом-сторожом².

Численность дружины Антонова непрерывно увеличивалась и к середине лета 1919 года достигла ста пятидесяти хорошо вооруженных и дисциплинированных боевиков. В основном это были люди, придирчиво отобранные Антоновым после им же организованного у села Трескино двухтысячного митинга дезертиров, перед которыми с зажигательной речью и горячими призывами вступать в ряды боевой дружины Антонова выступил его заместитель по пропаганде и агитации Иван Егорович Ишин³. Кстати, здесь же, под Трескино, в ночь на 11 июня антоновцы убили инструктора отдела управления Кирсановского уездного исполкома Бутовского и уполномоченного ВЧК Бориса Николаевича Шехтера⁴. А всего за лето 1919 года только в одном Кирсановском уезде дружинниками Антонова были убиты, по данным уездного комитета РКП(б), около сотни коммунистов⁵.

Несмотря на все возрастающую активность и даже агрессивность Антонова, борьба с ним велась довольно пассивно, что можно объяснить двумя основными причинами. Во-первых, недостатком сил, имевшихся в распоряжении уездных властей, а во-вторых, тем, что кирсановские руководители упорно не хотели видеть в Антонове достойного противника, благо что уездный городишко Кирсанов своими налетами он не беспокоил. Такое положение попытка было исправить уездный ревком, созданный 3 июля 1919 года в связи с объявлением Тамбовской губернии (кроме четырех ее северных уездов) на военном положении. 5 июля ревком издал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Всем гражданам, имеющим оружие, за исключением членов РКП(б), под страхом расстрела на месте приказывается в 24 часа сдать таковое в Кирсановский уездный военный комиссариат»⁶.

Однако не все было так просто, и 26 июля уездный ревком, весьма озабоченный участвовавшими вылазками дружинников Антонова, писал в своем приказе:

«В результате пассивного отношения к делу защиты революции наблюдается, что контрреволюция во всех своих проявлениях подняла голову. Участились случаи преследования коммунистов на местах. Разбойничьи банды открыто разгуливают по уезду, дезертиры массами скрываются по селам и окрестностям, а местная власть смотрит пассивно на такие явления и, благодаря своей пассивности и расхлябанности, часто не в силах бороться с этим «гнилым нарывом» революции. Контрреволюционеры и бандиты всех мастей в своих грязных замыслах дошли до того, что открыто делают вооруженные нападения на честных и преданных делу революции товарищей, поджигают дома коммунистов, вытаптывают засеянные поля их семей.

...Для фактического проведения в жизнь военного положения на местах и принятия решительных мер по беспощадной борьбе с контрреволюцией уездный ревком приказывает: каждому волысполкому совместно с волвоенкомом и представителями от организации РКП(б) взять заложников от кулацкого элемента, от укрывателей дезертиров, от самогонщиков, бандитов и других контрреволюционных элементов.

В случае активного выступления контрреволюционеров за каждого убитого коммуниста будут расстреляны заложники, за поджоги, вытаптывание полей расстреливаются заложники, за укрывательство и пособничество дезертирству головой отвечают заложники.

Все контрреволюционеры, бандиты и дезертиры должны быть изъяты беспощадной рукой из пределов местности, объявленной на военном положении»⁷.

Однако время шло, а Антонов все не унимался, несмотря на драконовские строгости военного положения и частичное «проведение в жизнь» уездными властями своих репрессивных обещаний. Поэтому в начале осени 1919 года Кирсановский уездный военревком во главе с председателем уисполкома В. А. Зайцевым сформировал (с превеликим трудом) специальный отряд для борьбы с Антоновым. Но бойцам этого спецотряда не довелось сразиться с антоновскими дружинниками, так как почти тут же по сформировании отряд приказом губревкома был срочно вызван в Тамбов и оттуда отправлен на фронт против белых⁸.

Этот факт отправки спецотряда на фронт лишний раз подтверждает, что вопросу безотлагательной ликвидации дружины Антонова должного значения не придавали ни уездные, ни, тем более, губернские власти. Однако очень скоро им пришлось-таки вернуться к решению этой проблемы. 14 октября 1919 года в южной части Кирсановского уезда, у деревни Чернавки, на озере Ильмень дружинниками Антонова были убиты приехавшие сюда поохотиться на уток недавний председатель Тамбовского губисполкома Михаил Дмитриевич Чичканов (снятый с должности за сдачу Тамбова белоказакам во время знаменитого рейда генерала Константина Константиновича Мамонтова) и ответственный работник губсовконтроля Сергей Клоков. Находившегося вместе с ними беспартийного тамбовского аптекаря Дмитрия Ключенкова антоновцы убивать не стали, а лишь изрядно поколотили, чтобы в другой раз знал, с кем и куда ездить на охоту⁹.

¹ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 837, Оп. 1, Д. 213, Л. 91, 96.

² Там же, Л. 90; Антоновщина... С. 131, 133.

³ Там же, С. 21, 67, 68; «Союз», № 11. 1990, С. 14.

⁴ ЦДНИТО. Ф. 837, Оп. 1, Д. 197, Л. 4, 4(об.).

⁵ «Революционная Россия», № 6. 1921, С. 25.

⁶ Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны (1918 – 1921 гг.). Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989, С. 171, 173, 174.

⁷ Там же, С. 175, 176, 177.

⁸ Там же, С. 196, 197.

⁹ Рязанов В. Ответ на выстрел \ Гвардейцы революции. Воронеж, 1967, С. 322.

То, что бывший председатель губисполкома Чичканов отправился на охоту в самое что ни на есть логово Антонова, убедительнейшим образом свидетельствует о полном незнании им оперативной обстановки в этой части губернии.

Однако хорош или плох был убитый бывший предгубисполкома, он все-таки являлся номенклатурой ЦК РКП(б), и на его убийство полагалось отреагировать соответствующим образом. Поэтому буквально тут же в район Инжавино были направлены несколько чекистских, милицейских и красноармейских отрядов, общее руководство которыми осуществляла специальная выездная сессия губ. ЧК под председательством будущего начальника Кирсановской уездной милиции Мина Семеновича Маслакова. В составе выездной сессии находились достаточно опытные и смелые чекисты, например, будущие заведующие Кирсановским и Тамбовским уездными политбюро (так с 1920 года стали называться уездные ЧК) Андрей Демьянович Сачко и Иван Захарович Кирьянов¹.

В дополнение к этим мерам, а также ввиду того, что, как быстро выяснилось, войсковые операции против дружины Антонова не достигают цели, председатель Тамбовской губ. ЧК Иосиф Иосифович Якимчик направил в Инжавинский район несколько своих сотрудников с заданием проникнуть в дружину Антонова и любой ценой «уничтожить главаря банды». Надо отметить, что операциям по ликвидации Антонова и его дружины придавалось весьма серьезное значение, ибо эти операции находились под личным контролем командующего внутренними войсками Константина Максимовича Валобуева и начальника Особого отдела ВЧК, руководителя советской военной контрразведки Михаила Сергеевича Кедрова, который в начале двадцатых чисел октября прибыл со своим поездом в Кирсанов. Ознакомившись здесь с обстановкой, Кедров немедленно затребовал из Саратова спецотряд по борьбе с бандитизмом (200 штыков и 50 сабель при двух пулеметах), а также послал в инжавинские леса двух своих сотрудников для убийства Антонова².

Трудные дни наступили для Александра Степановича. Немало его дружинников погибло в ожесточенных схватках с чекистскими отрядами. Страшной силы удар обрушился и на «пособников-укрывателей» из местного населения: десятки расстреляны, сотни брошены в концлагеря. Однако «достать» самого Антонова или кого-либо из его ближайшего окружения чекистам так и не удалось. И вообще, как писал позднее секретарь Тамбовского губкома РКП(б) Б. А. Васильев, губ. ЧК сразу же «столкнулась с тем фактом, что Антонова изловить дьявольски трудно, так как он имеет своих людей всюду – вплоть до партийных комитетов и органов ЧК»³.

А вот что писал по этому поводу чекист М. И. Покалюхин: «Хитрость Антонова и покровительство ему со стороны кулачества – спасло его. Вообще нельзя отказать Антонову в твердости характера, находчивости, умении ориентироваться и большой храбрости. Все это давало ему возможность не раз уходить из наших рук»⁴.

О двух таких случаях рассказал в своих воспоминаниях Иван Акимович Климов, служивший некоторое время в 1919 году начальником Кирсановской уездной милиции:

«В конце 1919 года в Иноковке, в доме Токмакова, были выслежены Токмаков с Антоновыми. Местные коммунисты и милиция окружили дом. На вызов никто не выходил, и двери были заперты. Тогда принесли керосин и зажгли дом. На пожар собралась толпа крестьян. Вдруг открылись 3 окна, из которых полетели бомбы. Среди толпы поднялась суматоха. Из дома выскочили Антонов, его брат и Токмаков, начали бросать во все стороны бомбы и, очищая себе таким образом путь, скрылись.

В том же 19-ом году, в каком месяце – не помню, инжавинскому предволкомпарту тов. Полатову было сообщено, что Антонов с братом и Токмаковым остановились ночевать в одной хате. Тов. Полатов собрал человек 15 членов партии и часов в 11 вечера – очень темного – отправился на облаву. Окружили дом. Тов. Полатов был слишком горяч – подошел к двери и стал стучать, чтобы отпирали. Дверь отворилась, показавшийся в дверях Антонов сделал два выстрела. Полатов тут же упал, цепь спуталась, и Антонов убежал в лес, где и скрылся. Товарища Полатова тут же положили на повозку и направили в Карай-Салтыковскую больницу с хозяином этого дома, без охраны. Хозяин скрылся, а тов. Полатов умер»⁵.

Отчаявшись уничтожить Антонова физически, выездная сессия губ. ЧК решила уничтожить его морально и начала распространять были и небылицы о зверских убийствах Антоновым «безвредных деревенских идеалистов в лице членов Коммунистической партии». Естественно, в числе «зверски» убитых фигурировал и вышеупомянутый Григорий Игнатьевич Полатов⁶.

Антонов стоически терпел. Но только до тех пор, пока его не объявили отпетым бандитом-уголовником, грабящим и убивающим ни в чем не повинных мирных жителей, и не поставили в один позорный ряд с главарем известной всему уезду уголовной банды Колькой Бербешкиным.

Это было уже настолько слишком, что рассвирепевший от незаслуженных обвинений Антонов в несколько дней выследил банду Бербешкина и безжалостно истребил ее до последнего человека. После чего отправил начальнику Кирсановской уездной милиции письмо, в котором категорически заявил, что он не уголовник, а политический противник коммунистов, сообщил о ликвидации им Бербешкина (указав место, где можно найти его труп) и даже выразил готовность помочь милиции в борьбе с уголовными шайками. Письмо свое Антонов заканчивал так: «Желание коммунистов – очернить нас перед лицом трудящихся – плохо удастся, надеюсь, что на этом поприще они и впредь будут иметь подобный же успех... О вышеизложенном прошу довести до сведения уездного комитета РКП». Судя по почтовому штемпелю, письмо это было отправлено Антоновым 18 февраля 1920 года⁷.

Вскоре кирсановские «Известия» опубликовали весьма неуклюжий «Ответ на письмо Антонова, присланное им на имя начальника Кирсановской усовмилиции», подписанный почему-то выездной сессией губ. ЧК, которая твердо пообещала Антонову и его дружинникам, что «карающая рука пролетариата, победившего мировую контрреволюцию, быстро раздавит вас, пигмеев, своим железным кулаком»⁸.

И – удивительное дело ! – Антонов притих. Да так, что оставшаяся без работы выездная сессия губ. ЧК в марте была

¹ Антоновщина... С. 68, 69.

² Внутренние войска Советской республики (1917 – 1922 гг.). Документы и материалы. М., 1972, С. 432, 433.

³ Антоновщина... С. 12.

⁴ Там же, С. 69.

⁵ Там же, С. 32.

⁶ «Союз», № 11. 1990, С. 14.

⁷ Леонидов Б. Эсеров-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним \\ «Революция и война», № 14 - 15. 1922, С. 162.

⁸ «Союз», № 11. 1990, С. 14.

отозвана в Тамбов.

Разумеется, не чекистских угроз испугался Антонов. Просто еще тогда, в феврале 1920 года, он прозорливо увидел впереди зарево большого крестьянского восстания и, уйдя в глубокое подполье, стал потихоньку создавать в деревнях сеть будущих повстанческих «местных штабов».

Вслед за Антоновым неотвратимость надвигающегося восстания поняли и тамбовские эсеры. Бросившись воссоздавать свои нелегальные партийки в селах, они с удивлением наткнулись во многих деревнях на уже готовые антоновские «местные штабы». Состоявшиеся вскоре по этому поводу переговоры эсеров с Антоновым завершились тем, что эсеровские и антоновские подпольные организации слились воедино в формально беспартийные «Союзы трудового крестьянства».

Справедливости ради отметим, что приближение восстания почувствовали и некоторые местные коммунисты. Однако их отчаянные сигналы не захотели услышать ни в Тамбове, ни в Москве.

В начале августа 1920 года стали известны заведомо невыполнимые объемы продразверстки для Тамбовской губернии, особенно для Кирсановского, Борисоглебского и Тамбовского уездов, пораженных сильнейшей засухой. Население этих уездов оказалось перед страшным выбором: не отдавать хлеб продотрядам (то есть восставать) или умирать голодной смертью.

Однако, как ни готовились эсеры и Антонов к восстанию, оно все-таки началось неожиданно для них, не говоря уже о губернских властях. 21 августа крестьяне села Каменки Тамбовского уезда разгромили увозящий их хлеб продотряд и попытавшийся помочь ему спецотряд по борьбе с дезертирством. В тот же день к восставшей Каменке присоединились некоторые близлежащие села. И все-таки уже к вечеру 24 августа восстание было почти подавлено, а сама Каменка занята сильным отрядом красных¹. Но судьба распорядилась так, что именно в этот вечер сюда со своей боевой дружиной прибыл Антонов. Здесь он узнал, что на состоявшейся накануне в Тамбове экстренной конференции эсеры признали восстание в районе Каменки преждевременным, то есть практически бросили повстанцев на произвол судьбы².

Поступить аналогичным образом Антонов не мог и в ночь на 25 августа принял на себя руководство уже дышавшим на ладан восстанием и тут же увел уцелевших повстанцев в кирсановские леса, где основательно вооружил их из своих тайников. А утром 30 августа 1920 года Каменский район вспыхнул огнем нового восстания. Так началась антоновщина – последняя крестьянская война в России, продолжавшаяся целый год.

НАЧАЛЬНИК ГЛАВОПЕРШТАБА

А. С. Антонов
(зима 1920 – 1921 гг.)

16 июля 1921 года главный подавитель антоновщины, «командующий войсками Тамбовской губернии» М. Н. Тухачевский написал в своем победном рапорте на имя В. И. Ленина, что в числе главных факторов, помешавших подавить восстание в самом его начале, были «скрытый большой запас оружия, сделанный Антоновым за время его начальствования Кирсановской уездмилицией и, наконец, военно-организаторский талант Антонова»³.

Да, как предводитель тамбовских повстанцев Антонов не ударил в грязь лицом. Деловые характеристики на него, составленные видными военачальниками Красной армии, буквально пестрят такими эпитетами, как «недюжинная фигура с большими организаторскими способностями», «энергичный, опытный партизан» и т. п. К слову сказать, и ВЧК отдавала ему должное, отмечая отличную постановку разведывательного дела у тамбовских мятежников и незаурядные конспираторские способности самого Антонова⁴.

14 ноября 1920 года, преодолев сильнейшую партизанщину командиров отдельных повстанческих отрядов, Антонов создал единый центр руководства восстанием – так называемый Главный оперативный штаб, начальником которого сам же и стал, будучи избран на этот пост тайным голосованием на альтернативной основе. А в феврале 1921 года – апогей антоновщины – уже существовало около двадцати повстанческих полков, сгруппированных в две (1^{-го} и 2^{-го}) «партизанские армии Тамбовского края». Как известно, обе они были разгромлены регулярной Красной армией в ожесточенных сорокадневных боях, протекавших с конца мая по начало июля 1921 года.

Однако конец антоновщины начался еще в феврале, когда на Тамбовщине, а через месяц и по всей стране была отменена ненавистная крестьянству система продразверстки, на смену которой вскоре пришла более терпимая система продналога. Сразу ли понял Антонов, что это начало конца? Да. Когда известие об отмене продразверстки застало его в одном селе под Тамбовом, и крестьяне со слезами на глазах кричали «Мы победили!», Антонов грустно изрек повстанческим командирам: «Да, мужики победили.

¹ ГАРФ. Ф. 391, Оп. 3, Д. 18, Л. 490 - 493.

² Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. Р-503, Оп. 1, Д. 49, Л. 24 - 24(об.).

³ Архив Л. Д. Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета США (Архив Троцкого), документ Т-685.

⁴ РГВА. Ф. 7, Оп. 2, Д. 483, Л. 8; Д. 527а, Л. 219.

Хотя и временно, конечно. А вот нам, отцы-командиры, теперь крышка»¹. И как в воду глядел. За руководителями восстания началась настоящая охота.

12 апреля командующий войсками Тамбовской губернии Александр Васильевич Павлов (предшественник Тухачевского, командовавший до этого ДОНом – Дивизией особого назначения ВЧК, известной ныне как дивизия внутренних войск имени Ф. Э. Дзержинского) объявил всех повстанческих командиров, от взводного и выше, «вне закона». А спустя месяц всем антоновцам было категорически предложено, под страхом репрессий в отношении их семей, «немедленно прекратить сопротивление, явиться в ближайший штаб Красной Армии, сдать оружие и выдать своих главарей».

Однако не смотря на ширококомасштабные репрессии (только с 1 июня по 10 июля 1921 года были брошены в концлагеря и частично высланы на Север до 1 500 семей повстанцев²), местное население упорно отказывалось сдавать оружие и выдавать антоновцев, которые тоже не очень спешили сдаваться и вязать своих командиров.

Перелом произошел во второй половине июня, когда стал жесточайшим образом «проводиться в жизнь» печально знаменитый на Тамбовщине двадцать первого года приказ № 171, в соответствии с которым в селах брались и расстреливались заложники, если население не выдавало спрятанное оружие, антоновцев и их семьи. Особенно жестоко этот приказ выполнялся в так называемых «злостнобандитских селах» (все населенные пункты мятежной части Тамбовщины были поделены красными на 4 категории: «советские», «нейтральные», «бандитские» и «злостнобандитские»). И если расстрел первой партии заложников не давал нужного результата, то тут же бралась и ставилась к стенке следующая. Так, после расстрела трех партий заложников (всего 23 человека) в деревне Кулябовка Борисоглебского уезда, она моментально превратилась из «злостнобандитской» в «советскую». Самая же большая партия заложников (80 человек) была расстреляна в «злостнобандитском» селе Паревка Кирсановского уезда³, после чего сдались бродившие в ее окрестностях остатки Особого полка антоновцев (своего рода повстанческая гвардия) во главе со своим командиром Яковом Васильевичем Санфириновым. Заметим, что до этого ни один из командиров антоновских полков не сдался в плен, предпочитая в безвыходной ситуации пустить себе пулю в висок.

В июле – сентябре 1921 года сдались еще шесть командиров повстанческих полков (было твердо обещано, что их не расстреляют). Сам же Александр Степанович Антонов, разумеется, и не помышлял о добровольной явке с повинной, прекрасно понимая, что прощения ему не будет.

* * *

В великом множестве больших и малых боев довелось участвовать Антонову. Судьба явно берегла его: лишь трижды он был ранен. Первый раз это случилось 18 сентября 1920 года в кровопролитном бою под селом Афанасьевка Тамбовского уезда; пуля чиркнула по щеке, оставив небольшой шрам⁴.

Второй раз Антонов был ранен в том же месяце в селе Золотовка Кирсановского уезда, где его с двенадцатью ближайшими сподвижниками в одном из домов неожиданно окружил 2^{-й} взвод эскадрона имени Л. Д. Троцкого из Кирсанова. Не испытывавшие недостатка в патронах штабисты Антонова продержались до темноты, а затем, забросав осаждающих гранатами, прорвали кольцо окружения и скрылись. Во время в общем-то успешного прорыва самому Антонову не повезло: несколько красноармейцев видели, как пуля вырвала большой кусок правого рукава кожаной тужурки Антонова⁵. Как выяснилось позднее, в этом бою Антонов был ранен в правую руку, после чего она начала постепенно сохнуть.

В третий же раз Антонов был ранен по касательной в голову 6 июня 1921 года во время бегства из пограничного с Тамбовщиной пензенского села Чернышево, куда неожиданно ворвались три машины из чекистского автобронеотряда № 52. Кстати, шофер одной из машин – Михаил Лаврентьевич Соловьев, увидевший скакавшего к лесу Антонова и указавший на него пулеметчиком, уже через несколько дней получил орден Красного Знамени⁶. (И вообще мало кто знает, что примерно каждый десятый орден Красного Знамени в гражданскую войну 1918 – 1922 годов был дан именно за подавление антоновщины). О ранении Антонова в голову немедленно и громогласно протрубили почти все тамбовские газеты. Поэтому остается только гадать, что же толкнуло популярного в свое время советского писателя Николая Евгеньевича Вирту⁷ дать в известном романе «Одиночество» свою версию происхождения шрама на голове Антонова. Уж не то ли обстоятельство, что главным рецензентом романа был Иосиф Виссарионович Сталин, и поэтому боевое происхождение шрама не вписывалось в жесткие рамки «социалистического реализма»? Однако предоставим слово Вирте:

«Вечером в избе, где жил Антонов, за закрытыми ставнями пьянствовали Антонов, Косова и Герман.

...Ночью, совсем потерявшие остатки разума, они спустились вниз и, шатаясь, пробрались к амбару. Там вторые сутки ждали своей участи пленные коммунисты. Герман отпер амбар, зажег свечу в фонаре, висевшем у прилолки.

Пленные – их было пятеро: четверо мужчин и девушка-учительница – сбились в кучу и, тесно прижавшись друг к другу, ждали смерти.

Антонов, не целясь, выстрелил в угол. Девушка вскрикнула.

– Т-ты не можешь, – сказала Косова, ее шатало от самогонки. – Д-дай я !

Она прицелилась, маузер дал осечку, прицелилась еще раз. Из угла выскочил чернявый, босой человек, в одном исподнем и крикнул:

– Палачи, убейте ! – и рванул на себе рубашку.

Дрожащими руками Герман выхватил браунинг и выстрелил в белое пятно, человек упал и пополз в угол, к своим.

Потом Косова и Антонов начали палить в живую, шевелящуюся стонущую кучу.

И вдруг из нее начал вырастать человек.

¹ Там же, Ф. 235, Оп. 5, Д. 110, Л. 40.

² Архив Троцкого, документ Т-686.

³ ЦДНИТО. Ф. 382, Оп. 1, Д. 230, Л. 24.

⁴ РГВА. Ф. 235, Оп. 5, Д. 60, Л. 170.

⁵ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области, Д. П-11480, Л. 27.

⁶ ГАТО. Ф. Р-1832, Оп. 1, Д. 1002, Л. 7(об.).

⁷ Настоящая фамилия – Карельский; его отец – священник села Большая Лозовка Тамбовского уезда – был расстрелян 5 июля 1921 года по приказу № 171 (*Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919 – 1921 гг. «Антоновщина». Документы и материалы. Тамбов, 1994, С. 221*).

Хватаясь за бревна, вставала девушка. Она обернулась к убийцам, колеблющийся свет упал на ее лицо, обогренное кровью.

Дико завизжала Косова; выронив маузер, она бросилась бежать; с безумным, перекосившимся от ужаса лицом пятился назад Герман; Антонов захрипел, метнулся к двери, упал и расшиб о косяк голову.

В амбар вбежали люди»¹.

Что здесь можно сказать? Что ни Маруси Косовой, ни Шурки Германа ко времени описываемых в романе событий (май – июнь 1921 года) уже давно не было в живых? Выходит, что воинствующий трезвенник Антонов пил «вонючую самогонку» с покойниками?!

Впрочем, далеко не один Николай Вирта грешен по части измышлений, касающихся биографии Антонова. Вот и другой известный писатель, Варлам Тихонович Шаламов, со своим «достоверным» рассказом «Эхо в горах». Это трогательное до слез, но, увы, абсолютно придуманное повествование о том, как в разгар восстания Антонов попал в плен, а красный комбриг, некто Михаил Степанович Степанов (якобы бывший эсер, сидевший когда-то в Шлиссельбургской крепости вместе с Антоновым и даже целый год скорманный с ним одной цепью), устроил ему побег, предварительно взяв с Антонова честное слово (честное каторжное?), что тот прекратит вооруженную борьбу с советской властью. Александр Степанович, понятное дело, слово свое не сдержал. А лет через шесть чекисты узнали о том, кто помог Антонову бежать, и бывший комбриг получил 10 лет лагерей, где и повстречался с Шаламовым. Кстати, последний весьма любопытно, но опять-таки совершенно неверно описывает и гибель Антонова: «Антоновщина шла к концу. Сам Антонов лежал в лазарете в сыпном тифу, и когда лазарет был окружен красноармейскими конниками, брат Антонова застрелил его на больничной койке и застрелился сам. Так умер Александр Антонов»². Разумеется, каждый писатель, обращающийся к исторической теме, имеет неоспоримое право на художественный вымысел. Однако всему же должен быть предел. Особенно это касается такого жанра, как исторический очерк. Поэтому вряд ли можно найти сколько-нибудь вразумительный ответ на такой, к примеру, вопрос: почему ставший ныне популярным у нас писатель-эмигрант Роман Борисович Гуль, создавший в одном из своих исторических очерков довольно колоритный (хотя и безбожно искаженный) образ «легендарного атамана-мстителя» Антонова, именует его совсем другим именем и отчеством – Герасимом Павловичем? И вообще, по Гулю, антоновщина была не в Черноземье, а в Поволжье³. На наш взгляд, это уже слишком.

И все же недостижимой вершиной беспредела в изображении Антонова и вообще событий антоновщины являются бесчисленные, но совершенно бредовые газетные публикации и интервью 1990-х годов тамбовского пенсионера Бориса Васильевича Сенникова, который, насколько известно автору этих строк, не является историком и никогда не бывал ни в одном из архивов, где хранятся документы по истории Антоновского восстания.

В середине июня 1921 года еще не оклемавшийся толком от недавнего ранения в голову Антонов опять угодил в перепплет. В тот день красные курсанты обнаружили и атаковали неподалеку от села Трескино Кирсановского уезда небольшой повстанческий отряд, в который как раз угораздило приехать Антонова. После короткого боя мятежники «рассеялись» в разные стороны, а преследуемые конными курсантами Антонов и четверо его ближайших сподвижников выскочили прямо на Трескино, где размещался штаб сводной курсантской бригады.

Увидев выгнанных на село пятерых мятежников и с удивлением узнав в одном из них самого Антонова, командир бригады и еще человек двадцать штабистов и курсантов мигом вскочили на коней и бросились на перехват Антонова и его спутников. Однако многоверстная бешеная скачка со стрельбой окончилась безрезультатно. Кони преследуемых оказались резвее⁴.

В начале июля, желая спасти остатки своих разгромленных армий от окончательного уничтожения, Антонов приказал повстанческим командирам прекратить вооруженную борьбу и, сохраняя людей и оружие, дожидаться того момента, когда красные будут вынуждены вывести из пределов разоренной и голодающей Тамбовской губернии свою огромную (120-тысячную) оккупационную армию. И тут же сам первым продемонстрировал пример исполнительности, внезапно и бесследно исчезнув даже из поля зрения советской военной и чекистской разведки.

Отметим, что этот приказ Антонова почему-то не на шутку встревожил не только командующего войсками губернии Тухачевского, настоятельно рекомендовавшего Москве ни в коем случае не спешить с выводом войск (особенно курсантских частей с Тамбовщины, но и самого Ленина, посчитавшего даже необходимым ознакомить Политбюро РКП(б) с этим приказом Антонова⁵.

** *

Настойчивые попытки чекистов и войсковых разведчиков установить местонахождение затаившегося Антонова увенчались успехом лишь 30 июля 1921 года, когда стало известно, что он с отрядом в 180 человек скрывается в районе озера Змеиное, что между селами Рамза и Паревка Кирсановского уезда.

2 августа весь этот труднодоступный район – сплошные болота и озера – был наглухо блокирован курсантами и отборными частями внутренних войск и регулярной Красной армии. А на следующий день красные курсанты дважды пытались достичь Змеинового озера, но оба раза были остановлены на подступах к нему сильным ружейно-пулеметным огнем антоновцев. 4 августа район Змеинового озера был подвергнут сильнейшему артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. И хотя это не нанесло ощутимых потерь мятежникам, однако действовало на них очень деморализующе, что обнаружилось уже утром 5 августа, когда красноармейские цепи начали сжимать кольцо окружения.

К вечеру все было кончено. Половина антоновского отряда погибла в бою, а половина попала в плен. Однако среди убитых и плененных мятежников ни самого Антонова, ни его брата Дмитрия не оказалось. И вообще для полного счета не хватало еще десятка полтора антоновцев.

¹ Вирта Н. Одиночество. Роман. М, 1957, С. 220, 221.

² Шаламов В. Левый берег. Рассказы. М., 1989, С. 224 - 229.

³ Гуль Р. Красные маршалы. М, 1990, С. 123.

⁴ Мокеров В. Курсантский сбор по борьбе с антоновщиной \ \ «Война и революция». 1932, Кн. 1, С. 76.

⁵ Ленинский сборник XX. С. 350; Орловский Г. «Как дела в Тамбовской губернии?» (сборник очерков). Воронеж, 1974, С. 71.

Как выяснилось позже, Антонов и другие повстанцы спаслись тем, что спрятались в заранее подготовленных схронах внутри озерных кочек, из которых была выбрана земля, и курсанты прошли буквально над ними.

6 августа были подведены итоги прочесывания. Несомненный успех операции серьезно омрачался тем, что в густой невод облавы так и не попалась самая крупная рыба – братья Антоновы и скрывавшийся вместе с ними командир 4^{-го} Низовского повстанческого полка Иван Алексеевич Востриков.

Так как пленные мятежники в один голос утверждали, что к началу операции прочесывания Антонов был с ними на Змеином озере, а внешнее красноармейское оцепление клялось и божилось, что сквозь него никто не мог проскочить незамеченным, то было решено повторить прочесывание 7 и 8 августа.

Но и на этот раз Антонову удалось перехитрить красных, хотя они и обнаружили место на Змеином озере, где скрывались последние мятежники. После продолжительной и интенсивной перестрелки, потеряв четырех человек убитыми, Антонов приказал своему денщику Алешке и еще пятерым рядовым повстанцам выйти к красным и сдаться, а также сказать, что они якобы последние из укрывавшихся на озере антоновцев.

Пока эти шестеро, громко перекликаясь с курсантами, получили от последних заверения, что не будут тут же расстреляны, и пошли, наконец, сдаваться, адъютант Антонова Иван Александрович Старых, уже упоминавшийся Востриков и братья Антоновы зашли по горло в озеро, густо поросшее тростником, и затаились.

Допросив пленных, которые, среди прочего, «доверительно» сообщили, что Александр Антонов убит еще два дня назад, а его младший брат Дмитрий застрелился прошлой ночью, и тщательнейшим образом обследовав последние перед начинавшейся глубиной кочки, курсанты ушли докладывать по начальству, которое вскоре распорядилось снять блокаду со Змеиного озера, ибо люди были уже на пределе и начинали глухо роптать.

После снятия оцепления братья Антоновы выбрались из озера, распрощались с Востриковым и Старых (которые через месяц явились с повинной в соответствующие органы советской власти) и бесследно исчезли¹.

ЧЕКИСТЫ НЕ ДРЕМЛЮТ

Уйдя в глубокое подполье, Антонов внешне совершенно прекратил всякую борьбу. Не организовывал новых отрядов и не проводил никаких террористических актов и «экспроприаций». Никому не мстил. Ни коммунистам, ни своим бывшим и довольно близким сподвижникам, добровольно или вынужденно переметнувшемуся теперь на сторону противника и даже активно сотрудничавшим с чекистами.

А последние ни на один день не прекращали настойчивые поиски следов Антонова, будучи почему-то уверенными, что Александр Степанович не ушел с Тамбовщины. Непосредственное руководство чекистским розыском осуществлял начальник секретного отделения Тамбовской губ. ЧК, а с 1922 года – заместитель начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергей Титович Полин, назвавший в своих воспоминаниях Антонова человеком «с громадной бандитской наглостью и смелостью». Далее Полин писал:

«Первые сведения о нем были получены осенью 1921 г., когда он со своим братом перешел на отдых в «родные» места Кирсановского уезда. Неудачный подход к делу и недостаточная ориентировка привели первоначальную работу по его поимке к тому, что Антонов окончательно «смылся» с глаз ЧК и стал еще осторожнее. Старый прожженный авантюрист, находившийся большую часть своей жизни в подполье, был слишком хитер, чтобы к нему «подъехать на козе»².

Да, Антонов был предельно осторожен, и неоднократные попытки чекистов «выйти» на него всякий раз кончались ничем. Так, еще в начале антоновщины, осенью 1920 года, тамбовские чекисты с нулевым результатом провели операцию «Сестра». 6 октября они арестовали в городе Моршанске Тамбовской губернии жену Антонова, Софью Васильевну Орлову-Боголюбскую, которая, после поспешного отъезда из Дашково в августе 1918 года, проживала некоторое время в Тамбове у своей матери, затем в селе Верхний Шибряй Борисоглебского уезда (сюда к ней приезжали Антонов и ее неродной по отцу брат Александр Алексеевич Боголюбский), в селе Никольское Воронежской губернии и, наконец, в Моршанске, где сначала устроилась работать конторщицей местного союза кредитных и досберегательных товариществ, а с сентября 1920 года – счетоводом Моршанского союза единых рабоче-крестьянских потребительных обществ.

Полностью склонить Софью к сотрудничеству чекистам не удалось, но они все-таки добились от нее (в обмен на освобождение, состоявшееся 22 октября 1920 года) написания записки Антонову с просьбой встретиться в Тамбове, в доме ее матери на Красной улице. Так как выпускать жену Александра Степановича из Тамбова чекисты сочли нерезонным, то разыскать Антонова и передать ему записку было «доверено» сестре Софьи, Клавдии Алексеевне Латышевой, что та и сделала. Однако Антонов на встречу с женой не поехал, а отделался короткой ответной запиской, в которой слегка пожурил свою Соню за необдуманную попытку оторвать его от руководства восстанием в столь напряженный момент. Антонов написал также, что о его приезде в Тамбов «и речи быть не может», ибо «кругом война, за которую в некоторой степени ответственность ложится на меня»³.

Естественно, что эта неудача чекистов не остановила. В марте 1921 года за поимку Антонова взялась уже ВЧК, вернее, ее отдел по борьбе с контрреволюцией, возглавляемый небезызвестным Тимофеем Петровичем Самсоновым. Зная, что Тамбовская губ. ЧК массовыми арестами «подозрительного элемента» в Тамбове в сентябре 1920 года (в числе арестованных оказался и шурин Антонова – А. А. Боголюбский) окончательно оборвала и без того слабые связи антоновцев с партиями правых и левых эсеров, Самсонов решил на этом сыграть и выманить Антонова в Москву, на якобы созываемый там съезд руководителей повстанческих армий и крупных отрядов из разных регионов страны для координации дальнейшей борьбы с большевиками.

К этой операции ВЧК были подключены тамбовские и воронежские чекисты, а главным ее действующим лицом стал бывший видный функционер Рязанской и Воронежской эсеровских организаций Евдоким Федорович Муравьев, засланный к антоновцам под видом члена ЦК партии левых эсеров. Полтора месяца он находился в стане тамбовских мятежни-

¹ Антоновщина... С. 51 - 53, 80, 87.

² Полин С. Последние дни эсеров-бандита Антонова. Из записной книжки чекиста \\\ Путь борьбы. Сборник первый Тамбовского губиспарта. Тамбов, 1922, С. 49.

³ Лобокский А. По следу «Главного»... С. 13.

ков и навредил им основательно. Помимо добытой им ценнейшей разведывательной информации о 2^й антоновской армии, в зоне действия которой он находился, Муравьев в самом конце июня 1921 года отправил в Москву, прямо в руки ВЧК, резидента антоновцев в Тамбове Дмитрия Федоровича Федорова, руководителя повстанческой контрразведки Н. Я. Герасева, заместителя Антонова по Главоперштабу Павла Тимофеевича Эктова, главного антоновского агитатора Ивана Егоровича Ишина и группу из восемнадцати повстанцев, направленную якобы в Тулу за оружием и арестованную в Москве при переходе с Павелецкого вокзала на Курский. Все эти арестованные (за исключением Эктова, согласившегося сотрудничать с чекистами¹) в конце июня были расстреляны как «неисправимые враги Советской власти»².

Эта четырехмесячная операция ВЧК, проходившая под личным контролем Ф. Э. Дзержинского, была, безусловно, успешной, хотя главная ее цель – поимка А. С. Антонова – так и не была достигнута.

Думается, было бы наивным полагать, что в поисках Антонова чекисты не пытались использовать его родственников. Например, жену Софью, которую по приказу Самсонова вновь арестовали в Тамбове 26 марта 1921 года и отправили в Москву, в ВЧК. Кстати, там же оказался и ее ранее арестованный брат, Александр Боголюбский. Склонили ли их чекисты к сотрудничеству? Увы, ответ на этот вопрос находится в пока недоступном автору Центральном архиве ФСБ РФ. В порядке же информации к размышлению приведем здесь три уже установленных на сегодня факта:

- 1) в декабре 1921 года находившаяся в Бутырской тюрьме в Москве жена Антонова провела шестидневную голодовку;
- 2) 29 марта 1922 года ее неожиданно освободили и уже на следующий день, вместе с братом, отправили в Тамбов;
- 3) судя по материалам судебного процесса над партией эсеров, проходившего в Москве летом 1922 года, Александр Боголюбский полностью раскаялся в своих эсеровских грехах и дал обширные показания по связям эсеров с антоновщиной и самим Антоновым.

«ЯКИЙ Я ВАМ АНТОНОВ?!»

Близилось лето 1922 года, а тамбовским чекистам все никак не удавалось найти хоть какой-нибудь след Антонова. Но вот в начале мая чекистские сердца взволнованно забились. Это случилось после того, как из Борисоглебска в Тамбов, а оттуда в Москву лавиной пошли «срочные, вне всякой очереди» совершенно секретные шифротелеграммы. А начало этой лавине положило донесение секретной сотрудницы ГПУ «Мироновой» главе борисоглебских чекистов Чупрову. В своем сенсационном донесении от 7 мая 1922 года «Миронова» (Александра Гавриловна Кудрявцева) писала:

«Сообщаю, что 5 мая с. г. утром часов в 11 по дороге из Грибановки в Борисоглебск я встретила у второго кордона от Грибановки в Борисоглебск переодетого типа, в котором узнала главаря банд Антонова, который шел на базар в Борисоглебск и нес для продажи картофель. Он шел вместе с женщиной, которая назвала себя его сестрой и которая на него очень похожа. Потеряла я его в Борисоглебске вблизи ардома (*арестного дома, тюрьмы – В. С.*), когда они повернули на базар. В разговоре со мной они выдавали себя за проживающих в с. Алексеевка беженцев Саратовской губернии, причем говорили, что из города возвратятся опять в Алексеевку (верст 40 от Борисоглебска)...

Разговаривала я больше с сестрой, т. к. Антонов от разговора воздерживался и отделялся односложными фразами и, как видно, меня узнал, стараясь это скрыть, и старался прищуривать глаза при улыбке. Мне бросились в глаза два сломанных зуба. Одного совсем нет, а другой – половина. Точно также, как это было и тогда, когда я знала его в банде. Выговор оба старались изменить на малороссийский. Остановиться они предполагали на одном из постоянных дворов, т. к., по их словам, квартиры у них в городе нет».

Не отреагировать на такое сообщение было нельзя, и уже 9 мая похожие на Антонова и его сестру мужчина и женщина были разысканы и арестованы милицией в Алексеевке, а вечером следующего дня водворены в Борисоглебскую тюрьму.

На первом же допросе арестованный мужчина на торжествующий вопрос чекистов «Ну, что, Антонов, – попался?» раздраженно ответил по-украински: «Який я вам Антонов? Я – Коваленко!» Услышав такой ответ, чекисты, вероятно, лишь саркастически усмехнулись. И было отчего: имевшаяся у них фотография Антонова убийственно свидетельствовала если не о полной идентичности арестованного Коваленко и разыскиваемого Антонова, то уж во всяком случае об их поразительнейшем сходстве (в чем автор этих строк убедился лично). Сходились и все остальные приметы: рост, цвет волос и глаз, овал лица и т. д. Мало того, налицо были и две известные приметы: отсутствие двух зубов в верхнем ряду и шрам на голове – след пулевого ранения, полученного Антоновым 6 июня 1921 года в бою под пензенским селом Чернышево. Правда, было и одно обстоятельство, несколько смущавшее борисоглебских чекистов – внешне арестованный Коваленко выглядел лет на 45, в то время как Антонову еще не исполнилось и тридцати трех. Впрочем, это расхождение в годах легко можно было объяснить тяжелыми условиями подполья, в которых прошел последний год жизни Антонова.

Тем не менее, казалось бы намертво припертый к стенке арестованный мужчина продолжал упорно твердить (на смеси русского и украинского языков), что он вовсе не Антонов, а Андрей Ильич Коваленко – крестьянин села Еловатка Самойловской волости Еланского уезда Саратовской губернии, вынужденный из-за разразившегося в Поволжье голода податься вместе со своей младшей сестрой Феклой в относительно сытый Борисоглебский уезд, где они вот уже четыре месяца проработали за харчи и кров у богатых крестьян сел Алексеевка и Александровка Мало-Грибановской волости. А злополучный шрам на голове, утверждал Коваленко, появился у него еще лет семь назад, при падении на лед с необъезженной лошади.

То же самое, почти слово в слово, показала на допросах и Фекла Коваленко.

Однако слаженные ответы арестованных не поколебали уверенности борисоглебских чекистов в своей редкой удаче. Тем более, что спешно разысканные ими в городе и уезде четыре человека, ранее знавшие Антонова, единодушно признали в арестованном Коваленко бывшего руководителя тамбовских повстанцев. Так, например, заместитель начальника 5^{-го} (Козловского) района милиции Борисоглебского уезда Степан Алексеевич Васильев, родом из Инжавино, заявил: «В

¹ Через год П. Т. Эктов был застрелен неизвестным в Тамбове прямо на улице.

² Муравьев Е. Полтора месяца в штабе антоновцев // Воронежские чекисты рассказывают... Воронеж, 1976, С. 43-61; «Союз», № 11. 1990, С. 15.

предъявленном мне человеке я признаю главаря банд Антонова, с которым, в бытность его начальником Кирсановской умилиции, я служил вместе месяца три. Изменен у него только разговор, но по голосу – это он. Что касается того, что он кажется немного старше, то это, по моему мнению, происходит оттого, что он похудел и от пережитого им».

17 мая брат и сестра Коваленко, под усиленной охраной, как «чрезвычайно важные государственные преступники» были отправлены в Тамбов, в губотдел ГПУ, где ими уже занялся начальник отделения по борьбе с бандитизмом Михаил Иванович Покалюхин.

Чтобы окончательно убедиться, что доставленный из Борисоглебска арестованный действительно является Антоновым, Покалюхин вызвал в Тамбов еще 10 человек, достаточно хорошо знавших Александра Степановича. Результат предъявления им Коваленко оказался удручающе неожиданным: девять из десяти опознавателей категорически заявили, что показанный им человек – не Антонов. И не верить этим людям было нельзя. Ведь в их числе были заместитель председателя Кирсановского уездного исполкома А. И. Агейкин, кирсановский чекист Абрам Геся Захарович Равер, бывший командир Особого антоновского полка Яков Васильевич Санфилов, бывший командир эскадрона этого же полка Петр Ильич Юмашев, длительное время отиравшаяся при Главоперштабе некая Анастасия Аполлоновна Дриго-Дрыгина и др. Кстати, именно Анастасия Аполлоновна (в описываемый момент находилась за что-то под следствием в губревтрибунале) была в своем заключении относительно Коваленко наиболее многословна и доказательна.

«Предъявленный мне гражданин, – заявила Дриго-Дрыгина, – имеет громадное сходство с начальником Главоперштаба и руководителем партизанского движения Тамбовского края Антоновым Александром, но у него противоречат следующие отличительные приметы. Антонов гораздо моложе и, по моему мнению, так устареть за этот краткий период не мог. Волосы его гораздо светлее, брови прямые и светлые, а у этого старика – густые, круглые и темно-русые. Затем у Антонова очень маленькие и изящные руки, а у этого старика руки большие и на суставах очень выдающиеся большие шишки. Кроме того у Антонова во рту не было двух зубов верхней челюсти с левой стороны, а вообще зубы были очень чистые, а у этого старика двух зубов действительно хотя и нет, но нет передних прямо, тогда как у Антонова передние зубы были целы, а не было с левой стороны. И зубы вообще у Коваленко не такие, как у Антонова. Последнего я знаю хорошо, и действительно Коваленко имеет большое сходство с Антоновым. Но я утвердительно могу сказать, что это не Антонов».

Последние же сомнения Покалюхина развеял вернувшийся из командировки в Еловатку – родную деревню Коваленко – чекист, который привез доказательства того, что брат и сестра Коваленко действительно являются теми людьми, за которых себя выдают, и не имеют никакого отношения ни к Антонову, ни даже к антоновщине. Однако Покалюхин почему-то не поспешил освободить арестованных и лишь 14 июня, перед самым отъездом на операцию по поимке уже настоящего Антонова, написал в заключении по делу брата и сестры Коваленко, что дальнейшее их содержание под стражей не имеет смысла¹.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Где скрывался Антонов до мая 1922 года – пока остается тайной. Более или менее точное место его пребывания – лесистый район на границе Кирсановского и Борисоглебского уездов – чекисты узнали от бывшего тамбовского эсера-железнодорожника Фирсова, давнего знакомца Антонова.

В конце мая к Фирсову обратилась с просьбой достать порошки хинина (остродефицитное в то время лекарство) неизвестная ему лично молодая учительница из села Нижней Шибряй Борисоглебского уезда Софья Гавриловна Соловьева. Она сообщила, что хинин нужен для страдающего приступами малярии Антонова и что сама живет в Нижней Шибряе, где квартирует в доме вдовы Натальи Ивановны Катасоновой.

Твердо пообещав Соловьевой достать лекарство, Фирсов в тот же день «исповедался» заместителю начальника Тамбовского губотдела ГПУ Сергею Титовичу Полину². Дело завертелось, и к середине июня 1922 года план поимки Антонова был готов. Александра Степановича предполагалось взять живым, а безотлучно находившегося при нем брата Дмитрия – «как придется». Схватить Антонова планировалось в Нижней Шибряе, днем, в доме Катасоновой, куда он должен был явиться на встречу с Фирсовым, якобы имевшим сообщить ему лично нечто очень важное. Сформировать и возглавить группу захвата было поручено начальнику отдела по борьбе с бандитизмом Михаилу Ивановичу Покалюхину, который с четырьмя оперативниками выехал 14 июня в районное село Уварово, от которого до Нижней Шибряи было не более двух километров.

Дело несколько осложнялось тем, что никто из чекистов не знал Антонова в лицо. Поэтому пришлось срочно разыскать тех немногих уцелевших мятежников, которые лично знали Антонова и могли бы помочь в его задержании. Вскоре несколько таких бывших антоновцев были найдены и тайно доставлены в село Перевоз, что в пятнадцати километрах севернее Уварово.

22 июня на автомобиле, вместе с молодым оперативником Иосифом Яновичем Беньковским, выехал в Уварово и сам Полин, писавший через полгода:

«Выехали мы конспиративно. Между Тамбовом и Балашовом поезда не ходили вследствие ремонта ветки, и мы ехали под видом «господ из треста» по направлению на Балашов. Село Уварово... Громадное село, чуть не семь верст в длину! Въехав в село, мы остановились перед первым же попавшимся на глаза кулацким домом и заявили, что едем в Балашов, но у нас сломалась машина, и ее придется чинить. Кроме того, не хватило бензина, а сзади идет грузовик с бензином.

Мне нужно было как можно скорее видеть т. Покалюхина, но его не было. Отвязав велосипед, я поехал в центр села. Оттуда Н. Шибряй – как на ладони. Внизу течет река Ворона, а кругом леса, овраги, заросль.

Так вот она, вотчина Антонова! Действительно, места такие, что можно полку целому спрятаться, и не скоро найдешь.

Осмотрев место и сделав еще кое-что, я вернулся обратно. Радужная хозяйка, как и все окружающие, вполне поверила, что мы безобидные проезжие нэпачи. Без умолку она рассказывала, как живет одна, как ее муж бросил, предварительно

¹ Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. П-11480, Л. 2 - 11, 15 - 19, 34, 50, 53 - 54(об.), 59, 64, 65.

² Лобозкий А. Указ. соч., С. 40 - 42.

попытавшись утопить в колодце и т. д., все это в самой живописной форме. Тургенев на основании ее рассказов, пожалуй, написал бы не одну книгу вроде «Живых мошей». А сколько здесь, в селе, благодаря недороду и Антонову, было подлинных «живых мошей». Голод, такой голод, что ели траву, ели хлеб, от одного вида которого и бывалого человека стошнит!

Меня смущало то обстоятельство, что тов. Покалюхин не смог себя замаскировать. В селе уже знали, что он – из ЧК. Ну, думаю, узнает Антонов – уйдет!

Сообщили, что Покалюхин приехал и находится в районе милиции. Вызываю его осторожно. Докладывает, как обстоит дело: двое наших живут в лесу на «бандитских началах». Днем были в Шибряе, назвавшись плотниками из голодных мест, ищущими работы, они великолепно осветили деревню и дома, где скрывается Антонов.

Ночью пошел с Покалюхиным в лес, чтобы поговорить со своими «бандитами». Шли долго, через реку, лесом. Легкий свист. Ответ из лесу. Выходит один, другой. Ложимся под кустами. Разговариваем шепотом. Над рекой – туман. Редкие рыбаки перекинутся. Ребята все еще сомневаются, что Антонов здесь. Успокаиваю их.

– Здесь, ребята! Вот, может быть, в двухстах шагах!

24 июня получаю сведения, что Антонов с братом был ночью в доме Наталии Катасоновой в Шибряе и остался на день ждать следующей ночи, чтобы уйти в лес на кордон. Болеет малярией, которая одолевает своими приступами. Брат за ним ухаживает.

Затягивать дело было невозможно. Ждать случая взять Антонова живым было сопряжено с риском вовсе сорвать операцию: через день-два донесут ему его люди, что приехал какой-то из ЧК и что этот из ЧК ходит к какому-то приехавшему на автомобиле. Тогда – поминай как звали Антонова – удерет, да и моих ребят перестреляет врасплох, как цыплят.

Сведения об Антоновых имелись точные: вооружены двумя маузерами – десятизарядными автоматическими, по два полных подсумка патронов к ним, два браунинга и один наган¹.

Эта информация была получена от Фирсова, который в обед приехал из Нижнего Шибряя, где в доме Катасоновой встречался с Антоновым. Тут же на машине Полина Покалюхин отправился в Перевоз и через полтора часа привез в Уварово своих помощников – бывших антоновцев, именуемых на чекистском языке «бандагентами». С ними и с другими членами группы захвата Полин провел последний инструктаж, приказав всячески избегать жертв со своей стороны, а с братьями Антоновыми особо не церемониться – «застать врасплох и застрелить».

Затем, переодевшись под бригаду плотников-шабашников, с топорами и пилами (карабины в мешках, револьверы – под рубашками), группа захвата, вернее, группа уничтожения пешком отправилась в Нижний Шибряй. Всего пошло 9 человек: Михаил Иванович Покалюхин, оперативник Иосиф Янович Беньковский, бывший командир Особого (находившегося всегда при антоновском Главоперштабе) повстанческого полка Яков Васильевич Санфиоров – житель села Калугино Кирсановского уезда, два бывших антоновца из небольшого повстанческого отряда Грача (Афанасия Евграфовича Симакова) – крестьяне деревни Леоновка Трескинской волости Кирсановского уезда Егор Ефимович Зайцев и Алексей Игнатьевич Куренков, бывший антоновец из 14^{-го} Нару-Тамбовского (Хитровского) полка Михаил Федорович Ярцев, два секретных агента ГПУ по кличкам Мертвый и Тузик – бывшие антоновцы из села Паревка Кирсановского уезда Ефим Николаевич Ластовкин и Никита Кузьмич Хвостов, а также начальник милиции 1^{-го} (Уваровского) района Борисоглебского уезда Сергей Михайлович Кунаков².

Из перечисленных девяти человек Антонова лично знали шестеро: Покалюхин (плохо), Санфиоров, Ярцев, Зайцев, Куренков и Ластовкин. Последний был настроен против Антонова злее всех. Причину этой ненависти выяснить с документальной точностью не удалось. По недокументальным же сведениям, во время антоновщины какие-то мятежники убили жену Ластовкина, который в отместку за это якобы поклялся убить самого Антонова.

Определенный интерес представляет и Егор Зайцев. И вот почему. 9 мая 1922 года в селе Алексеевка Борисоглебского уезда был арестован некий А. И. Коваленко – внешне похожий на Антонова беженец из голодающего Поволжья. Когда доставленного в Тамбов Коваленко показали 24 мая бывшим антоновцам Санфиорову и Куренкову, то они в один голос заявили, что это не Антонов. А вот Зайцев, приглашенный на опознание в тот же день, но отдельно от Санфиорова и Куренкова, заявил, что показанный ему человек – «Антонов, которого я знаю хорошо по прежнему пребыванию в банде»³. Что же толкнуло Зайцева на лжесвидетельство? Желание ввести чекистов в заблуждение и тем самым хоть как-то помочь настоящему Антонову? Или все же Зайцев мало знал Александра Степановича? Вопросы, вопросы...

Уже около восьми часов вечера восемь «плотников» и шедший чуть сзади начальник Уваровской милиции Кунаков (его Покалюхин взял с собой главным образом для того, чтобы тот оперативно вмешался, если вдруг «шабашников» задержат какие-нибудь сверхбдительные сельские активисты) пришли, наконец, на дальнюю нижнешибряйскую окраину, именуемую Кочетовкой, где стоял дом Катасоновой. Окружая избу они увидели, как из нее шустро выскочил старик – 66-летний местный крестьянин-бедняк Иван Михайлович Ломакин. На вопрос, что он делал в доме Катасоновой, Ломакин ответил, что приходил попросить бумаги на курево у квартирантки-учительницы, но ее нет дома.

Отпустив старика, Покалюхин, Санфиоров и Ластовкин вошли во двор и постучали в запертую дверь сеней – единственный вход в дом. На их стук сзади, из сарая, подошла сама Катасонова, которая на вопрос, кто находится у нее в доме, ответила, что никого там нет. Потом добавила: «Был какой-то тип из Тамбова, приезжал купить пшена и перед обедом уехал».

В это время дверь сеней приоткрылась, и в проеме мелькнул кто-то из Антоновых. В него тут же, без всякого предупреждения, выстрелил из браунинга Ластовкин. Не попал. Антонов метнулся обратно в дом, заперев дверь изнутри.

Только после этого инцидента Катасонова призналась Покалюхину, что в доме находятся двое вооруженных неизвестных, именующих себя Степаном и Матвеем; они пришли к ней прошлой ночью на свидание с приезжим из Тамбова и с наступлением темноты должны уйти. На предложение Покалюхина передать своим «гостям» записку Катасонова ответила категорическим отказом – боюсь, мол, убьют. А на вопрос, как можно взять их без жертв, заявила: «Это сделать никак нельзя, и вас, бедняжки, они всех побьют».

В этот момент слева (если смотреть со двора) прогремело несколько выстрелов. Это два поста оцепления (бывшие антоновцы Ярцев и Зайцев) встретили и пресекли огнем попытку братьев Антоновых выскочить через окна северного торца

¹ Полин С. Указ. соч., С. 50 - 52.

² Архив Управления ФСБ РФ по Воронежской области. Д. П-11480, Л. 30.

³ Там же, Л. 64, 65.

дома.

Перебегая по кругу от одного поста к другому, Покалюхин заметил, что из одного окна выстрелы раздаются чаще всего, и приказал бывшему командиру Особого антоновского полка Санфинову бросить туда гранату, которая, однако, угодила в оконную раму, отлетела назад и разорвалась на земле, едва не задев своими осколками бросавшего. Больше гранат ни у кого не было.

Первые сумбурные минуты боя миновали, и Антонов разглядел среди стреляющих в него людей знакомые лица своих бывших сподвижников и принялся их стыдить:

– Яшка, Лешка, что вы делаете?! Кого вы бьете?!

– Довольно, Александр Степаныч, – неуверенно огрызались в ответ Яков Санфинов и Алексей Куренков. – Поиграл и будет!¹

Так как дело шло к сумеркам, а результатов осады все не было, Покалюхин приказал поджечь дом и усилить обстрел окон. Через полгода он вспоминал:

«Соломенная крыша быстро занялась. Пожар в полном разгаре, обстрел идет усиленным темпом. Антоновы нам не уступают и сыпят в нас из своих маузеров. Борьба продолжается уже с час. Жертв нет ни с чьей стороны. У избы загорается потолок.

Все село собралось на пожар и стрельбу. Собравшиеся в недоумении смотрят на странную картину. Смелчаки спрашивают в чем дело. Объясняю. Очень сдержанно, но все-таки заметно крестьяне выражают нам свое сочувствие, желают успеха в борьбе. Сказать это открыто им нельзя: вдруг в этот, возможно, сотый раз Антонов выйдет опять победителем, тогда он найдет всех сочувствующих нам и сведет с ними свои счета.

Дом объят пламенем. Кругом стрельба. Черный густой дым клубком стелется на землю.

Мне невольно приходят в память аналогичные случаи стычек с Антоновым. Помню, как не то в 1919 г., не то в 1920 г. его также захватили с Токмаковым в с. Рамзе. Атаковали, зажгли, и все-таки он ушел, разогнав наших. Ну, думаю, воспользуется он густым соломенным дымом, выскочит – пропадет как сквозь землю. Ведь в какие он только не попадал ловушки и, как бес, уходил из них».

Прервем здесь ненадолго Покалюхина, чтобы отметить одно обстоятельство, о котором он (как и Полин) забыл, наверное, упомянуть. Дело в том, что во время своего последнего боя Антонов был уже «не тот», что в 1919 году. 24 июня 1922 года Александр Степанович был не только очень болен малярией, но и являлся, по существу, калекой – висела плетью почти высохшая правая рука (результат пулевого ранения, полученного в бою с красными осенью 1920 года в селе Золотовка). А если учесть, что Антонов не был левшой, то не трудно представить, что это был за боец, который не в состоянии даже самостоятельно перезарядить свой маузер.

«...И на сей раз Антонов решил перехитрить нас и уйти, но он ошибся в своих расчетах. Наученные горьким опытом в борьбе с ним, мы предусмотрели все возможные уловки. Обеспокоенный затяжкой борьбы, ибо время клонилось уже к закату, я, как угорелый, носился по постам своим, приказывая смотреть «в оба».

Вдруг замечаю – открылось быстро окно пред постом тов. Беньковского. Приказываю усилить обстрел этого окна. Четко, словно по расписанию, посылают в нас пули Антоновы из своих автоматов. Горящий потолок обваливается. Антоновы с дьявольской быстротой выскакивают в окно и нападают на посты Куренкова и Кунакова. Последний, оправдываясь порчей оружия, «отходит». Мне все видно с огорода, и я бросаюсь на помощь Куренкову через соседний двор. Выскакиваю на улицу и оказываюсь в тылу Антоновых, шагах в 8 – 11. Они стояли оба рядом и стреляли в лежащего Куренкова. Антоновы оборачиваются и с криком «Вот он, бей его!» бросаются на меня. У меня в револьвере остается всего два патрона. Я вынужден тоже «отходить» и, уже «не сдерживая противника», несусь полным ходом к своим постам. Антоновы – следом за мной, осыпают пулями из своих маузеров, но не попадают. Бегу через двор и вот я уже около своих ребят. Антоновы подались обратно во двор и другой стороной, через огород – тягу, держа направление к лесу. Но здесь стоял мой наблюдатель, поднял тревогу, и я, с Санфиновым и Ярцевым, догоняем Антоновых и вновь вступаем в перестрелку. Опять поднялся ураганный огонь. Скоро Антоновы, как бы по условленному знаку, падают оба. Меткие выстрелы Ярцева уложили их»².

В своих воспоминаниях Покалюхин опустил кое-какие моменты боя, о которых не мешает рассказать подробнее.

Когда обстрелянные Покалюхиным на улице (ныне ул. Советская, а тогда была без названия) Антоновы бросились за ним в соседний двор мельника Василия Владимировича Иванова (главного укрывателя Антонова в Нижнем Шибряе) и попытались вслед за Покалюхиным перемахнуть через забор на огород, то почти лицом к лицу столкнулись с Ластовкиным и Санфиновым. И прежде чем Антоновы отпрянули обратно во двор, по ним было произведено порядка семи выстрелов. Одна пуля попала Александру Степановичу в подбородок, другая угодила в Дмитрия.

Оставленные на какое-то время в покое, раненные Антоновы с трудом перелезли через ограду двора мельника с левой стороны и по огороду пошли (бежать Дмитрий не мог) напрямик к лесу, до которого было не более ста пятидесяти метров. Еле двигавшиеся Антоновы – Александр поддерживал Дмитрия – обреченно брели как раз на лежавшего за огородом в зарослях конопли Хвостова (еще не принимавшего участия в перестрелке), который заметил их и поднял тревогу.

Вновь увидевший Антоновых Покалюхин не рискнул приближаться к ним по открытому месту (на огороде рос картофель), а вместе с вооруженными карабинами Санфиновым и Ярцевым побежал наперерез по дуге направо, через густой соседский сад. Антоновы этого рокового для них маневра видеть не могли: обзор направо закрывала стоявшая почти в конце огорода мельника рига, которую они как раз обходили слева. А когда миновали ее, то увидели (если успели) справа от себя, метрах в десяти или двенадцати, бегущих цепью почти навстречу им Ярцева, Покалюхина и Санфинова.

Правый крайний в этой цепочке, бывший антоновец из 14го Нару-Тамбовского (Хитровского) повстанческого полка Михаил Федорович Ярцев, первым увидел появившихся из-за риги Антоновых и первым же дважды выстрелил в них из карабина. Сначала в Александра, затем в Дмитрия. Не выпуская из рук оружия, братья почти одновременно упали в высокую картофельную ботву, лицом к лесу, до которого оставалось еще метров сто двадцать.

Лишь минут через десять, выпустив по месту падения Антоновых не один десяток пуль и не получив ни одной в ответ,

¹ Полин С. Указ. соч., С. 52; «Союз», № 11. 1990, С. 15; Антоновщина... С. 88, 89.

² Там же, С. 89 - 91.

Покалюхин и другие решились, наконец, подойти к двум бездыханным телам¹.

* * *

Спустя девять дней Покалюхин писал в служебном отчете об операции в Нижнем Шибряе:

«При убитых я взял два маузера при сотне патронов, два браунинга. Причем, по сведениям, история маузеров такова. Антонова Александра маузер – как будто преподнесенный ему Кирсановским уисполкомом в бытность его начумилиции за усердную службу, и этот маузер находился при нем всегда. На нем сделана монограмма «Я». Маузер же Антонова Дмитрия, с монограммой «Д. А.», является принадлежавшим убитому Антоновым тамбовскому предгубисполкома тов. Чичканову, который Антонов подарил своему сподвижнику ... Токмакову, а после смерти последнего передан Антоновым своему брату Дмитрию. За все время перестрелки – более двух часов – бандиты Антоновы по-прежнему проявляли максимум отчаянности и свирепости, и ими было выпущено не менее двухсот маузерских патронов...

Маузер Александра Антонова остался у меня, маузер Дмитрия Антонова передан т. Полину, один браунинг мною дан оперативнику Беньковскому и другой браунинг – бандагенту².

Какому бандагенту отдал Покалюхин браунинг – неизвестно. Но думается, тому, кто убил Антоновых. А таковым Покалюхин считал Ярцева. Это уже много позже в нашей художественной, а затем и исторической литературе появилась пока ничем не аргументированная версия, что Антоновых убил не Ярцев, а Санфилов. Эту версию можно было бы не принимать всерьез, если бы ее в свое время не поддержало Управление КГБ СССР по Тамбовской области³.

*Тела убитых братьев Антоновых
(на переднем плане – Александр Степанович, рядом его брат – Дмитрий Степанович)*

Ну, что здесь сказать? Да только то, что в последней операции чекистов против Антонова, как, впрочем, и во всей его биографии еще очень много неясностей и «белых пятен».

Ничего пока неизвестно и о судьбе родственников Александра Степановича. За исключением, разумеется, убитого вместе с ним брата Дмитрия и умерших родителей – в 1907 году матери и в 1919 году отца. А вот что стало с женой Софьей и ее братом Александром Боголюбским? Какова судьба сестер Антонова – Анны и Валентины⁴? Вопросы, вопросы... И все без ответов.

Неизвестно и место, где покоятся останки Александра Степановича. Установлено лишь, что из Нижнего Шибряя трупы братьев Антоновых привезли в Тамбов, в бывший Казанский монастырь, где размещался тогда губотдел ГПУ, и бросили на пол в одну из маленьких кладовых. А голодные монастырские крысы успели основательно «обработать» трупы, пока чекисты демонстрировали их знавшим Антонова лицам, чтобы навсегда прекратились слухи, что Антонов по-прежнему жив⁵.

¹ «Союз», № 11. 1990, С. 15.

² Антоновщина... С. 91.

³ См.: Пароль – мужество. Очерки о тамбовских чекистах (изд. 2-е, доп. и перераб.). Воронеж, 1986, С. 114.

⁴ Про сестер Антонова достоверно известно лишь следующее.

Старшая из них – Валентина Степановна (по мужу Иванченко) – член РКП(б), работавшая в Тамбове счетоводом и имевшая двух детей, была арестована 26 января 1920 года. Как ни нажимали на нее чекисты, она в течение трех месяцев на допросах упорно стояла на своем: никакой связи со своими братьями не поддерживает и о их местонахождении ничего не знает и знать не хочет.

Приблизительно то же самое показала на допросах в губ. ЧК и ее младшая сестра, Анна Степановна (по мужу Полканова), жившая в селе Рассказово Тамбовского уезда на иждивении своего мужа-агронома и имевшая двухлетнего сына; была арестована 29 января 1920 года.

Чекисты сестрам Антонова не поверили (*Крестьянское восстание в Тамбовской губернии...* С. 272 - 279).

⁵ См.: Лобозкий А. Указ. соч., С. 58.

* * *

Уже много лет автор этих строк занимается изучением истории антоновщины и, естественно, биографии А. С. Антонова. И поневоле часто задаешь себе вопрос: какое же место занимает Александр Степанович Антонов в российской истории? И в ответ все увереннее выстраивается перед мысленным взором вот такой ряд: Иван Болотников, Степан Разин, Кондратий Булавин, Емельян Пугачев, Александр Антонов. Ведь единственное, что отличает Антонова от его предшественников, вождей крестьянских войн и восстаний в России, это то, что он был предводителем последней крестьянской войны в нашей стране. А именно таковой и является антоновщина.

Самошкин Владимир Васильевич

Хроника Антоновского восстания. Документальный очерк.
Александр Антонов. Страницы биографии.

Борисоглебск, 2003. – 208 с.

Научно-популярное издание.

Компьютерная верстка – Н. В. Чесноков
Корректор – В. В. Самошкин

Сдано в набор 10.10.03 г. Подписано в печать 09.12.03 г.
Печать офсетная. Объем 13,0 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Кристина и К°»
397160, Воронежская обл., г. Борисоглебск, ул. Свободы 188 «в»